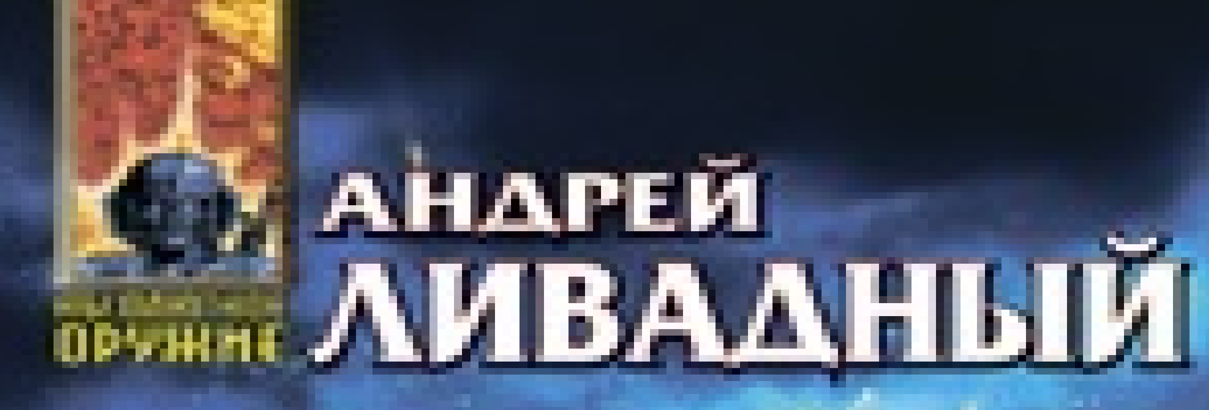

РЕЗЕРВНЫЙ КОСМОДРОМ

Annotation

3867 год.

Сложный путь развития Конфедеративного Содружества, новая доктрина всеобщей безопасноти, проникновение разведывательных кораблей за пределы скопления О'Хара — на этом фоне развивается сюжет книги. Что нашли исследователи-одиночки за пределами шарового скопления звезд и чем обернулся поиск для гарнизона планеты Алексия?

Андрей Ливадный Резервный космодром (ЭКСПАНСИЯ: История Галактики — 47)

Пролог

…но человечество не остановится на достигнутом. Мы соберем осколки прошлого и вероятности будущего, уйдем за Вертикали Гиперсферы и прорвемся через зону рискованной навигации шарового скопления О'Хара. А иные космические расы будут взирать на нас с высоты миллионолетнего опыта освоения космоса, не понимая, что же ищут люди?

Мы ищем себя. Нам становиться тесно в рамках обжитых систем, и этого движения вперед не остановить. Порыв Экспансии, как звездный ветер, — он вечен, пока существует Вселенная…

Ежемесячное обозрение «Все Миры». Май 4001 года по Галактическому календарю.

— Какой-то ты инфантильный… — Зло обронила Айна, перезаряжая «Гервет».[1] — Удивляюсь, как сошлась с тобой?

Ричарда только что едва не вывернуло наизнанку.

Под ногами содрогалось в агонии *существо,* — не человек, и не зверь, нечто среднее — бледно-синий кусок плоти, как у мертвеца, позабытого в холодильной камере морга, но его кровь, брызгами влепившая пощечину — горячая, липкая…

Кибрайкер сплюнул, брезгливо отер щеку, оглядываясь по сторонам

— Какой есть… — Неприязненно ответил он.

Вокруг простиралось бесподобие оттенков серого, багряного и ядовито-зеленого цветов.

Везелвул… Как наглядное воплощение сути Корпоративной Окраины.

Такой же беспощадный, равнодушный к тонким нитям человеческих судеб, мир, впитавший в себя всю грязь бесчисленных промышленных производств, и переродивший ее в нечто жуткое, не поддающееся мгновенному осмыслению. Так и пограничный сектор, «де юре» — подвластный колониальной администрации Аллора,[2] фактически же поделенный между финансово-промышленными группами трансгалактических корпораций, охотно принимает эмигрантов из Центральных Миров Содружества, — накипь цивилизации, — и «переваривает» миллионы человеческих судеб, играя ими в полном соответствии с потребностями корпораций и условиями «текущего

момента».

Четверть века назад здесь, на Окраине, зародилось понятие «кибрайкер»,[3] и, как ответ на внезапный вызов информационной безопасности, — тут же возникла когорта мнемоников, позже ставшая отдельной, привилегированной частью любой развитой планетной цивилизации.[4]

Ричард честно пытался найти выход из сложившейся ситуации, но не видел его.

Мутанты радиоактивных болот, одного из которых только что пристрелила Айна, — не худшее из преследующих их зол. Они тупы, агрессивны, но не так опасны, как боевые мнемоники Конфедерации, что третьи сутки шли по следам пары кибрайкеров.

Айна могла говорить и думать все что угодно — их часы, если не минуты, уже сочтены — об этом недвусмысленно свидетельствовали обломки «Новы»,[5] чадящие на небольшой возвышенности.

Деваться некуда.

Да, я не привык к виду крови, — думал Ричард, мрачно осматривая окрестности, — да, меня тошнит от растерзанной разрывными пулями плоти, воротит и от менее резких проявлений *реального мира*, который для кибрайкера — всего лишь одна из условностей существования, но это не значит…

Айна проследила направление его взгляда и тут же перешла на мысленную передачу данных.

Еще три мутанта подбирались к ним со стороны старого колониального форта, возвышавшегося над болотами темной глыбой давно покинутых зданий.

Отвратительные твари, бывшие когда-то людьми… — Ричарда передернуло.

— У них нет имплантов. — Голос Айны звучал с нотками издевки. — Ты боишься, потому что не можешь выжечь им мозги с безопасной дистанции? — Она вновь вскинула руку, и расстреляла обойму, спокойно, как в тире. — Видишь? Их легко убить иным способом.

Потом повернулась к Ричарду и спросила:

— Ну? Какие будут предложения?

…

Что происходит?!..

Она не верила открывшейся ей реальности, хоть и слышала голоса двух незнакомых ей людей, видела их облик, скрупулезно

воспроизведенный логром,[6] даже воспринимала некоторые мысли, еще более усугубляющие ее внезапное паническое состояние.

Такого не должно происходить!..

Откуда в моей памяти столь яркие, но чуждые ей образы?!.. Имена этих людей мне ничего не говорят, лица — чужие, мысли — страшны безысходностью неотвратимой гибели.

А начиналось все так хорошо, торжественно, радостно…

…

Главным испытанием юности для любого гражданина Конфедерации Солнц безусловно является знакомство с Логрисом.[7]

Маленький, невзрачный кристалл, антрацитово-черный, умещающийся на ладони.

Трудно поверить, что в нем заключена личная вселенная, гарантирующая бессмертие души и разума.

— Курсанты! — Зычный голос командира специального учебного центра ВКС Конфедерации, где после разгрома сети подпольных «спецшкол» Окраины, осуществлялась многолетняя подготовка будущих мнемоников, звучал в напряженно-торжественной тишине ожидания, четко, выразительно, до непроизвольной дрожи впечатывая в разум сотен юношей и девушек каждое слово: — Сегодня вы, достигшие совершеннолетия, получаете личные логры. Еще одна грань реальности открывается перед вами. — Седой адмирал флота, сам мнемоник, непроизвольно бросил взгляд на тысячи кристаллов, лежащих перед ним в специальных футлярах. — Хочу сказать несколько слов, прежде чем начнется вручение именных логров. Технология их изготовления, полученная человечеством от логриан, позволила воплотить мечту многих поколений наших предков: душа и разум более не погибают с разрушением бренной физической оболочки нашего тела, они возрождаются в логре, для вечного виртуального существования среди миллиардов личных вселенных Логриса.

Дитриху фон Риттеру[8] недавно исполнилось восемьдесят лет.

Когда-то он был кибрайкером. Адмирал помнил ту Окраину, где царил абсолютный беспредел, а безграничная власть корпорации попирала законы Содружества. Он вышел из поколения мнемоников и кибрайкеров, имплантированных насильно, воспитанных в жестких и узких рамках интересов отдельных трансгалактических промышленных групп.

Сейчас он смотрел на лица курсантов, и, не смотря на железную, закаленную годами борьбы волю, к горлу вдруг подступил спазм —

чудились такие же юные лица тех, кто ломал ту бесчеловечную систему работорговли…

— Помните, — виртуальное пространство личной вселенной абсолютно адаптивно. Чистый логр, при первом подключении к рассудку, создает точную копию нейросетей своего владельца. Что это значит, спросите вы? Я отвечу: личная вселенная может стать как раем, так и адом, там, в виртуальном пространстве логра обнажается каждый нерв, исчезает любая иллюзорность сознания, срываются маски, обнажая суть, стержень души. Приходит абсолютная память, исчезает спасительная способность забыть какой-то поступок или событие. Поэтому первое знакомство с личной вселенной происходит так рано, когда человек еще в самом начале жизненного пути. Это серьезное испытание. После возвращения оттуда, неизбежно происходит переоценка самого себя. Знаю по личному опыту. И еще хочу сказать — обладание личным логром не означает неуязвимости или безнаказанности. Жизнь можно прожить лишь раз. Виртуальное бессмертие — совершенно иная форма существования личности.

Адмирал говорил, неотрывно глядя на лица тех, кому всего через пару месяцев предстояло стать боевыми мнемониками, офицерами флота Содружества.

У них еще будут встречи и беседы.

Эти ребята выбрали для себя трудный, тернистый путь, но Дитрих был убежден — будущее за ними. Они — новое поколение человечества, поднявшееся на следующую ступень эволюционного развития.

— В течение жизни вы регулярно будете контактировать со своим личным логром. Каждый раз в нем станет происходить обновление информации. Постарайтесь при первом контакте с личной вселенной понять, насколько чутко и точно реагирует она на каждую мысль, чувство, — это поможет каждому прожить свою жизнь так, чтобы последующее виртуальное существование разума и души не превратилось в ад кромешных воспоминаний. Добра и чести вам.

Рука адмирала коснулась первого футляра с логром, губы четко произнесли имя и фамилию курсанта.

* * *

Она не боялась предложенного испытания.

Ее жизнь, чистая и звонкая, не предрекала проблем.

Детство с его радостями и невзгодами, шалостями, удивительным познанием мира, не омрачалось тяжкими воспоминаниями, способными материализоваться в пространстве личной Вселенной.

Еще не познав первой любви, уже не девочка, но еще не женщина, она смело смотрела вперед, в будущее. Улыбка не сошла с ее губ, когда опускался колпак камеры поддержания жизни, серые глаза смотрели восторженно и смело в ожидании чего-то неизведанного и невероятного.

Мир поблек лишь на несколько секунд, и она оказалась среди серого клубящегося пространства.

Более не существовало ни земной тверди, ни неба.

Из вязкой, серой мглы постепенно начали формироваться гротескные перспективы, — это логр читал ее разум, память, душу, перестраивая свою структуру в полном соответствии с матрицей человеческого сознания.

Она ожидала, что сейчас увидит уже ставшие привычными отсеки и палубы орбитальной станции, где прошли последние пять лет ее жизни, но нет, ошиблась, — виртуальное пространство, формирующееся из серой мглы, проступало все четче, явственнее, но она… не узнавала его!

Странно…

Неужели мне попался бракованный логр? — мелькнула мысль. — Какая досада…

В свои девятнадцать лет она успела побывать только на двух планетах: Элио и Кьюиге. Станция, на борту которой дислоцировалась особое отделение академии ВКС, обращалась вокруг мира-столицы Конфедерации Солнц, а на Кьюиге прошло ее детство, там жили приемные родители рано осиротевшей девочки.

Своих настоящих папу и маму она не помнила. Унесшая их жизни катастрофа произошла очень давно.

Мир, воспроизведенный логром, начал принимать конкретные очертания: появилось низкое, свинцово серое, с ядовито-зелеными прожилками небо, потом оно затуманилось, словно подернулось дымкой идущих от земли испарений, быстро, неузнаваемо проступил ландшафт, затем метаморфозы ускорились, стала появляться странная растительность, объекты и…

Она более не ощущала себя взрослой девятнадцатилетней девушкой.

Сознание расслоилось, часть рассудка смотрела на происходящее как бы со стороны, но основное восприятие, — зрительное и слуховое, принадлежало не ей… или все-таки ей, но еще не осознающей реальности, такой маленькой, что рассудок лишь фиксировал зрительные и иные образы, не идентифицируя большинства из них.

Да именно так.

Маленькая, абсолютно беззащитная девочка, еще не осознающая окружающего ее мира, но *запоминающая* его, заключенная внутри

герметичного, автономного модуля жизнеобеспечения, который кто-то поставил на относительно сухой взгорок, никак не могла влиять на происходящие вне ее убежища события, но сквозь прозрачный пластик внешней оболочки она видела окружающие предметы, система, встроенная в предназначенную для новорожденного ребенка индивидуальную капсулу, транслировала звуки, а болезненно и внезапно раздвоившееся сознание машинально начало толковать дремавшие в глубинах памяти образы, воспринимая их с высоты накопленного за девятнадцать лет жизни опыта.

Она не сразу поняла, что за злую шутку сыграла с ней память, освободившаяся в логре?

Бескрайние, бугристые пузырящиеся болота простирались вокруг, неподалеку чадно дымили, изредка выпуская языки пламени крупные обломки разбившегося о поверхность планеты космического корабля.

От болот, ограничивая видимость, поднимались ядовитые, желтовато-зеленые испарения.

Я вижу себя? Новорожденный ребенок в индивидуальной спасательной капсуле, — это я?!..

Да, наверное, так и есть. Иначе, почему логр столь скрупулезно воссоздал реальность совершенно незнакомой планеты?

Он прочитал мои первые, еще не осознанные воспоминания…

…Неподалеку с хлюпающим звуком лопнул внушительных размеров пузырь, выпуская облачко мутного газа. Чахлые, кривые деревца, растущие на небольших, пологих возвышенностях относились к хвойным и лиственным породам, встречающимся на обитаемых планетах, — эту информацию подсказывало уже более позднее сознание, наблюдающее за происходящим со стороны, способное что-то истолковать, но бессильное вмешаться в разворачивающиеся на глазах события…

Явный пример неудачного, практически задушенного местной биосферой терраформинга.

Среди обломков прогремел очередной взрыв, в небо взметнулись клубы черного дыма, по поверхности болот пробежала пологая волна, едва не добравшаяся до небольших размеров спасательной капсулы.

Мгновенно пришла мысль о родителях, погибших в катастрофе.

Она не помнила их, не знала подробностей случившегося, и вот теперь, похоже, логр, прочитав весь объем ее памяти, начал формировать ткань далеких событий, невольным свидетелем которых она являлась.

Справа в поле периферийного зрения показалась фигура в скафандре.

Человек брел по колено в болотной жиже, его пошатывало, непомерная моральная и физическая усталость читалась в нетвердой

походке.

Добравшись до возвышенности, он упал, споткнувшись об скрытый под рыжим мхом узловатый корень дерева, но тут же, собрав остаток сил, заставил себя приподняться, потом сел, опираясь спиной о корявый ствол чахлого дерева.

Поворот головы.

Смутные, едва различимые черты незнакомого мужского лица за забралом гермошлема.

— Они вычислили место падения… — Внезапно раздался переданный аудиосистемой скафандра хрипловатый голос. — Бросили поисковые группы на прочесывание болот…

Слева от капсулы, вне поля зрения ребенка раздался шелест взводимого электромагнитного затвора.

— Ричард, возьми себя в руки. — Прозвучал тусклый, предельно усталый голос. — Мне надоело: сначала ты шарахаешься от мутантов, теперь перед конфедератами лапки поднимешь?

Внутри что-то сжалось, екнуло…

Мама?!..

Мужчина в скафандре бессильно откинул голову. Было непонятно, почему для общения они не пользовались коммуникаторами?

Наверное, бояться тех, кто их преследует… Не хотят упрощать им задачу… — мгновенно подсказал рассудок.

— Ты выяснил, где мы оказались? — Вновь раздался женский голос, и в поле зрения появилась еще одна фигура в гермоэкипировке. Женщина склонилась над обессилевшим кибрайкером. — Куда нас занесло в «слепом рывке»?

— Я тебе уже сто раз повторил — это Везелвул… — Хрипло ответил Ричард. — Незачем было и на разведку ходить, чтобы догадаться. Здесь во времена старика Итема добывали сетроний, — основу для синтетического наркотика.[9]

— Значит, нам не удалось вырваться с Окраины?

— Из огня да в полымя, Айна… Ты кибрайкер, я кибрайкер, а охотятся за нами уже не корпы,[10] а боевые мнемоники Конфедерации. Я не успел тебя предупредить на Эрлизе, — сейчас по всей Окраине началась тотальная чистка. Уничтожают сеть подпольных центров, тех самых, где обучались мы с тобой.

Она присела подле мужа, прижалась к Ричарду, демонстрируя непостоянство настроения, — минуту назад она едва ли не презирала его, и

вот тихо спросила, уже без надменности и злобы в голосе:

— Выхода нет?

— Нас гонят, как зверей… Да в их понятии мы и есть звери… Кому есть дело, что свой жизненный путь ни я, ни ты не выбирали. — С досадой ответил Ричард. — Либо работа на корпорации, либо смерть. Им не понять, что весь список наших преступлений по меркам Окраины, лишь тяжелая, адская работа, за невыполнение которой грозила лишь одна кара…

— Что ж теперь?.. Нет смысла искать оправдания. — Голос Айны вновь прозвучал жестко. Мы убивали, совершали преступления, теперь пошла охота на нас. Вот только в чем виновата дочь? Как спасти ее?

— Есть только один выход. Выстоять против боевых мнемоников — шансов нет. Их десять человек, они не измотаны постоянной травлей, сама понимаешь.

Айна кивнула.

— Капсулу нужно отнести подальше, у меня еще остался один фантом-генератор. — Продолжил начатую мысль Ричард. — Замаскируем, потом вернемся сюда и примем бой. Иного выхода не вижу.

— Что это даст?

— Мы отвлечем их. Надеюсь, они не знают о ребенке. Я запрограммирую фантом-генератор и устройства сигнализации спасательной капсулы, чтобы аварийный маяк включился только через месяц.

— Неужели ей придется стать сиротой?

— Айна, уже поздно что-то предпринимать. Нам не вырваться отсюда. Приговор подписан. Мы же знали, что рано или поздно это произойдет. Ты ведь не строила иллюзий, когда мы встретились?

— Да… Кибрайкеры не доживают до старости… Но… — Она вновь с трудом подавила подкативший к горлу комок, — мы с тобой примем бой, ускользнем в Логрис, очнемся там, возможно сумеем найти друг друга среди фантомных вселенных, когда-нибудь вырвемся оттуда, а она?

— Она будет жить. У конфедератов тоже есть свои понятия и правила. Мы для них — звери в человеческом облике, но ребенка они не тронут, даже если и догадаются, чей он. Главное — наша дочь не станет кибрайкером.

Айна все же не выдержала — разрыдалась.

Ричард хотел бы, но не мог успокоить или обнадежить ее.

Они оба являлись кибрайкерами, — избыточно имплантированными, поставленными вне закона *тайными* сотрудниками могущественных корпораций, но их «работодатели» совершенно зарвались — чаша терпения

Совета Безопасности Миров окончательно переполнилась, — если раньше Корпоративную Окраину не трогали, то теперь, когда не без помощи главного разведывательного управления ВСК, внезапно вскрылись все ужасающие подробности непрекращающейся битвы за информацию, колониальная администрация Аллора получила подкрепленный силами флота Содружества карт-бланш на наведение порядка в секторе. Ричард и Айна, как множество других кибрайкеров, тщетно пытались скрыться, зря уповали на поддержку корпораций.

Нетрудно догадаться — почему так происходило.

В начавшейся «чистке» каждый дрожал за свою шкуру. А кто такой кибрайкер? Чаще всего — одиночка, специалист по взлому кибернетических сетей.

Строить иллюзии бессмысленно. Ни Айна, ни Ричард не убивали никого *собственноручно*. Однако, это не означало, что их совесть чиста. Очень часто, чтобы добраться до требуемых данных, им приходилось выводить из строя целые кибернетические комплексы, устранять мнемоников, воздействуя на них через сеть. Редкая вылазка обходилась без спровоцированных атакой кибрайкеров техногенных катастроф, которые как раз и уносили жизни ни в чем не повинных людей.

По законам Конфедерации они давно перешагнули все грани милосердия и были приговорены к смерти.

Айна тем временем взяла себя в руки.

— Нужно было бежать на Ганио. — Тихо произнесла она.

Он не ответил, лишь покачал головой.

— Сделаем так: я задержу погоню. Тут нет кибермеханизмов, так что защищаться практически нечем. В мнемонической схватке с десятью боевыми мнемониками нам не выстоять.

— Как же ты их задержишь, если бой в киберпространстве — верная смерть, а в реале ты от обычных мутантов шарахаешься? — Голос Айны вновь звучал сухо, твердо, вопросительно.

Ричард взял в руки «АРГ-8» — древний образец оружия, найденный в полузатопленном бункере среди болот, неподалеку от места крушения посадочного модуля.

— Мнемоники не привыкли к физическим схваткам. — Скупо пояснил он. — Помотаю их по болотам сколько смогу. Зря усмехаешься. Страх и отвращение — не одно и тоже. Мутанты вызывают у меня брезгливость, как и весь этот мир. Отключу импланты, пусть тогда выкореживаются, посмотрим, кто выйдет из болот, а кто сгинет в топях…

— А я? — Сухо спросила Айна.

— Ты бери дочь и уходи. К северу — постройки старой колониальной тюрьмы. Спрячь там спасательную капсулу. Если сумеешь — выбирайся с планеты.

— Тут всего один космодром. Даже пытаться не стану.

— Тогда найди в форте оружие. Заблокируй все импланты, чтобы исключить ментальную атаку. И уводи погоню после того, как со мной покончат.

Она кивнула.

В любви двух кибрайкеров не было места нежности, иллюзиям или тщетным надеждам.

— До встречи в Логрисе. — Она встала.

— Я отыщу тебя там. — Ответил он. — Вместе мы вырвемся. Обещаю. Наша дочь не успеет повзрослеть, и мы найдем ее.[11]

* * *

Больше они не проронили ни слова.

Просто разошлись в разные стороны, будто никогда не знали и не любили друг друга.

Маленькая девочка невинным взглядом созерцала жуткую, вызывающую дрожь панораму окрестностей, в такт мерному покачиванию шагов матери.

Чуткая автоматика спасательной капсулы ловила прерывистый шепот слов, срывающихся с губ Айны, вливая яд неосознанных впечатлений в рассудок новорожденной.

Этот мир болен и проклят…

Айна вздрогнула, когда вдалеке ударило несколько коротких сухих очередей, выпущенных из «АРГ-8». Выщербленные, потемневшие от времени, источающие радиацию, объеденные кислотными дождями стены бывшей колониальной тюрьмы приближались.

Среди болот сверкнула бледная вспышка, затем ударил тугой вал взрывной волны.

Плазменная граната…

Айна прошла через массивные покосившиеся ворота, остановилась, озираясь, во внутреннем дворе монументального строения.

— Этот мир болен и проклят, дочка… — едва слышно шептали ее губы. — В нем никому нельзя верить, невозможно любить, тебя все равно кто-то станет использовать в своих целях, играть тобой, как марионеткой. — Она увидела приоткрытую дверь, ведущую в бункерную зону постройки, и направилась к ней. — Думаешь, мы с Ричардом звери?..

Нет… Мы любили и жили, а на поверку выходит — корчились как могли… В нас не больше жестокости, чем у мнемоников, только тех защищают законы, а нас — никто и ничто…

В подземелье было сыро и темно.

Со сводчатых потолков срывались капли воды.

Мир погрузился в серый сумрак.

— Никогда не повторяй наших ошибок… — Звучал голос. — Не становись ни на чью сторону… Не позволяй играть собой, использовать себя…

В темноте плоское днище спасательной капсулы чиркнуло о камень.

Затем в тишине прозвучали шаги.

Это Айна уходила навстречу смерти.

Выстрелы на болоте стихли, и теперь настал ее черед уводить боевых мнемоников конфедерации, подальше от того места, где она оставила дочь.

Воспоминание истончилось начало таять, подергиваясь дымкой, личный логр читая память, выталкивал новые декорации фантомного мира, но взгляд девочки по-прежнему смотрел в темноту.

Смерти родителей она все же не увидела.

* * *

Возвращение в реальность граничило с безумием.

Я — боевой мнемоник…

Мысль била наотмашь, словно пощечина. Аппаратура поддержания жизни попыталась подать сигнал о нестабильном состоянии подопечной, но киберсистема оказалась бессильна перед способностями выпускницы мнемонического факультета академии ВКС.

Ее мир рухнул. Приоткрытая тайна рождения, осознание непоправимых событий, произошедших в далеком прошлом, для девушки, жившей без стрессовых эмоций, отдававшей все свободное время учебе, свято верившей в некие идеалы, прошло на уровне краха, слома сознания…

Что же мне теперь делать? — Мучительно думала она, до крови кусая побелевшие губы. Уже придя в сознание, она все еще мысленно находилась там, — среди гиблых радиоактивных болот незнакомой планеты. *Что мне делать?!..*

Сдать последний экзамен, влиться в ряды мнемоников Конфедерации?

Только не это. Сознание будто разорвало в клочья, — ее инстинктивная неприязнь к кибрайкерам, воспитанная в процессе обучения, совершила качественный скачок, внезапно обернувшись жгучей, пока что необоснованной ненавистью, но вместе с уничтожающим

рассудок чувством пришла абсолютная растерянность, потеря жизненных ценностей, а вместе с ними и всякого смысла собственного существования…

Жгучие, повторяющиеся мысли метались в разорванном стрессовой информацией рассудке.

Что делать дальше? Как жить?

Покориться неизбежности, стать боевым мнемоником?

Но разве я выбирала для себя *такую* судьбу?

Нет. Тысячу раз — НЕТ!..

Она хрипло, надрывно дышала, обрывая датчики контролирующих систем, а тренированный рассудок тут же совершая машинальное действие, вторгался в работу потревоженной автоматики, переиначивая данные, поступающие на центральный контрольный пост.

Я по-прежнему сплю. — Ее непослушные пальцы выдрали личный логр из гнезда адаптера компьютерного терминала. — *Вы лгали мне. Все, как сказала мать, — лгали на протяжении многих лет, чтобы затем использовать в своих целях… А после убить, когда стану ненужной или опасной…*

Бежать. Ей было так тяжело и горько, что слезы непроизвольно катились по щекам, а разум, внезапно потерявший опору, познавший ложь во всем, чему верил, продолжал падение в пропасть.

Бежать. Стать свободной. Не зависеть ни от кого… Доверять только себе самой…

Растерзанные мысли не мешали ей действовать с уверенной точностью, выработанной многими годами изнурительных тренировок.

Прозрачный колпак камеры поддержания жизни беззвучно опустился, закрывая пустую теперь камеру, но ни один индикационный сигнал не изменил своего свечения. По данным, поступающим от кибернетической системы, она все еще находилась там — в виртуальном пространстве личного логра.

Машинальное действие, не оставляющее следов, обрывающее все информационные нити, по которым можно понять, что она совершила или задумала.

В ее положении наивная, отчаянная мысль, порожденная внезапным откровением памяти, читалась нелепо, жестоко, несправедливо.

Я не хочу быть мнемоником…

Но она уже стала им, — действовала, мыслила, как боевой мнемоник, для которого бежать с хорошо охраняемой, строго засекреченной космической станции — задача хоть и сложная, но выполнимая.

Вопрос: куда бежать и что делать дальше, пока оставался открытым.

Ей требовалось действие. Немедленное, роковое, отрезающее все пути назад, ведь информационный шок проходит и буквально завтра все может предстать в совершенно ином свете.

Она чувствовала, что не выдержит повторной трансформации сознания. Дочь кибрайкеров не станет в ряды тех, кто убил ее родителей, и лгал, утверждая, что они были обычными людьми и погибли в катастрофе.

Но они же бросили меня там, среди гиблых, радиоактивных болот…

Душа рвалась на клочки. Боль требовала немедленных и непоправимых поступков.

Она выскользнула из медицинского отсека, и, машинально блокируя работу внутренних сканеров, следящих за коридорами станции, добралась до своей личной каюты, унеся с собой неоспоримое свидетельство прошлого — логр, с записанной на нем матрицей сознания, где нашли расшифровку зрительные образы грудного младенца, открывшие спустя девятнадцать лет страшную правду ее происхождения.

Глава 1

Планета Элио. Штаб квартира Совета Безопасности Миров.

14 июня 3865 года по Галактическому календарю…

Небольшое по размерам помещение с толстыми многослойными экранированными стенами, лишенное окон, не загроможденное аппаратурой, кажущееся пустым и нефункциональным, на самом деле являлось средоточием уникального комплекса внепространственной связи, аналогов которому, в современно Обитаемой Галактике не существовало.

Открылась неприметная дверь, беззвучная работа приводов сдвинула массивную металлокерамическую плиту метровой толщины, пропуская внутрь президента Конфедерации Солнц.

Артур Денисович Полехов, десять лет назад сменивший на высшем руководящем посту Содружества легендарного адмирала Николая Сокуру, вошел в пустое помещение, и тут же, как только за спиной с шипением уплотнителя затворилась дверь, пространство вокруг него начало преображаться.

Необозримое, непостижимое для отдельно взятого рассудка многообразие Обитаемой Галактики ворвалось в узел связи, разум президента, совершивший переход на уровень киберпространства, в эти секунды созерцал бесконечность, Бездну, из мрака которой навстречу восприятию выталкивало ослепительные горошины звезд, затем появлялись планеты, а на их фоне фигуры, лица…

Артур Денисович усилием воли открыл глаза.

Сотни станций гиперсферной частоты работали сейчас в особом режиме, обеспечивая формирование межзвездной информационной сети, замкнутой на Логрис.

Стены помещения подернуло дымкой, они исчезли, растворились, трансформировались в серую бесконечность, затем одна за другой начали включаться проекционно-голографические сферы; десятки фигур материализовывались вокруг президента Конфедерации, фрагменты реальности многих планет прорисовывались лишь на мгновенья и тут же сливались с нейтральным фоном, оставляя лишь прибывших на совещание существ: двуглавые логриане, инсекты, люди, эмулотти, энергетические сущности эволгов и даже двое хараamминов, возглавляющие современные

планетные цивилизации расы, некогда бросившей вызов человечеству, — все они находились сейчас в сотнях световых лет от Элио, но, благодаря последним достижениям в области внепространственной связи имели возможность принять участие в ежегодном заседании Совета Безопасности Миров, не покидая своих резиденций.

Легких вопросов на подобных совещаниях, как правило, не рассматривалось.

Полехов, проверив работу автоматического переводчика, и дождавшись мнемонического доклада о полном составе присутствующих, поприветствовал их, открывая встречу кратким вступительным словом.

Твердый голос Артура Денисовича отчетливо звучал в тонко просчитанной акустике помещения, скупо и емко рисуя вехи развития Содружества за истекшие десять лет, а сотни станций гиперсферной частоты, связанные в единую сеть, передавали его слова по закрытым каналам ГЧ:

— Итак, господа, — привычная для человека формулировка обращения переводилась для каждого участника совещания в соответствии с семантическими понятиями его расы, — мы вместе прошли определенный путь развития. Не могу сказать, что последнее десятилетие выдалось легким, — последовал вежливый кивок в сторону представителей расы Инсектов, — но большинство территориальных споров, связанных с вторичным освоением звездного скопления О'Хара, нам удалось преодолеть. Дикие Семьи расы Инсектов все еще представляют угрозу торговым кораблям Содружества, однако проблема потеряла кричащую остроту, и, думаю, вновь поднимать ее нет смысла.

Один из Инсектов, встал со своего места.

— Как Глава Семьи, контролирующей гиперсферную навигацию сектора, могу заверить, что мы справляемся своими силами. Все вопросы взаимодействия с колониальной администрацией, нами решаются успешно. Дикие Семьи, не подчинившиеся закону, будут окончательно призваны к порядку в ближайшее время.

— Отрадно слышать. — Отреагировал на слова Хригашта Логдоид, — представитель расы Логриан, чьи космические поселения наиболее часто подвергались уничтожительным набегам кочующих анклавов разумных насекомых.

Завязался достаточно острый обмен мнениями.

Артур Денисович не мешал собравшимся высказываться, ведь известно, что именно в спорах рождается истина, а сейчас, когда границы Конфедеративного Содружества стремительно расширялись, любая, самая

острая дискуссия в рамках Совета Безопасности, помогала понять и разрешить противоречия, способные в ином случае привести к столкновению отдельных планетных цивилизаций.

Состав Конфедерации за последнее десятилетие изменился не только в объеме освоенного пространства, произошли качественные перемены в составе Содружества: его пополнили три древние космические расы, представители которых сегодня впервые присутствовали на заседании Совета Безопасности.

Хараммины, Эмулотти и Эволги пока лишь прислушивались к звучащим мнениям, старались уловить смысл поднимаемых проблем, часть которых казалась им абсолютно чуждой, непонятной.

Нужно удвоить или даже утроить количество подобных встреч, — подумал Полехов, ощущая хрупкий лед отчуждения, — его нельзя ломать, необходимо, чтобы он растаял, исчез, а древнейшие цивилизации, разбуженные экспансией Человечества, постепенно проникались реалиями современности, сужая существующую семантическую пропасть.

Наш мир усложняется, с каждым днем, часом, даже минутой… — Артур Денисович не преувеличивал, кому, как не ему было знать, сколько различных, часто противоречащих друг другу сил действуют на просторах Обитаемой Галактики, сколько космических кораблей ежедневно совершают гиперпространственные переходы, преодолевая бездну пространства, и нельзя забывать, что каждый девятый из них — разведчик, исследующий новые гиперсферные трассы, либо открывающий границы неизученных звездных систем.

От мыслей его отвлекло окончание спора, касающегося Диких Семей расы инсектов.

Логриане, удовлетворившись полученными гарантиями, сняли вопрос с повестки дня, после короткого выступления адмирала Фридриха Штергеля, который подкрепил заверения инсектов, сообщив, что седьмой флот Содружества начинает плановое патрулирование скопления О'Хара.

Следующим выступил представитель Корпоративной Окраины.

Полехов не любил сюрпризов, в регламенте значилось выступление главы колониальной администрации сектора, однако вместо него слово взял Владимир Дмитриевич Брызгалов, владелец корпорации «Спейсстоун», под патронажем которой на сегодняшний день находилось пять звездных систем.

— Господин Дюрге любезно уступил мне время своего выступления. — Кивком поприветствовав собравшихся, произнес Брызгалов. — К сожалению, моя заявка оказалась отсеянной, хотя цена

вопроса подразумевает его обсуждение на самом высоком уровне, при таком составе участников, когда тема не будет игнорирована.

— Господин Брызгалов, трибуна Совета Безопасности не место для лоббирования интересов отдельных корпораций. — Произнес Полехов.

— Я представляю население пяти звездных систем, подконтрольных «Спейсстоуну», а так же всего протектората Окраины, коль скоро колониальная администрация сектора бессильна в разрешении назревших проблем. — Не смущаясь, твердо ответил Брызгалов. — Не буду голословным, поясню для представителей всех рас, входящих в Содружество: четверть века назад, когда на Окраине появились первые мнемоники и кибрайкеры — избыточно имплантированные люди, способные манипулировать кибернетическими системами на уровне мнемонической связи, мы сделали ставку перспективного развития на использовании сложных рудодобывающих и терраформирующих электронно-механических комплексов. Их эксплуатация проходит в тяжелейших условиях непригодных для жизни планет. Мы берем мертвые, либо агрессивные по отношению к человеческому метаболизму миры и преобразуем их в пригодные для жизни планеты. Однако сложнейшие технологические циклы, в которых задействованы сотни тысяч автономных механизмов, оснащенных модулями самообучения, самоорганизации, требуют постоянного контроля со стороны людей, а если быть предельно точным — мнемоников.

Слушая выступление Брызгалова президент Конфедерации наблюдал за собравшимися, особое внимание уделяя представителям иных космических рас.

Инсекты воспринимали речь главы молодой, динамично развивающей корпорации с откровенным равнодушием, им была совершенно неинтересна тема мнемоников, — разумные насекомые являлись природными телепатами, носителями общественного разума муравейника, к сложной технике относились с известной долей скепсиса, предпочитая использовать неприхотливые, простые в управлении механизмы в сочетании с огромными ресурсами безропотной рабочей силы.[12]

Логриане, создатели легендарного Логриса, авторы многих уникальных технологий, отнеслись к словам Брызгалова более благосклонно, но, понимая суть затронутой проблемы, они с тревогой поглядывали на Полехова и адмирала Штергеля, памятуя о том, что мнемоники и кибрайкеры с их уникальными способностями были и остаются единственными представителями человечества, кто потенциально

способен на несанкционированный доступ в виртуальное пространство искусственных вселенных, где обитают бессмертные сознания миллиардов логриан, к которым за последние десятилетия добавились и личные вселенные людей.

Заинтересовано Брызгалова слушали Хараммины, а так же представители цивилизации Эмулотти, которые прошли в свое время сложным, тернистым путем киборгизации, и едва не исчезли со сцены галактической истории вследствие потери духовной составляющей собственных личностей.

Две энергетические сущности Эволгов равнодушно парили на фоне фрагмента звездной бездны — им, существам бессмертным, измеряющим время отрезками жизни звезд, все происходящее, наверное, казалось суетой, но они терпеливо внимали поступающей информации, не забывая, что существа с коротким сроком жизни, вечно куда-то стремящиеся, однажды едва не истребили их, а люди, представляющие костяк современного союза цивилизаций, спасли последних Эволгов, вновь подарив им возможность путешествовать от звезды к звезде через бесконечность необозримого космоса.[13]

Реакция глав планетных правительств, представляющие звездные системы, колонизированные человечеством, варьировалась, от напряженного ожидания развязки внезапного выступления до откровенной враждебности к докладчику или напротив его полной поддержки.

— Мы в курсе существующих проблем, господин Брызгалов, — произнес Фридрих Штергель. — Корпоративной Окраине требуется больше квалифицированных специалистов-мнемоников. — Мы занимаемся данным вопросом, однако в ближайший год-два вряд ли сможем в корне изменить ситуацию.

— В таком случае поясните мне, и всем присутствующим, почему ВКС Конфедерации монополизировали подготовку мнемоников?

— Потому что сеть так называемых «учебных центров», существовавшая на Окраине, являлась преступной организацией, где готовили не только мнемоников, но и кибрайкеров. Вам прекрасно известно, господин Брызгалов, — избыточной имплантации подвергались дети, под прикрытием мнемонических школ шла натуральная работорговля, осуществлялись жестокие эксперименты, поставленные на людях. Или мне нужно напомнить вам рассекреченную статистику смертности среди воспитанников пресловутых корпоративных школ?

— Я говорю не о преступных организациях, господин адмирал.

Окраина нуждается в специалистах-мнемониках, у нас есть все необходимые средства, чтобы осуществлять подготовку на месте, не нарушая при этом принятого Советом Безопасности закона «О допустимом уровне имплантации».

— Беспочвенный спор. — Ответил Штергель. — Законом четко определены возрастные цензы, пойти на добровольную имплантацию и обучение могут лишь совершеннолетние граждане Конфедерации, а психика взрослого человека отличается от психики ребенка, она не столь пластична, адаптивна, процент риска негативных изменений возрос в разы. Для того и созданы мощнейшие узкоспециализированные центры, чтобы не калечить добровольцев, изъявивших желание стать мнемониками. На любой ваш выпад, господин Брызгалов, отвечу цитатой закона, единого для всех. И вы напрасно пытаетесь поднять шум. Общественного резонанса вы не добьетесь.

— Полностью поддерживаю адмирала. — Президент Конфедерации твердо посмотрел на Брызгалова. — Мнемоники — не товар. Они — завтрашний день человеческой цивилизации. У каждого выпускника специализированных учебных центров есть свобода выбора, остаться в структуре ВКС или, к примеру, работать в секторе Корпоративной Окраины. Если выбор молодых мнемоников склоняется не в пользу корпораций, значит, вы не предлагаете им достаточно привлекательных вариантов сотрудничества. Думаю, вопрос исчерпан. Любой, обнаруженный подпольный центр имплантации и мнемонической подготовки будет ликвидирован, а виновные в его организации ответят перед законом.

Брызгалов не выдержал взгляда Полехова.

Его фигура на миг затуманилась, чуткая аппаратура определила, что акцент внимания на данном канале внепространственной связи ослабел, и вот уже следующий по регламенту докладчик попал в зону повышенной четкости голографического воспроизведения.

* * *

Заседание Совета Безопасности Миров продолжалось еще четыре часа, после чего Артур Денисович попросил задержаться полномочных представителей цивилизаций логриан и инсектов.

Они остались вчетвером: Глава Всех Семей, Хранитель Логриса, Президент Конфедерации и командующий объединенными военно-космическими силами Содружества.

Два человека, инсект и логрианин.

Артур Денисович промедлил некоторое время, дожидаясь мнемонического сигнала, свидетельствующего, что установлен высший уровень защиты информационных каналов сети, и только после этого произнес:

— Есть несколько тем, требующих предварительного обсуждения в узком кругу.

Разговор предстоял нелегкий, но и откладывать его, дожидаясь пока грянет буря, нельзя.

Глава Всех Семей заметно напрягся. Он видимо думал, что речь сейчас снова пойдет о «диких» кочевых Семьях и их постоянных набегах на молодые, недавно образованные в скоплении О'Хара колонии человечества.

— Обо всем по порядку. — Полехов заложил руки за спину, неспешно прошелся меж фантомных фигур. — Первым пунктом я бы хотел обсудить дальнейшее развитие Экспансии, прежде всего касающееся человеческой расы.

— А что разве в данном вопросе существуют неизвестные нам проблемы? — Две головы Логдоида — Верховного Хранителя Логриса, сплели шеи в тугой «канат».

Полехов понимал: для логриан, исторически осваивающим космическое пространство путем постройки исполинских пространственных комплексов, проблемы освоения все новых и новых звездных систем попросту не существует, тем более, что логриане не экспансивны по натуре.

— Не будем забывать, что объединившись в Содружество, наши цивилизации приняли не только очевидные выгоды мирного сотрудничества, но и разделили риски. — Произнес Президент Конфедерации. — В силу этой причины, проблемы, касающиеся одной из рас, неизбежно оказывают влияние на ситуацию в целом.

— Какие именно опасности нам угрожают? — Вновь высказал недоумение логрианин — Открытие скопление О'Хара предоставило огромный простор для создания новых человеческих колоний.

— Не совсем так. — Взял слово Фридрих Штергель. — Позволю напомнить, что у каждой космической расы есть свои особенности. Я бы обозначил их древним человеческим понятием *«менталитет»*. Логриане — он взглянул на Логдоида, — по своей природе не экспансивны, инсекты высказывают претензии относительно новых территорий только при жесткой нехватке жизненного пространства, но восстановление Сферы Дайсона надолго сняло остроту вопроса территориальных притязаний со

стороны цивилизованных Семей. — Он посмотрел на Хригашта, и дождавшись вежливого кивка, продолжил: — Однако, люди, составляющие в данный момент «костяк» Конфедерации, обладают склонностью к постоянному, динамичному развитию. Мы, — я имею в виду Человечество, — как будто вобрали в себя черты других космических рас, пополнив их своими собственными склонностями и стремлениями. Среди нас немало таких, кто предпочитает спокойную жизнь в среде давно освоенных миров; большинство планетных цивилизаций человечества предъявляют обоснованные территориальные претензии только в том случае, если возникает реальная угроза перенаселения, — все это так, но если взглянуть на человечество в целом, то становиться понятно: движение вперед к новым, неизведанным просторам у нас в крови, оно зиждется где-то на подсознательном уровне, закреплено в генах…

Хригашт скрипнул жвалами. Очевидно, ему живо вспомнился массовый наплыв колонистов в скопление О'Хара, и все связанные с «колониальным бумом» проблемы.

— Давайте вспомним историю. — Предложил Полехов, давая Фридриху Штергелю небольшую передышку, — адмиралу еще предстояло обстоятельное выступление перед «братьями по разуму». — Долгое время мы развивались, не зная о существовании друг друга. На протяжении трех миллионов лет инсекты и логриане, находясь под гнетом харамминов, вынужденно довольствовались жизненными пространствами скопления О'Хара. Мы же, всего две тысячи лет назад открыли феномен гиперсферы и вышли на простор Галактики. За это время человечество пережило Галактическую войну, причины которой, вероятно, до сих пор непонятны представителям иных рас. Однако, именно Галактическая война придала запредельный импульс развития научно-техническому прогрессу нашей цивилизации, позволила достичь небывалых достижений в области кибернетики, совершенствования космической техники, сделать уникальные открытия в изучении аномалии космоса. И опять-таки война, едва не поставившая точку в существовании человечества, породило массу ограничений, фобий, действующих и поныне. Многие передовые разработки полуторатысячелетней давности до сих пор не воплощены на практике. Этому есть причина и объяснение, но хочу заметить, что искусственное замедление прогресса, как и сдерживание человеческой экспансии, не ведут к положительным результатам.

Артур Денисович сделал глоток тонизирующего напитка, кивком передавая слово Фридриху.

— На протяжении тысячелетия граница освоенного людьми космоса

контролировалась корпорациями Окраины. — С готовностью принял эстафету адмирал. — В определенный период истории они представляли собой серьезную, независимую силу, как бы «цивилизацию внутри цивилизации». Наши внутренние разногласия удалось преодолеть, Семидневная Война[14] преподала наглядный, незабываемый урок всем, без исключения. Сейчас Конфедерация едина, мы в состоянии справиться со многими внутренними проблемами Содружества, кроме одной, — за тысячелетие искусственного сдерживания научно-технического прогресса, нами накоплена некая сумма технологий, которая будет воплощена в жизнь вне зависимости от желания руководства Содружества, либо неких санкций, которые теоретически еще можно ввести. Речь, прежде всего, идет о Вертикалях Гиперсферы, их уникальных свойствах, открывающих путь космическим кораблям к любой звездной системе в пределах нашей Галактики.

Фридрих сделал короткую паузу. Излишне было сейчас напоминать представителям логриан и инсектов, что люди лишь повторили изыскания, которые две древние расы проводили три миллиона лет назад. Именно они первыми открыли путь к десятому энергоуровню гиперсферы и отправили в аномалию космоса девять планет, на базе которых пытались построить узловую станцию глобальной транспортной сети.[15]

Каждый из присутствующих был прекрасно осведомлен о событиях древнейшей истории.

— В чем же все-таки проблема? — Вновь высказал свое недоумение Логдоид. — Пространство десятого энергоуровня гиперсферы, где только и возможен переход с одной Вертикали на другую, в данный момент контролируется отдельным флотом Конфедерации Солнц, я прав?

— Все так. — Воспользовавшись наступившей паузой, произнес Фридрих Штергель. — Однако по данным разведуправления флота на протяжении нескольких последних лет частными лицами ведется активная разведка звездных систем, расположенных в самых разных точках галактического диска.

— Поясните. — Поскрежетал Хригашт. — Откуда получены данные? Насколько можно им верить? Почему разведка удаленных звездных систем не пресекается дислоцированным в пространстве десятого энергоуровня аномалии флотом?

— Все не так просто. — Ответил ему адмирал. — В вашем языке, уважаемый Хригашт, нет таких понятий как авантюризм, любопытство, жажда риска, тяга к приключениям, надежда быстрого обогащения. К тому

же, если вы обратили внимание на сегодняшний демарш господина Брызгалова, то, наверное, поняли, что не всем представителям человечества комфортно в рамках сложившейся ситуации. Сектор Окраины давно утратил статус пограничной зоны. После открытия скопления О'Хара и сужения Рукава Пустоты, корпорации потеряли перспективу развития, они оказались зажаты в достаточно тесном пространстве между планетами инсектов и Центральными Мирами — историческим ядром Конфедерации. Природные ресурсы эксплуатируемых на протяжении последнего тысячелетия планет Окраины не безграничны, и потому трансгалактические промышленные группы уже сейчас ищут альтернативные пути развития. Освоение скопления О'Хара — дело опасное и малоприбыльное. Рискованная навигация в зоне повышенной звездной плотности, постоянная угроза со стороны Диких Семей инсектов, необходимость строго придерживаться рамок закона, во избежание глобальных межрасовых конфликтов, — все это расценивается корпорациями как факторы нестабильности. А за Вертикалями гиперсферы, в звездных системах, удаленных на десятки тысяч световых лет от границ Обитаемого Космоса перед корпорациями открываются столь желанные перспективы, что лично у меня нет никаких сомнений, — они станут всеми правдами и неправдами прорываться туда, в надежде восстановить свое пошатнувшееся могущество.

Логдоид понимающе зашипел.

— Почему подобные попытки не пресекаются? — Вновь повторил свой вопрос Глава Всех Семей. — Разве флот не в состоянии остановить разведывательный корабль?

— Разведку Вертикалей ведут кибрайкеры. — Ответил адмирал Штергель. — Артур Денисович не зря упомянул о сумме накопленных нашей цивилизацией технологий. В сочетании с новыми, открывшимися не так давно возможностями человеческого рассудка, появились и новые приемы исследования удаленных звездных систем…

— Новые возможности рассудка? — Хригашт недоверчиво посмотрел на адмирала. В последнее время он был так сильно загружен вопросами массового переселения инсектов на просторы Сферы, что не уделял должного внимания развитию технологий, напрямую не связанных с восстановительными работами.

— Некоторые из «избыточно имплантированных» людей способны ощущать линии напряженности гиперсферы. — Пояснил Штергель. — Естественно, силы флота не допустят несанкционированного прохождения через пространство десятого энергоуровня разведывательных кораблей, но

опытному кибрайкеру совершенно не нужен набитый аппаратурой АРК,[16] чтобы произвести разведку звездной системы, расположенной за десятки тысяч световых лет от границ Обитаемого Космоса.

Теперь уже Хригашт обеспокоено посмотрел на адмирала. Если Логдоид, являясь Хранителем Логриса, уже имел «удовольствие» сталкиваться с мнемониками и кибрайкерами, и понимал о чем идет речь, то инсект был явно не знаком с проблемой.

— Последние исследования в области теории гиперсферы доказали, что вертикальные линии напряженности аномалии, при соблюдении определенных условий, способны не только транспортировать материальные тела, но и проводить, не искажая, отдельные энергетические импульсы, которые легко использовать для передачи данных. — Начал давать пояснения адмирал.

— Свойства Вертикалей известны. — Вставил реплику инсект. — Мы изучили их, но не успели в свое время использовать в полной мере.

— Речь сейчас идет исключительно о человечестве. Мы открыли гиперсферу и изучали ее свойства вне зависимости от древних знаний. — Терпеливо уточнил Фридрих. — Важно понять: хотя законы физики едины для всей обозримой Вселенной, но их практическое использование, равно как и создаваемые на базе одного и того же явления технологии, уникальны для каждой из покоряющих космос цивилизаций. Различная психология, зачастую подразумевает разные способы решения идентичных технических задач.

— Хорошо, я не стану перебивать. Продолжайте свою мысль, адмирал.

Фридрих кивнул.

— Возьмем хотя бы станции Гиперсферной Частоты. Их аппаратура использует сетку горизонталей аномалии, в пределах первого энергоуровня, для передачи навигационных импульсов, и пересылки пакетов данных от одной звездной системы к другой. На принципе внепространственной связи базируется сеть Интерстар. Теперь давайте посмотрим на ситуацию с точки зрения избыточно имплантированного человека, не важно, является он мнемоником или кибрайкером. Для них общая информационная сеть уже давно превратилась в ментальную среду обитания, стала второй реальностью, где разум путешествует от звезды к звезде, от одной станции ГЧ к другой…

— Ментальные способности широко развиты и у инсектов. — Напомнил Глава Всех Семей. — Однако мы не можем передавать мысли в

рамках межзвездных расстояний.

— Человек, наделенный мнемоническими способностями, формирует матрицу своего рассудка и посылает собственное *сознание через сеть.* — Пояснил адмирал Штергель. — Данное явление не имеет ничего общего с природной телепатией инсектов, оно вообще базируется на иных принципах обмена информацией.

— Как же кибрайкеры и мнемоники воспринимают мир? — Живо заинтересовался Хригашт.

— При помощи кибернетических устройств. Везде где существуют датчики, разум избыточно имплантированного человека способен подключиться к ним.

— Да, но сеть Интерстар охватывает лишь пространство обитаемого космоса. — Напомнил Хригашт.

— Верно. — Кивнул Фридрих. — За Вертикалями, в неисследованных системах, нет ни станций ГЧ, ни иных комплексов, к которым мог бы подключиться разум кибрайкера. Однако их легко туда послать. Для эффективной разведки неизмеримо-далекой звездной системы достаточно одного контейнера с наномашинами.

— Ужасающий меня риск… — Прошипел Логдоид. — Отправить собственное сознание в рывок через аномалию…

— Да. Но люди отличаются от логриан, уважаемый Хранитель Логриса. Мы рискуем и зачастую выигрываем. Так что в действиях исследователей нет ничего, выходящего за рамки человеческих понятий о допустимой степени риска.

— Я бы хотел знать подробнее, что именно происходит? — Хригашт с одной стороны испытывал облегчение, что его не беспокоят вопросами относительно Диких Семей, но с другой, он понимал, что Президент Конфедерации и командующий объединенным флотом Содружества не стали бы задерживать его и Логдоида по пустякам.

— Сейчас объясню. — Штергель включил дополнительную сферу стек-голографа. — Не стану пересказывать теорию гиперсферы, нам достаточно знать, что линии напряженности, называемые «Вертикалями», берут начало во всех звездных системах Галактики, «пронзают» девять условных уровней аномалии и сходятся в границах десятого. Именно там, как справедливо заметил Хранитель Логриса, возможен переход с одной Вертикали на другую. Я не зря упомянул о психологии. Одно и то же физическое явление вызывает в среде разных цивилизаций уникальные приемы его использования. Три миллиона лет назад, отправляя в пространство десятого энергоуровня целые планеты, ваши цивилизации

пытались создать в центре аномалии транспортный узел, используя специфическую сумму технологий, наработанную в ходе освоения космоса, и преследуя четко поставленную цель: бежать от нашествия предтеч.[17]

Инсект и логрианин согласно кивнули, ожидая продолжения.

— У Человечества, как вы понимаете, есть своя сумма технологий, и свой *взгляд* на перспективы использования недавно сделанных открытий. Нам бы никогда не пришло в голову посылать в недра аномалии планеты, у нас даже не было технологии их подвижки, разработанной инсектами в ходе строительства Сферы. В современности нам не грозят предтечи, и использование Вертикалей проходит в ином ключе: прежде всего они — средство для формирования нового *глобального* порыва Экспансии, быстрого и эффективного достижения иных миров, расположенных уже не в сотнях, а в десятках тысяч световых лет от границ современного Обитаемого Космоса.

— Это… неразумно. — Отреагировал Логдоид.

— Мы осознаем степень риска, связанную с неконтролируемой экспансией. — Ответил ему Артур Денисович. — Потому и держим часть информации в строжайшем секрете, не допуская в пространство десятого энергоуровня частные разведывательные корабли. Стихийное проникновение в неисследованные, удаленные на огромные расстояния звездные системы действительно таит потенциальную угрозу: сложно прогнозировать с каким количеством разумных форм жизни столкнутся восходящие по Вертикалям корабли, как будет протекать контакт? Исходя из опыта полутора тысячелетий непрерывного освоения космоса, мы понимаем, что чаще на «острие» таких проникновений в неисследованные области пространства, находятся люди авантюрного склада мышления, для которых общечеловеческая безопасность — понятие весьма условное.

— Почему вы, господин президент, заостряете внимание на столь ужасающих перспективах? — Логдоид нервно изогнул шеи. — Я правильно понял подтекст: что-то скверное уже произошло?

— Пока нет. — Успокоил логрианина Полехов. — Но может произойти в обозримом будущем.

К разговору вновь подключился Фридрих:

— Разведуправление флота постоянно отслеживает попытки незаконного проникновения в пространство десятого энергоуровня. — Сообщил он. — В течение последнего года количество таких прецедентов возросло в разы. Повторюсь: остановить корабль, совершающий несанкционированную попытку перехода на неисследованную Вертикаль,

для сил флота проблемы не составляет. Однако, нами зафиксированы нарушения иного рода. Я не зря заострил внимание на том факте, что Вертикали проводят энергетические импульсы, не искажая их. Это означает, что понятие «киберпространство» для многих кибрайкеров и мнемоников уже не ограничено рамками межзвездной сети Интерстар, и виртуальными вселенными Логриса. Они научились воспринимать энергетическую сеть гиперсферы, и использовать линии напряженности в качестве надежных каналов передачи данных.

— За Вертикалями, по определению, нет адекватной техники, которой смог бы использовать человек, неважно какими способностями и кибернетическими расширителями манипулирует его разум. — Высказался Хригашт.

Адмирал лишь сокрушенно покачал головой.

— Я уже говорил: чтобы рассудок избыточно имплантированного человека совершил рывок через сеть линий напряженности гиперсферы, и снял данные с точки выхода, достаточно обычного контейнера с наномашинами. Габариты такого контейнера не превышают размера ладони, энергетическая активность объекта ничтожно мала. Нужно учитывать, что в системе Ожерелья[18] до сих пор дрейфует немало обломков: за полторы тысячи лет освоения гиперсферы огромное количество кораблей «срывались» на Вертикали, бесследно, как считали наши предки, исчезая в пучинах аномалии. На самом деле, большинство «невозвращенцев» попадало в пространство десятого энергоуровня, и сейчас в пространстве между планетами Ожерелья, дрейфуют миллионы мелких и крупных обломков.

— То есть контейнер с наномашинами отследить фактически невозможно? — Уточнил Хригашт. — Я правильно понял, вас, адмирал?

— К сожалению, пока это так. — Признал Фридрих.

— Тогда каким образом вы узнали, что происходит? — Спросил Логдоид.

— По косвенным данным. — Ответил Штергель. — В рамках сети Интерстар существует рынок информации, как легальный, так и теневой. Нашим оперативникам удалось приобрести уникальные данные, проданные не установленной пока группой кибрайкеров. Информационный блок содержит уже проверенные нами, достоверные данные по наличию планет в звездной системе, удаленной на пятнадцать тысяч световых лет от границ Обитаемого Космоса, а так же код активации колонии наномашин, распыленных из контейнера в точке гиперсферного всплытия.

— Каким образом осуществляется доставка наномашин в систему? — Задал вопрос логрианин.

— К сожалению, все достаточно просто. — Вздохнул адмирал. — Использованы последние открытия в области исследования Вертикалей, а именно — свойство «захватывать» объекты, не обладающие высокой энергетикой, и депортировать их из пространства аномалии. Космическим кораблям для «захвата» их Вертикалью необходимо создавать поле низкой частоты, малым телам достаточно всего лишь попасть в зону соприкосновения с линией напряженности гиперсферы.

— Кибрайкеры отправляют наномашины наугад? — Уточнил Хригашт.

— Да. — Ответил адмирал Штергель. — Количество звезд в Галактике приблизительно оценивается цифрой в сто миллиардов. Нетрудно понять, что равное количество Вертикалей сходится в пространстве десятого энергоуровня. Лотерея фактически беспроигрышная. Отправив сотню-другую контейнеров, охотники за информацией получают доступ примерно к десяти-пятнадцати звездным системам. Остальные колонии микромашин разрушаются в точках выхода из-за различных негативных воздействий. Из теоретически обозначенных мной полутора десятков звезд, лишь одна или две будут обладать планетами, информацию о которых можно выгодно продать.

— В чем смысл кода активации наномашин? — Спросил Логдоид.

— Мало продать информацию о системе. — Ответил Фридрих. — Потенциальных покупателей, прежде всего, интересует вопрос: как туда попасть? Какую из миллиардов Вертикалей следует выбрать для прыжка к искомой звезде? Схема маркировки линии напряженности так же основана на знании того, что посланный в гиперсферу сигнал пройдет ничтожным, незаметным для наблюдателей возмущением по *всем* Вертикалям, — то есть обязательно достигнет адресата — колонии наномашин, которые, получив уникальный код, посылают в ответ более мощный энергетический импульс, на короткое время выделяющий искомую линию напряженности среди миллиардов подобных.

— Хорошо. — Хригашт, похоже, проникся важностью проблемы. Что такое неконтролируемая человеческая экспансия он знал на примере массового проникновения кораблей в скопление О'Хара, после того так были отключены генераторы «Вуали», на протяжении трех миллионов лет скрывавшие звездное сообщество, как от взглядов наблюдателей, так и от систем сканирования. — Какие действия мы в состоянии предпринять? Как остановить процесс?

— Остановить процесс невозможно. — Неожиданно для инсекта ответил Полехов. — Я поясню. — Тут же добавил он. — На данный момент люди освоили около трехсот звездных систем. Во-первых, не все из них входят в состав Конфедерации, — существует целая плеяда независимых миров. Это автоматически сводит на нет любые запретительные санкции, изданные в рамках законов Содружества, как происходит, к примеру, в ситуации с Дикими Семьями инсектов. Во-вторых, запретительные меры ничего не дадут в принципе. Объективно существует четыре уровня власти и столько же уровней свободы. Есть силы Содружества. Далее, существуют планетные правительства, аналогичные по своему статусу отдельным Семьям инсектов или сообществу космических поселений логриан. Каждая планетная цивилизация ведет собственную политику, способную выливаться в конкретные действия. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов такую силу, как корпорации, преследующих свои узкие интересы. И, наконец, четвертым уровнем, свободы, я бы назвал действия отдельных граждан, мотивация которых лежит, чаще всего, в плоскости сугубо личных интересов индивида. Согласитесь, ввод запрета на определенные действия, без применения карательных мер общегалактического масштаба эффекта не даст. Но мы не можем и не станем организовывать тотальную слежку, за каждым человеком, логрианином или инсектом. Контролировать все и вся в рамках Обитаемого Космоса, — задача нереальная.

— Но вы же согласны, господин президент, что неконтролируемое проникновение человеческих кораблей за Вертикали обернется непредсказуемыми последствиями! — Теперь тон Хригашта действительно стал встревоженным.

— Да, и не отказываюсь от своих слов. — Ответил Полехов. — С одной оговоркой: пока что речи «о проникновении кораблей» не идет. Зафиксирован факт сбора информации о звездных системах, расположенных за Вертикалями, и попытки эту информацию продать. Мы не оставили проблему без внимания, сейчас предпринимаются все меры для выявления группы лиц, занявшихся опасным промыслом. Однако, даже их поимка не снимет остроты ситуации. Открытия уже сделаны, определенные технологии получили свое развитие, и вопрос, по моему мнению, нужно ставить так: когда охотники за информацией наработают определенный объем данных, позволяющий составить реальные навигационные карты для восхождения кораблей по Вертикалям, никакие силы не сумеют остановить стихийного процесса возникновения новой волны Экспансии. Достаточно сказать, что для прохождения корабля через пространство десятого энергоуровня со сменой ведущей Вертикали

необходимо пятнадцать-двадцать минут. Если таких кораблей одновременно окажется более сотни — флот, дислоцирующийся в гиперсфере, не сумеет их задержать.

Артур Денисович на минуту умолк, затем продолжил, стараясь говорить предельно ясно и лаконично:

— Простор Галактики таит множество открытий. Практика показывает, что мы — далеко не единственные разумные расы, вышедшие за пределы родных солнечных систем. Первые восхождения по вертикалям, осуществленные разведкой Содружества дали нам контакт с Эмулотти, Эволгами, и преподнесли информацию о цивилизации Швергов, проводившей агрессивную политику по отношению к другим космическим расам. Мы столкнулись с реликтовой боевой техникой, и множеством иных опасностей.

Масштабы потенциальных угроз, с которыми придется столкнуться первопроходцам, сложно прогнозировать. Уверен, будут сделаны и продуктивные для Содружества открытия, но сейчас мы заняты обсуждением вопросов общей безопасности, поэтому не станем отклоняться от темы.

— И что мы в состоянии сделать для защиты планет Конфедеративного Содружества? Ведь мы не сможем содержать полноценные эскадры флота в каждой из освоенных систем Обитаемого Космоса, а удар, нанесенный через Вертикали гиперсферы, по определению будет внезапным. — Произнес Глава Всех Семей.

— Будем надеяться, что крайностей нам удастся избежать. Однако, вы правы, — одной лишь надеждой мы не защитим Обитаемые Миры от потенциальной угрозы. К сожалению, практика межрасовых отношений показывает нам примеры, когда одна цивилизация, основываясь на разных побудительных мотивах, стремиться к захвату не принадлежащих ей жизненных пространств, я уже не говорю о массе различных фобий, которые приходиться преодолевать в период первого контакта.

— Насколько я понимаю, у Президента есть готовое решение? — Проскрежетал Глава Всех Семей.

— Я не склонен предпринимать односторонних шагов. — Ответил Полехов. — Вопрос касается всех входящих в Содружество цивилизаций. Со стороны человечества есть предложение, — он кивнул адмиралу Штергелю, — пожалуйста, Фридрих, ты автор новой доктрины глобальной безопасности, так что вкратце изложи основные идеи нашим союзникам.

* * *

Адмирал долго и тщательно готовился к докладу, он, как никто другой знал истинную цену поднимаемого вопроса:

— Господа, думаю, никто из вас не станет оспаривать моего утверждения: наступил очередной рискованный период развития Содружества. Неопределенность угроз, постоянное напряжение, поддерживаемое многими очагами «тлеющих» локальных конфликтов, вынуждают военно-космические силы действовать на пределе возможного. С одной стороны мы связаны проблемами, существующими внутри скопления О'Хара. С другой — проникновение за Вертикали гиперсферы требует повышенного внимания, осторожности, боевой готовности, в конце концов. Кроме прочего добавляет напряженности и Корпоративная Окраина, — то есть наступил момент, когда оперативное вмешательство флота ежесуточно требуется в нескольких десятках звездных систем одновременно.

Фридриха слушали внимательно, не перебивая.

— Уровень развития современной гиперсферной навигации позволяет некоторым Диким Семьям расы инсектов совершать дерзкие, грабительские набеги и тут же скрываться в глубинах шарового скопления. Корпорации, в поисках выхода из тупика развития, идут на различные ухищрения, пытаясь распространить свое экономическое и военное присутствие на молодые колонии третьей волны Экспансии. На фоне уже обозначенных мной проблем особое беспокойство вызывают односторонние шаги некоторых планетарных правительств, направленные на создание собственных военно-космических сил. Почему так происходит? Почему планетные цивилизации, в составе Содружества, начинают новый виток гонки вооружений, провоцируя тем самым обострение застарелых, замороженных конфликтов?

Он сделал паузу, но никто не стал отвечать на поставленный Фридрихом вопрос.

— Ответ прост, — продолжил он. — Отдельные силы, — не будем сейчас конкретизировать, — действующие на территории Конфедерации, ощущают либо свою незащищенность, либо безнаказанность в зависимости от обстоятельств. Я сознательно утрирую проблему, нам сейчас нет необходимости разбираться в хитросплетениях межпланетной политики и ее интригах. Беспристрастный анализ ситуации указывает, что Объединенный Флот Содружества уже не в состоянии полностью контролировать все звездные системы, входящие в состав Конфедерации. То есть при внезапном возникновении множественных очагов напряженности мы не сумеем адекватно и быстро перекрыть все

проблемные зоны, а при гипотетическом возникновении тотальной угрозы, флот окажется в крайне затруднительном положении.

— Чем обусловлена ситуация? — Судя по тону и жестикуляции Глава Всех Семей был серьезно обеспокоен скупо обрисованной адмиралом ситуацией.

— Современные базы флота, его количественный и качественный состав отвечают требованиям полувековой давности, когда Конфедерация состояла из полутора сотен освоенных *людьми* планет. — Ответил Фридрих Штергель. — За истекшие пятьдесят лет ситуация кардинально изменилась, объем подконтрольного Содружеству пространства увеличился в разы, количество угроз преумножилось, а в перспективе, как уже говорилось, нас ждут все новые и новые открытия, — первый опыт разведки звездных систем, расположенных за Вертикалями гиперсферы, и проникновение картографических судов за границы шарового скопления О'Хара, привели к контакту с тремя неизвестными ранее цивилизациями. Статистика количества совершенных открытий говорит сама за себя. — Подчеркнул Фридрих. — Развиваясь, мы неизбежно столкнемся с новыми цивилизациями, населяющими сектора неисследованного космоса, и никто, в том числе и я, не возьмется утверждать, что подобные соприкосновения будут носить дружественный, миролюбивый характер. Достаточно вспомнить историю проникновения человечества в скопление О'Хара…

— Проблема ясна, адмирал. — Произнес Логдоид, не смутившись тем, что перебил Штергеля. — Но что мы в состоянии противопоставить внешним и внутренним угрозам? Я произвел мысленный подсчет и пришел к выводу, что даже десятикратное увеличение численного состава флота Конфедерации не приведет к стабилизации обстановки в границах Обитаемого Космоса.

— Десятикратное увеличение численности флота не даст ничего, кроме новых политических осложнений внутри Содружества. — Соглашаясь с ним, кивнул адмирал. — Нам необходима гибкая структура, инструмент немедленного реагирования, причем для всевозможных угроз необходимо четко определить их степень и отвечать *адекватно*. — Продолжил свою мысль Фридрих. — Это позволит исключить нерациональное использование крупных кораблей и их соединений. Когда на перехват каперского судна мы вынуждены посылать крейсера, — это указывает на нашу слабость и неорганизованность.

— Мы ждем конкретных предложений, если они есть. — Проскрежетал Хригашт.

— Решение есть. — Успокоил его Артур Денисович, принимая

инициативу в разговоре. — На протяжении последних десяти лет разведуправлением флота велась целенаправленная, планомерная работа, в результате которой очерчены реальные пространственные границы Содружества, определен истинный объем зоны наших стратегических интересов, картографическими кораблями открыты и исследованы сотни пограничных звездных систем, в том числе и расположенные за пределами шарового скопления О'Хара. Готовясь к глобальной реструктуризации флота, мы разработали не только новую доктрину безопасности, но и подкрепили ее созданием принципиально-новых образцов техники.

— Очень интересно… — Логдоид отреагировал весьма эмоционально, — его головы, покоящиеся на длинных гибких шеях, разошлись почти на метр друг от друга, глядя в противоположных направлениях, — знак бесконечной заинтересованности, как машинально отметили про себя Президент Конфедерации и адмирал флота.

Тем временем в пространстве между призрачных фигур участников совещания вспыхнула еще одна воспроизводящая сфера голографического монитора, в границах которой появилось объемное изображение небольшого космического корабля.

— Представляю вашему вниманию последнюю разработку военно-промышленного комплекса Конфедерации, — многофункциональный аэрокосмический истребитель нового поколения «Стилетто-07МК».

Некоторое время в помещении царила тишина. Инсект и логрианин внимательно изучали медленно вращающуюся трехмерную голографическую модель. Глава Всех Семей и Хранитель Логриса были достаточно искушены в технике, чтобы попытаться самостоятельно определить, что за системы несет на борту новый образчик космической техники, но безуспешно — изящные обтекаемые формы обшивки не выдавали внутреннего содержания.

Первым молчание нарушил Хригашт:

— Каким образом столь небольшой корабль способен коренным образом повлиять на расстановку сил в космосе?

Фридрих Штергель ожидал подобного вопроса.

— Новая доктрина глобальной безопасности основана на применении мобильных боевых групп, способных немедленно реагировать на любую из вероятных угроз, начиная от тривиального нападения каперов на транспортный корабль и заканчивая отражением первого удара глобального вторжения.

Адмирал вновь обратил внимание присутствующих на трехмерную

модель, вращающуюся в проекционной сфере стек-голографа.[19]

— Для построения эффективной системы немедленного реагирования нам потребовалось создание космического корабля нового поколения, который сочетал бы как минимум три ранее взаимоисключающих функции и мог действовать как аэрокосмический истребитель, гиперсферный штурмовик, и дальний разведчик.

Логдоид и Хригашт продолжали внимательно изучать модель.

— «Стилетто» воплотил в своей конструкции все передовые достижения входящих в Содружество цивилизаций. — Продолжил пояснения адмирал. — Техническое задание оказалось весьма не простым, но конструкторам удалось создать действительно многозадачный и многофункциональный корабль. Гибкая система взаимозаменяемых боевых модулей, позволяет сконфигурировать на основе базовой машины четыре различные модификации «Стилетто». Коренное переоснащение занимает от тридцати минут до полутора часов, частичное производиться в ходе стандартной предстартовой процедуры.

— Поясните подробнее, адмирал. — Попросил Логдоид.

— Охотно. — Фридрих мысленным приказом включил дополнительный демонстрационный голографический монитор.

— Частичная модификация заключается в установке в специальные резервные слоты дополнительных боевых модулей, например, при отсутствии точных разведывательных данных «Стилетто» оснащается избыточными системами тяжелых вооружений и дополнительными сканирующими комплексами. Покинув точку базирования, корабль производит разведку, не обнаруживая своего присутствия, затем, определив цели, наносит удар как штурмовик, и, освободившись от нагрузки дополнительного вооружения, продолжает действовать, как истребитель, сохраняя при этом возможность немедленно уйти в гиперсферу, в случае если того потребует ситуация.

Логдоид, внимательно просмотрев демонстрационный ролик, от комментариев воздержался. Пока что он не спешил высказывать свое мнение.

— Адмирал, продемонстрируйте нам все модификации корабля. — Заинтересовано произнес Хригашт. — В частичной трансформации я не вижу ничего революционного. Достаточно известный технический прием.

— Согласен. — Кивнул Фридрих. — Частичная трансформация — мера исключительная. Гораздо разумнее использовать несколько типов узкоспециализированных машин, действующих в составе одной группы.

Все «Стилетто» изначально будут производиться в базовой комплектации аэрокосмического истребителя, а их полная модификация осуществляться непосредственно в точках базирования, в зависимости от текущих задач.

Он вновь включил приостановленное воспроизведение.

— Итак, перейдем к детальному рассмотрению возможных конфигураций.

Первая, базовая, как я уже упоминал — аэрокосмический истребитель. Вторая, — аэрокосмический штурмовик, предназначенный для прорыва противокосмической обороны и работы по наземным целям, третья конфигурация оборудования дает нам прекрасно защищенного разведчика, — условно мы назвали его «Тень», — четвертая, разработанная на сегодняшний день модификация, окрещенная при испытаниях «убийца фрегатов», представляет собой гиперсферный штурмовик и позволяет эффективно действовать против крупных, хорошо защищенных целей. Чтобы не быть голословным скажу: на проведенных нами испытаниях, эскадрилья «Стилетто», стремительной атакой на выходе из гиперсферы нанесла критические повреждения кораблю класса «крейсер», и успешно ушла от преследования, осуществив погружение в аномалию.

Еще раз подчеркну, — любая из упомянутых конфигураций бортового оборудования и вооружения основана на принципе стандартизированных, легко заменяемых модулей, — в течение короткого времени эскадрилья «Стилетто», сконфигурированная, к примеру, для штурмовки наземных целей, может быть перепрофилирована для прикрытия крупных боевых единиц, либо проведения разведки в условиях жесткой автономии.

Фридриха выслушали молча и внимательно.

Когда наступила пауза, две головы Логдоида повернулись друг к другу.

— Для базирования «Стилетто» потребуются новые, более мощные авианесущие крейсера. — Изрек логрианин. — Для подготовки к старту, перекомпоновки, хранения комплектующих блоков, технического обслуживания, ремонта, перезарядки, необходимы соответствующие объемы и мощности. Ни один современный крейсер не подготовлен к выполнению подобных задач.

— Полностью согласен. — Кивнул Фридрих. — Сейчас я кратко остановлюсь на бортовом оборудовании и тактических характеристиках «Стилетто», а затем поясню, где и как будет организовано базирование машин, согласно разработанной нами новой доктрине безопасности.

Он сделал глоток воды, пока автоматика разворачивала дополнительные проекционные голографические сферы для демонстрации

конструктивных особенностей «Стилетто», а затем начал пояснения:

— Итак, знакомьтесь: базовая модель в конфигурации «аэрокосмический истребитель». Двадцать один метр в длину и семь метров в наибольшем сечении, — световой маркер очертил контур машины, скользя по изящным, обтекаемым формам, коснулся штриховкой двух нешироких, длинных крыльев, в которые словно перетекала броня корпуса — плоскости, предназначенные для атмосферного полета, начинались в носовой части машины двумя небольшими выступами, постепенно расширяясь к корме. — Корпус «Стилетто» выполнен из нового композитного материала, превосходящего по своим прочностным характеристикам широко используемый керамлит. Структура корпуса многослойная, внутренне пространство отсеков максимально защищено от электромагнитных, термальных и механических воздействий чередующимися слоями бронепокрытия, каждый из которых отличается от предыдущего по химическому составу, свойствам и эффективно противостоит определенному типу вооружений.

«Стилетто» обладает прекрасными аэродинамическими свойствами, позволяющими машине производить сложные скоростные маневры не только в космосе, но и в условиях различных воздушных сред. В конструкции широко применен принцип изменяемой геометрии: вооружение на период входа в воздушные слои убирается внутрь корпуса, и остается под защитой обшивки вплоть до достижения скорости, приемлемой для безопасного маневрирования. Одновременно с открытием оружейных портов, машина выпускает элементы хвостового оперения. Чуть позже я остановлюсь подробнее на двигателях планетарной тяги, и обозначу причину, которой обусловлена необходимость частого вхождения «Стилетто» в атмосферы планет.

Адмирал повернулся к следующей сфере голографического воспроизведения, где обшивка на трехмерной модели корабля приобрела прозрачность.

— А сейчас обратим внимание на главную силовую установку. Основной реактор основан на принципе «дозированной» аннигиляции, активным веществом для него служит античастицы Ветлецкого, впервые синтезированные известным ученым еще в ходе разработки легендарной установки «Свет». Преимущество данных античастиц в том, что они не вступают в реакцию взаимного уничтожения с *любым* материалом из вещества, а реагируют только на определенный изотоп водорода, в частности речь идет о Тритии.[20] Таким образом, реакция полного ядерного

распада не угрожает конструктивным элементам «Стилетто», а мы получаем высоконадежный, защищенный, мощный источник бортовой энергии. Для аварийного питания нами предусмотрена автономная секция накопителей. В результате широкого применения нанотехнологий, силовые установки компактны, оптимально скомпонованы и безопасны при самых жестких режимах эксплуатации.

Логдоид, внимательно слушавший адмирала, и по привычке производивший мысленные расчеты, о чем свидетельствовала появившаяся спираль из логр-компонентов,[21] произнес:

— Энерговооруженность «Стилетто» избыточна?

— Нет. — Отрицательно качнул головой Фридрих. — Есть небольшой резерв мощности, но основная часть вырабатываемой энергии потребляется различными подсистемами. Перейдем к ним. «Стилетто» оснащен новой моделью гиперпривода, позволяющей кораблю не только погружаться в аномалию космоса, совершая молниеносные перемещения между звездными системами, но и маневрировать в гиперсфере, меняя навигационные линии аномалии без «промежуточных всплытий». То есть, по мощности гипердрайва, «Стилетто» в десятки раз превосходит любые известные машины класса «истребитель» или «штурмовик», получая высочайшую степень мобильности.

Фридрих вновь переключил схемы и продолжил:

— Благодаря аннигиляционному реактору, энерговооруженность новых машин вышла на качественно иной уровень, что позволило не только уменьшить размеры полнофункционального гиперпривода, но и реализовать в конструкции новый тип планетарного двигателя, а так же избавиться от необходимости нести на борту запасы топлива для режима атмосферного полета: «Стилетто» оснащен силовой установкой, в которой используется набегающий поток атмосферного газа; в зоне конвекторов реактора забортная газовая смесь преобразуется в плазму, истекающую через сопла, что обеспечивает машине необходимую реактивную тягу.

Далее, — продолжил пояснять адмирал, — основными источниками энергопотребления являются впервые примененные в конструкции малого корабля генераторы Вуали[22] и эмиттеры активного щита,[23] разработанные логрианами, — последовал уважительный знак в сторону Логдоида. — Кроме упомянутых устройств, в оборудование «Стилетто» входят установки модифицированной суспензорной защиты,[24] с функцией восстановления корпуса в районе пробоин, и генераторы защитного электромагнитного поля, рассеивающие направленные удары плазмы.

— По поводу усовершенствованной суспензорной защиты, можно получить пояснения? — Обратился к адмиралу логрианин.

— Непременно. — Отреагировал Фридрих. — Установки суспензорного поля давно и успешно применяются во флоте для аварийной герметизации пробоин в обшивке и предотвращения декомпрессии отсеков. В нашем случае мы пошли дальше: на борту «Стилетто», при действиях корабля в космосе, царит вакуум. Декомпрессия отсеков более не является дополнительным поражающим фактором при повреждении брони, однако, обеспечивая максимально возможную живучесть машины, мы установили генераторы суспензорного поля по всей площади брони. Известно, что суспензорное поле удерживает частицы вещества, в том числе молекулы газа. Мы усовершенствовали эмиттеры, и создали металлокерамическую пыль, которая дозировано впрыскивается в район пробоины, плавиться под воздействием суспензорного поля, заполняя весь объем повреждений, включая трещины. Различные компоненты наполнителя, вступив в реакцию друг с другом, образуют отливку, материал которой, после застывания, в течение нескольких секунд набирает прочностные физические свойства, после чего суспензорное поле отключается.

— Любопытное решение. — Одобрительно прошипел Логдоид. — И все же, мне кажется, что мощность бортового реактора избыточна.

— Нет. — Адмирал обратил внимание присутствующих на следующую модель. — Энергия потребляется не только установками защиты, гипердрайвом, планетарными двигателями, но и бортовыми комплексами энергетических вооружений и маскировки, к которым в основной конфигурации «Стилетто» относится: генератор плазмы, четыре лазерных излучателя, два электромагнитных орудия, а так же системы фантом-генераторов. Кроме энергетического оружия машина оснащена пусковыми контейнерами ракет средней дальности и комплексами ПРО, защищающие все полусферы.

— Мы говорим сейчас об истребителе? — Недоверчиво переспросил Хригашт.

— Да, речь идет о базовой комплектации «Стилетто». — Ответил адмирал Штергель, довольный произведенным впечатлением. — Лучшие умы Конфедерации затратили десять лет на разработку и оптимизацию бортовых систем новой машины. Впервые после Галактической войны нами востребованы технологии, существовавшие под грифом «совершенно секретно» и не применявшиеся на практике из-за их потенциальной опасности при попадании в «чужие руки». К примеру, электромагнитные орудия оснащены особым типом снарядов, с собственными двигателями и

микропроцессорами, реализованными на базе наномашин. Боеприпас выстреливается ускорителями импульсного орудия, но при необходимости способен задействовать встроенные системы, изменить траекторию, уклониться от огня систем ПКО,[25] обойти препятствия и ударить в наиболее уязвимую часть цели. Часть боеголовок оснащается контейнерами с активной нанопылью, проникающей внутрь корабля противника, с целью постановки помех или перехвата управления над подсистемами атакованного объекта.

— Впечатляет. — Произнес Логдоид. — Но у меня возникает вопрос: где гарантия, что новые машины не попадут, как вы только что выразились, «в чужие руки»?

— Это исключено. — Успокоил логрианина Артур Викторович. — При создании «Стилетто» учтен не только опыт всех предыдущих войн и локальных конфликтов, но и различные, не менявшееся веками потенциальные угрозы, такие как терроризм, существование неизвестных нам экспансивных космических рас, и многие другие. Прорабатывая вопрос безопасности корабля, мы отказались от использования искусственного интеллекта. Каждая подсистема «Стилетто» — уникальный, не имеющий аналогов, сложнейший кибернетический комплекс, но управление машиной замкнуто на человека.

— Нереально. — Подумав, высказал сомнение Глава Всех Семей.

— Реально, если пилот — мнемоник. — Спокойно парировал Фридрих. — Скажу больше: никто кроме мнемоника не в состоянии эффективно управлять «Стилетто».

— Надежно ли такое решение? — Логдоид сплел шеи в тугой «канат», вопросительно взглянув на Президента Конфедерации. — Человеческий фактор вновь становиться доминантой?

— Однажды человечество уже совершило роковую ошибку, делегировав полномочия управления боевой техникой кибернетическим системам. Это едва не привело к гибели нашей цивилизации. Первая Галактическая навсегда останется уроком. Конечно, мы не можем стопроцентно поручиться за каждого пилота, полностью исключив риски «человеческого фактора», но здесь, если позволите, из двух зол выбирается меньшее. Мы готовим пилотов-мнемоников, исходя из применимых к людям критериев жесточайшего отбора.

— Не станет ли человеческий организм неким слабым звеном, ограничивающим потенциальные возможности «Стилетто»? — Осведомился Глава Всех Семей. — Что будет, если пилот, к примеру, на

несколько мгновений потеряет сознание вследствие запредельной перегрузки при маневрировании на больших скоростях или в результате ранения?

— Присутствие пилота на борту неизбежно ограничит маневренность машины. — Согласился с инсектом Логдоид. — Существует предел нагрузок, которые способен выдержать человек. Да и справиться ли мнемоник с управлением множеством подсистем «Стилетто»?

— Разрабатывая системы безопасности и управления, мы учли все факторы риска, — ответил адмирал Штергель. — Обратите внимание сюда, — он указал на модель рубки управления, в центре которой возвышалось обтекаемая конструкция, похожая на замкнутую, готовую к старту спасательную капсулу, — Вместо традиционного пилот-ложемента нами создано устройство, защищающее пилота от перегрузок и ранения осколками при разрушении брони основного корпуса. В критических ситуациях герметичная оболочка выполняет функцию катапультируемого спасательного модуля, оснащенного гиперприводом, заряженным на один прыжок, и средствами автономной посадки на планеты. Что касается безопасности корабля и эффективности управления: хочу заметить, что разум мнемоника не подменяет бортовой компьютер, большинство операций выполняется подсистемами в автоматическом режиме. Рассудок человека, ощущающий машину, как часть себя, воспринимающий цифровое пространство боя в полном объеме поступающих от датчиков информации, является скорее волей, направляющей и организующей силой, а не устройством обсчета рутинных операций. Однако мы пошли дальше, решив применить дублированную технологию, обеспечивающую не только «непрерывность управления», но и сводящую к минимуму риск несанкционированного завладения машиной.

Он позволил себе короткую паузу, а затем продолжил:

— Как вы помните, два десятилетия назад, людям была передана технология изготовления логр-компонентов. За истекший период времени мы не только наладили собственное производство кристаллов, но и изучили особенности взаимодействия человеческой психики с дублирующей матрицей сознания, возникающей на искусственном носителе.

— Если я правильно понимаю, логр, хранящий сознание пилота, интегрирован в систему управления «Стилетто»? — Предположил Логдоид.

— Да. Понимая, что без дублирующей системы, способной на какое-то время заменить пилота, схема управления «Стилетто» была бы уязвима, наши ученые модернизировали экспериментальную партию логров, выпущенную пока что в ограниченном количестве. Основное отличие

модифицированных логров заключается в том, что кристалл находиться на одновременной постоянной связи с рассудком мнемоника и подсистемами «Стилетто». Таким образом, в случае потери сознания пилотом, матрица его рассудка, записанная в логр, получает временный приоритет управления. Эксперименты показали, что при определенной степени подготовки человек не только не теряет связи с реальностью, но и гораздо легче переносит травмы, а после возвращения сознания, сразу же включается в боевую обстановку, без потери оперативных данных.

Хригашт повернул голову, посмотрел на логрианина, думая, что тот сейчас выскажет протест, но Логдоид остался невозмутим.

— Мудрое решение. — Произнес Хранитель Логриса. — Мы приветствуем такое использование личных логров, при условии сохранения незыблемости основного принципа необратимости физической смерти.[26]

— Законы Логриса не нарушены. — Заверил его адмирал. — В случае гибели пилота, матрица его сознания, размещенная в логре, выходит из боя. Возвращение на ближайшую базу — вот единственная команда, которую автопилоты «Стилетто» воспримут при отключении систем жизнеобеспечения.

Более того, — продолжил Фридрих, — подсистемы истребителя не подчиняться никому, если пилот в процессе активации не открыл для сканирования свой рассудок. Машина опознает личность по уникальным параметрам, присущим только специально подготовленным мнемоникам, и сравнивает их с матрицей сознания, записанной в маркированный специальным кодом логр. Маркированные логры будут выдаваться исключительно пилотам. При несоблюдении хотя бы одного из условий активации, автоматически срабатывают устройства самоуничтожения машины.

Шеи Логдоида замысловато изогнулись в знаке уважения и понимания.

— Перейдем к вопросу базирования и тактики формируемых подразделений. — Вновь взял инициативу Фридрих Штергель. — Перед нами стоит задача: в любой момент времени адекватно реагировать на любую угрозу в произвольно избранной точке пространства, расположенной в границах Обитаемого Космоса. Мы предполагаем в корне изменить принцип базирования мобильных аэрокосмических соединений. Нет нужды строить армады авианесущих крейсеров. Есть план по созданию полутора сотен военных космодромов на планетах периферийных звездных систем. Таким образом, мы замыкаем

пространство Обитаемой Галактики в некую сферу. Используя уникальную мобильность «Стилетто», отдельная машина, звено, эскадрилья или соединение постоянной боевой готовности способно в максимально короткий срок достичь любой точки пространства, оперативно отреагировав на возникшую угрозу. Распределение баз по периферии сферы жизненных интересов Содружества дает возможность быстрой концентрации сил в проблемной зоне, и такого же стремительного отхода соединений. Кроме основных нами спланированы резервные космодромы, куда в случае необходимости будут отходить машины, требующие немедленного ремонта, доукомплектации или оказания помощи пилоту. Взяв на вооружение новый принцип базирования, мы получаем массу преимуществ. Мобильные группы более не привязаны к кораблю-матке, они появляются внезапно, и так же стремительно выходят из боя, уступая место свежим силам. Наземное базирование дает дополнительную защиту в виде стационарных средств противокосмической обороны, кроме того, условия для ремонта техники, а так же, что немаловажно, — более комфортного проживания личного состава, что неизбежно повлияет на качество подготовки материальной части и моральное состояние пилотов.

Адмирал на минуту умолк.

— Мы не исключаем постройки некоторого количества крейсеров авианесущего типа. — Продолжил мысль адмирала Полехов. — Основные силы ВКС Конфедерации будут пополнены новыми образцами техники, но теперь, наконец, отпадет необходимость в распылении сил на урегулирование мелких проблем. Семь существующих на сегодняшний день флотов, доукомплектованные авианосцами, действуя в полном составе, создадут щит, способный отразить вероятную внешнюю угрозу, а текущие конфликтные ситуации, возникающие в рамках Содружества, будут решаться мобильными соединениями «Стилетто».

Вновь наступила короткая пауза. Глава Всех Семей и Хранитель Логриса обдумывали полученную информацию.

— Сегодня мы не будем глубоко вдаваться в подробности. — Нарушил молчание Артур Денисович. — Наша с адмиралом задача: ознакомить вас, как полномочных представителей входящих в Содружество цивилизаций, с существующими и вероятными угрозами, показать наши разработки, обозначить принципиальные моменты перспективы развития флота. Речь идет об астрономических суммах вложений и доминирующей роли человечества на первом этапе ввода в эксплуатацию мобильных аэрокосмических соединений. Собственно, после изучения подробной информации, в Совете Безопасности должно быть принято

принципиальное решение — строить ли защитную сферу из сотен планетарных баз? — Завершил свое выступление Полехов.

— Люди и без того доминируют во флоте. — Ответил логрианин. — Что касается требуемых капиталовложений, то думаю, вопрос будет решен. Совет Логриса рассмотрит и проанализирует все угрозы, выдаст наши рекомендации, в том числе и по использованию логр-компонентов.

— Я лично поддержу проект. — Высказал свое мнение Хригашт. — Доктрина глобальной безопасности необходима Содружеству. Однако меня волнует вопрос участия инсектов в формировании новых подразделений флота. Чтобы принять окончательное решение мне требуется время на консультации с Главами Семей.

— Немедленно ответа не требуется. — Ответил адмирал Штергель. — Вам будут переданы подробные материалы для ознакомления, после чего мы встретимся еще раз, уже для принятия окончательного, коллегиального решения. Все замечания постараемся учесть, при возникновении спорных вопросов, — найти компромисс. Могу уже сейчас сказать, что явление природной телепатии, присущее инсектам, рассматривалось нами, как основа взаимодействия с логр-компонентами.

…

Через некоторое время, когда фантомные фигуры Логдоида и Хригашта исчезли из пространства отсека связи, Полехов присел в кресло и, расслабившись, шумно выдохнул.

— Ну, что Фридрих, начало переговорам положено. Как твое впечатление?

— Логриане нас поддержат. — Уверенно ответил адмирал. — Относительно инсектов пока определенно сказать не могу. Но сложнее всего будет с нашими, человеческими планетными цивилизациями.

— Согласен. — Кивнул Президент. — Сколько у нас гарантированных голосов в Совете безопасности Миров?

— Пока сто тридцать восемь из трехсот. — Ответил Штергель. — За остальные будем бороться.

* * *

Корпоративная Окраина. Планета Эрлиза. Две суток спустя…

— Наши предшественники породили серьезную проблему, которую нам теперь придется решать. — Генрих Итем вальяжно развалился в кресле, потягивая прозрачный, как слеза Диахр[27] из высокого тонкого бокала.

Двое его собеседников — Владимир Брызгалов и Роббер Актура согласно кивнули.

Итем поставив бокал на расположенный между креслами столик, недовольно констатировал:

— Что-то Фредерик задерживается.

— Думаю, де Ритторен не прибудет на встречу. — Высказал предположение Актура.

— Это почему? — Взгляд Итема стал жестким, колючим.

— Он никогда не опаздывает. — Пояснил Роббер. — Не придет.

— Откололся? — Презрительно буркнул Брызгалов. — Я давно заметил, — нет в нем хватки. Побаивается конфедератов.

— Он им должен. — Итем помассировал подбородок. — Старая история.[28] Ладно, обойдемся без Фредерика. Вернемся к нашей проблеме.

— Появление кибрайкеров являлось процессом стихийным. — Заметил Брызгалов, не пропускавший случая щегольнуть своей поверхностной эрудицией, рассуждая на различные темы, так, словно основательно изучал вопрос. — Не корпорации создали идеальных взломщиков информационных сетей. Их взлелеяла Окраина, которую наводнили в ту пору генные инженеры из разгромленных Конфедерацией лабораторий Зороастры.[29]

— А создание когорты мнемоников стало вынужденным ответом на атаки этих отморозков. — Веско дополнил его слова Роббер.

— Виной всему — деньги. — Возразил Генрих Итем, смерив Брызгалова иронично-презрительным взглядом. Что знает молодой выскочка о *той* Окраине, где абсолютную власть давали только деньги? Огромные риски, сопоставимые с ними прибыли, плеяды миров, живущих по закону сильного…

Сумеет ли он вернуть те времена?

— Сказки о нереализованных амбициях генетиков Зороастры для меня — пустой звук — Наставительно, жестко произнес Генрих. — Они понимали, что самое ценное в нашем мире, — информация и, следуя привычным для себя методикам, создали идеальную биологическую машину, используя в качестве «подопытного материала» разный сброд, какого и сейчас полно на планетах Окраины. Беглецы с Зороастры занимались скорее бизнесом, чем наукой. Добыча информации из корпоративных сетей, и последующая ее продажа — вот истинная цель создания избыточно имплантированных личностей. — Уверенно высказал он свою позицию по данному вопросу.

— Да, но наши предки с удовольствием, даже я бы сказал, с рвением подхватили технологию, создав «корпоративные школы», откуда выходили и кибрайкеры и их антиподы — мнемоники. — Ворчливо произнес Брызгалов. — Нет ничего удивительного, что Конфедерация разгромила нелегальную сеть подготовки такого рода «специалистов».

— Господа, мы уходим от темы. — Заметил Роббер Актура. — Нам нанесли болезненный удар. Кибрайкеры и мнемоники давно стали неотъемлемой составляющей Корпоративной Окраины. Без их участия теряют смысл множество уже начатых проектов. Однако проведенный через Совет Безопасности Миров закон «О допустимом уровне имплантации», и всеобщая амнистия, объявленная в отношении кибрайкеров, не совершивших тяжких преступлений, фактически полностью «обескровили» нас. Теперь Конфедерации на вполне законных основаниях готовит мнемоников, мы же лишены такой возможности…

— Давайте изъясняться проще. — Презрительно усмехнувшись, предложил Итем. — Те кибрайкеры и мнемоники, с которыми мы работали, за истекшие двадцать лет либо состарились, либо переметнулись на сторону конфедератов. Нам предлагают принимать на работу мнемоников, подготовленных в Центральных Мирах, но как мы можем доверять критическую для корпораций информацию специалистам, взлелеянных в стане потенциального противника?

— Выход придется искать. — Поддержал его Актура. — Современный мир без мнемоников уже немыслим. — Повторил он. — Что касается кибрайкеров, то тут вопрос скорее этический, нежели профессиональный. И охотники за информацией и ее стражи обладают приблизительно одинаковой подготовкой. Дело в принципах, в морали в готовности преступить закон, — вот, по моему мнению, определяющие качества для современного кибрайкера.

— К чему ты клонишь Роббер? — Спросил Брызгалов.

— Мнемоники, даже подготовленные конфедератами, станут работать на нас. За деньги. Это вопрос цены, не более. А вот кибрайкеры, которых мы собираемся использовать в самых секретных, критических операциях, должны иметь дополнительный стимул, их принципы, воспитанные в стане противника, следует «обнулить». — Ответил Актура.

— Интересно, каким образом? — Ехидно поинтересовался Итем.

— Они должны работать на нас не столько за деньги, сколько за идею. — Не обращая внимания на скепсис, прозвучавший в голосе Итема, ответил Актура. — Неважно какую. Лучшим гарантом надежности любого кандидата я считаю ненависть к Конфедерации.

— Откуда бы ей взяться? Все мнемоники проходят серьезную идеологическую подготовку. — Вставил реплику Брызгалов.

— Да, но при этом они остаются людьми. Раз мы сами не можем готовить нужных специалистов, значит, должны научиться производить селекцию, провоцировать ситуации, которые оттолкнут нужное нам количество мнемоников от идей Содружества космических рас, вселят ненависть, страх перед Конфедерацией. Тогда мы легко сумеем переманить их на свою сторону, предоставив не только гарантии безопасности, деньги, но и возможность реализовать свои внутренние порывы.

— А как по мне, — достаточно денег. Вопрос цены, — очень верно сказано. — Заметил Брызгалов. — К чему усложнять?

— А Роббер прав, и он нисколько не усложняет. — Достаточно резко ответил Итем, поддерживая идею Актуры. — Есть ситуации, когда идея работает надежнее любых материальных стимулов. Нам следует объединить усилия, собрать тех, кто еще верен корпорациям, и искать, искать способы вербовки мнемоников. Привести на Окраину нужных специалистов, заманив их сюда деньгами, всегда успеем. Но не забывайте, что мы работаем в зоне рискованного бизнеса, где все еще достаточно грязи. Утечка информации определенного рода для любой из ведущих корпораций сектора равнозначна приговору.

— Согласен. — Подумав, нехотя кивнул Брызгалов.

— Как будем действовать? — В своей манере сразу перешел к уточнению деталей Роббер.

— Создадим объединенную транскорпоративную группу. Некий «особый отдел», который займется вопросами разработки и перевербовки молодых мнемоников, как выпускников конфедеративных академий, так и абитуриентов.

— Какой нам толк от недоучек? — Фыркнул Брызгалов.

— Сами воспитаем. — Цинично ответил Итем. — Главное — уровень имплантации, и первичная проверка на совместимость психики индивида и киберпространства информационных сред. Остальное — идейные убеждения и прочее, — мы в состоянии дать мнемонику здесь, на Окраине. Кроме того, при глубоком изучении проблемы я выяснил: мнемонический отдел Конфедерации ведет секретный проект, являющийся ни чем иным, как продолжением и развитием исследований, связанных с наследственностью избыточно имплантированных личностей.

— А поподробнее? — Заинтересовано переспросил Роббер Актура.

— Еще когда на Окраине существовала подпольная сеть «учебных центров», их организатор и владелец, ныне покойный Огюст Дребуа уделял

особое внимание исследованиям наследственности мнемоников и кибрайкеров. Он обратил внимание на изменение структуры коры головного мозга у некоторых воспитанников. Дребуа всерьез считал, что бежавшие с Зороастры генные инженеры, совершавшие первые операции по имплантации, внесли изменения в геном своих «пациентов». Человеческий организм обладает высокой степенью адаптивности, и, как следствие, — в местах сопряжения имплантов с корой головного мозга у большинства мнемоников наблюдалось формирование уникальных биологических нейросетей. Путем экспериментов Огюст выяснил, что новые участки нервных тканей обладают более сложной структурой, чем необходимо для эффективной связи между вживленным кибернетическим устройством и рассудком избыточно имплантированного человека. Проще говоря, нервная система мнемоника, спустя некоторое время после имплантации, формировала новые, уникальные участки нейронных сетей, способные распознавать и обрабатывать данные, получаемые от не свойственных человеку аппаратных средств восприятия окружающего мира.

— И что с того? — Поморщился Брызгалов.

— У мнемоников и кибрайкеров рождались дети. — С нотками презрения в голосе ответил Генрих Итем. Он не выносил, когда в его присутствии кто-то проявлял несообразительность. — И зафиксированные у родителей изменения в ряде случаев передавались по наследству. Дребуа не успел завершить исследований, но если судить по его записям, попавшим ко мне в руки, Огюст предполагал, что данные изменения — эволюционные, и потомкам мнемоников в третьем поколении уже не потребуются импланты.

— Смелая теория. — С сомнением произнес Роббер Актура.

— Я тоже поначалу отнесся к записям старика с недоверием. Пока один из информаторов, внедренный в мнемонический отдел флота Содружества не передал мне сведения о некоем тщательно засекреченном эксперименте, с кодовым названием «третье поколение».

— Догадки.

— Возможно. — Генрих посмотрел на Брызгалова и добавил: — Задумайся, Володя, а если Дребуа был прав? Нам запретили проводить операции по избыточной имплантации, но что если мнемоники третьего поколения действительно существуют, и у них проявила себя предсказанная наследственность? В таком случае достаточно получить соответствующий генетический материал, и мы сможем клонировать *взрослых* по анатомическому строению людей, с необходимыми нам

потенциальными возможностями рассудка. Останется лишь малость, — несколько месяцев усиленной мнемонической подготовки, накачки клона необходимыми знаниями, и мы получаем идеальных исполнителей, которым в процессе «виртуального обучения во сне» будет привита абсолютная преданность корпорациям.

— А если нас раскусят?

— Ничего не докажут. Генная инженерия давно научилась творить чудеса. Небольшое изменение в ДНК, и клон получает уникальные биометрические данные. Остается снабдить новых сотрудников качественными документами, имплантированной памятью о «прошлом», и нам не нужно опасаться происков разведуправления флота, — ведь никто не запрещал корпорациям принимать на работу эмигрантов с других планет, будь они хоть десять раз мнемоники.

— Похоже на мистику, или чудо.

— Чудес не бывает. — Резко возразил Итем. — Есть конкретные технологии и последствия их применения. Так что я, при здравом размышлении, склонен верить записям Дребуа.

— В общем решено. — Подвел итог обсуждения Брызгалов. — Каждая корпорация выделяет людей с соответствующей подготовкой и пусть начинают работать, иначе мы рискуем через пару лет оказаться в полной зависимости от подготовленных Конфедерацией специалистов. Существуют или нет эти мнемоники третьего поколения — посмотрим.

* * *

Планета Треул. Офис корпорации Спейсстоун

Брызгалов остался крайне недоволен, как итогом своего выступления в Совете Безопасности, так и состоявшейся позже неформальной встречей первых лиц Корпоративной Окраины.

Ему не нравилось заигрывание с Конфедерацией, он боялся открытой конфронтации с Содружеством, и одновременно — не видел выхода из сложившейся на Окраине ситуации.

Стагнации никогда не приводят к добру. Да, Окраина изменилась, она утратила статус пограничных систем, теперь между пространством неисследованного космоса и планетами, где веками правили крупные финансово-промышленные группы, лежала не загадочная чернь Рукава Пустоты, а сияло шаровое скопление О'Хара, вотчина логриан, инсектов и харамминов.

Логрианские устройства «Вуали» на протяжении трех миллионов лет

скрывавшие скопление звезд от посторонних взглядов, были отключены сразу по окончании Семидневной войны, и теперь Корпоративная Окраина, зажатая между скоплением О'Хара и центральными мирами Конфедерации, переживала не лучшие времена.

Чтобы развиваться, нужен простор. Необходимо освоение новых звездных систем, но вкладывать деньги в терраформирование планет скопления, Брызгалов не собирался. Причина тому — Дикие Семьи расы инсектов, — вот кто уж точно плевал на все существующие законы…

Прав Фредерик де Ритторен, — подумал Владимир, вспоминая давний разговор, состоявшийся у него с владельцем корпорации «Новый Свет», — нужно торить гиперсферные трассы через зону рискованной навигации, выходить за пределы шарового скопления, и там, вдали от Конфедеративного флота и ставшей уже совершенно невыносимой колониальной администрации, начинать освоение новых звездных систем, своими руками воссоздавать новую Корпоративную Окраину, — зону свободной торговли, энергичных людей, сверхрисков и сверхприбылей.

Однако не все обстояло так просто.

Пути через спутанные обилием звезд хитросплетения гиперсферных навигационных линий проложены уже лет двадцать, но не все так чисто и благополучно по ту сторону шарового скопления звезд.

Не зря де Ритторен мнется, не спешит воспользоваться гиперсферными трассами, проложенными картографическими кораблями его корпорации.

Чего он опасается? Обнаруженных в ходе разведки нескольких поселений расы Эмулотти?

Но это мелочи, по большому счету. За скоплением открываются бескрайние просторы спирального рукава Галактики, однако Фредерик что-то утаивает, раз не спешит туда. Или просто ему уже не по силам поднять такой одиозный проект?

Странное поведение для главы мощной корпорации.

Брызгалов глубоко задумался. Нет, де Ритторен человек действия, не раз доказывавший свое умение управлять огромной промышленной империей. Конечно, с годами приходят опыт и осторожность, но не до такой же степени, чтобы в полном смысле похоронить главный лозунг «Нового Света» — «Мы не придумываем миры, а открываем их». Корпорация процветала именно за счет постоянной разведки зон неисследованного космоса, и продажи результатов на аукционах, где фигурировали лоты неосвоенных, но потенциально пригодных для колонизации миров.

Фредерик чего-то боится.

Но как узнать, в чем причина его опасений?

Купить информацию? Украсть?

А стоит ли она того?

Ладно, попробуем зайти издалека. — Брызгалов отдал мысленный приказ автоматике, и через несколько мгновений для него был открыт плавающий канал связи на гиперсферных частотах.

Фредерик де Ритторен ответил на вызов спустя пару минут.

— Привет, Владимир. Давно не виделись. — Без эмоций поприветствовал он Брызгалова.

— Да, вот возникли кое-какие мысли. — В тон ему ответил Брызгалов. По плавающему каналу гиперсферной частоты разговаривать можно было спокойно, никто не прослушает. — Дело есть, Фредерик. По профилю твоей корпорации.

Де Ритторен удивленно приподнял бровь.

— Ты же прекрасно знаешь, за последние годы мы не выставляли на продажу информацию по новым планетам.

— Знаю. У меня даже создалось впечатление, что ты свернул это направление деятельности.

— Ближе к делу. — Спокойно отреагировал Фредерик.

— Я о деле и говорю. Коль нас не пускают за Вертикали, ограничивая в специалистах, способных работать с энергетическими линиями аномалии, я подумал, что единственный путь развития ведет за пределы скопления О'Хара.

— Логично.

— Не один я такой умный, да?

— Володя, говори прямо, что тебе нужно?

— Ты ведешь разведку систем за пределами скопления?

— Сейчас — нет.

— Отлично. В таком случае у нас с тобой вполне может состояться взаимовыгодная сделка. У «Спейсстоуна» как ты знаешь нет своего флота разведывательно-картографических судов. Зато он есть у тебя. Я хочу арендовать пару десятков кораблей с опытными экипажами для исследования интересующих меня зон пространства.

— Извини, это невозможно. — Без раздумий ответил де Ритторен.

— Почему? Ты даже не выслушал мое предложение по цене.

— Невозможно. — Повторил Фредерик. — И возвращаться к этой теме я не стану.

— Вот так, без объяснений? Просто «нет» и все?

— Именно так.

— Ладно… — Брызгалов уже смекнул, что к чему. — Не буду настаивать, поищу корабли в других корпорациях.

— У тебя все? — Де Ритторен был на удивление неприветлив.

— Да. Извини, что зря побеспокоил. Увидимся еще.

Отключив связь, Брызгалов вновь глубоко задумался.

У столь категоричного отказа, несомненно, есть причина.

Скорее всего де Ритторен потерял свой знаменитый картографический флот. — Вывод лежал буквально на поверхности, иначе чем объяснить, что Фредерик после успешной прокладки гиперсферных маршрутов и открытия миров Эмулотти, не продал на галактических аукционах ни одной из планет?

Он лишился кораблей.

Все интереснее и интереснее… — Брызгалов вновь задействовал внепространственную связь.

— Хельк?

— Да, слушаю.

— Есть работа по твоему профилю. Мне необходимо выяснить, когда корабли картографического флота корпорации «Новый Свет» в последний раз проходили официальную перерегистрацию.

— Понял. Оплата обычная?

— Справишься быстро — получишь вдвое.

— Сделаю.

— Жду. — Брызгалов отключил связь. Его глаза вдруг заблестели. Он чувствовал, что взял верный след. Вряд ли дикие семьи инсектов стали препятствием для Фредерика. Если информация по потере целого флота разведывательных кораблей подтвердиться, значит….

Значит, за границами скопления О'Хара де Ритторен нарвался на что-то совершенно невероятное.

Этим вопросом следует заняться вплотную. — У Брызгалова внезапно даже ладони вспотели. Неужели там за зоной почти непроходимой звездной плотности обнаружена еще одна неизвестная нам космическая раса?!

Глава 2

Два года спустя.

Зона средней звездной плотности. Противоположная от Рукава Пустоты окраина скопления О'Хара. Планета Алексия…

Галакткапитан Рощин прибыл к новому месту службы поздним утром, в субботу 14 июня 3867 года.

Пока орбитальный челнок осуществлял снижение и посадку, он успел вкратце познакомиться с историей планеты, почерпнув большинство сведений из местной сети.

Взгляд на экран, куда транслировалось изображение проплывающих внизу ландшафтов, полностью подтверждал полученную информацию.

С высоты птичьего полета было отчетливо видно, что на Алексии, спустя полторы тысячи лет после посадки колониального транспорта «Александрия» до сих пор не существует сплошной зоны терраформированных земель. Объяснение данному феномену Рощин отыскал без труда: как выяснилось при исследованиях, исконная природа планеты по степени агрессивности в отношении человека, оказалась столь мягка и безобидна, что люди, поначалу создавшие после посадки пять «очагов освоения», вскоре прекратили процессы терраформирования, остановив планетопреобразующую технику.

Конечно Алексия — это не рай, — подумал галакткапитан, — хотя планета близка к тому воплощению мечты о приветливом, девственном мире, что уносили в своих сердцах пассажиры первых колониальных транспортов «Великого Исхода[30]»

…От изучения исторических материалов его отвлек доклад бортовой кибернетический системы, сообщившей об успешной посадке.

Пятый Резервный космодром (сокращенно РК-5) находился в стадии строительства. Коммуникации бункерной зоны и узлы противокосмической обороны уже возвели, сдали в эксплуатацию, а вот наземные постройки, окруженные стартопосадочными полями, рулежными дорожками и взлетными полосами, еще закрыты в строительных лесах, — на незавершенных объектах, не смотря на выходной день, трудились десятки кибернетических механизмов.

Все это Вадим успел заметить пока шел от трапа челночного корабля

до контрольно-пропускного пункта.

В просторном помещении КПП витали специфические запахи недавно завершенной отделки, за толстым бронепластиковым стеклом виднелась фигура дежурного офицера, который, завидев вновь прибывшего, встал, мысленным приказом разблокировав доступ в переходной тамбур.

Вадим не удивился, определив, что галактлейтенант является мнемоником.

— С прибытием. — Сдержанно поприветствовал тот Рощина, пока Вадим, следуя стандартной процедуре доступа, транслировал личные данные подсистеме безопасности.

— Тихо тут у вас.

— Выходной. Начальство отдыхает. — Галактлейтенант принял информацию, и выражение его лица тут же изменилось. — Дежурный по пятому резервному лейтенант Положенцев Александр Андреевич! — Официально отрапортовал он, одновременно открывая доступ во внутреннюю зону.

— Галакткапитан Рощин, Вадим Петрович. — Он миновал переходной тамбур, и пожал протянутую руку. — Принял меня за проверяющего?

— Грешным делом, — да. Значит, вы наш командир эскадрильи?

— Да. — Кивнул Вадим. — Не предупредили?

— Куда там. Секретность. — Положенцев вновь заблокировал доступ в контрольную зону. — Мы хоть и в резерве, до окончания строительства, но спуску особо не дают. Информации минимум, зато каждую неделю какая-нибудь проверка, вот вас ждали, думали что-то проясниться.

— Правильно думали. — Рощин пытливо посмотрел на молодого лейтенанта, потом сдержанно улыбнулся краешком губ. Молодец, на мнемоническую передачу данных не срывается, держит свои способности под контролем. — Эскадрилья укомплектована?

Вопрос отчасти провокационный.

— Машины перегнали только позавчера. — Спокойно, по-деловому отреагировал Положенцев. Одновременно Вадим ощутил мягкое, ненавязчивое ментальное прикосновение. Проверяет.

— Все в порядке, лейтенант, не напрягайся. — Рощин на миг ослабил мнемоническую защиту, позволив сканирующему излучению имплантов галактлейтенанта войти в контакт с его собственными кибермодулями.

Мгновенный обмен данными окончательно разрядил обстановку, развеял все сомнения.

— С прибытием, командир.

— Спасибо. Докладывать, как я понимаю, некому?

— Полковник Балкашин и майор Сабуров находятся вне гарнизона. — Подтвердил догадку Рощина галактлейтенант. — Прибудут только завтра к вечеру.

— А личный состав эскадрильи?

— Двое тут, остальные в увольнении.

— Машины расконсервированы?

— Да, вчера их поставили на плановое обслуживание. К утру завтрашнего дня будут готовы к пробным вылетам.

Рощин мысленно нахмурился, хотя на лице не дрогнул ни один мускул. Непорядок. Пилоты в увольнении, машинами занимаются кибермеханизмы… Ладно, исправим. Инфраструктура стартопосадочных полей и взлетных полос готова к эксплуатации, значит, работу можно начинать в любое время. Как командир эскадрильи он обладал достаточными полномочиями, чтобы поддерживать в подразделении тот режим боевой подготовки, который считал наиболее оптимальным.

— Вот что, Саша, — он намеренно обратился к галактлейтенанту по имени, — сегодня я осмотрюсь, напрягать никого не стану, работать начнем с понедельника, когда прибудут все пилоты, но на будущее, запомни сам, и передай другим: в резерве мы или нет, значения не имеет. Техника в эскадрилье принципиально-новая, и не дело прохлаждаться в увольнительных, когда идет расконсервация машин.

— Понял, Вадим Петрович. — Во взгляде Положенцева промелькнула задорная искорка, видно и ему было не по душе, прозябать в караулах.

* * *

Делать оказалось решительно нечего, и Вадим отправился знакомиться с окрестностями.

Сейчас галакткапитан стоял у края обрыва, и смотрел на разноликие пространства, раскинувшиеся под лучами заходящего за горизонт фиолетового солнца.

По правую руку, километрах в трех от возвышенности, таинственно синел лесной массив, — небольшой в сравнении с площадью основного материка планеты клочок терраформированных территорий, созданных машинами, сразу после посадки колониального транспорта «Александрия». Там же неподалеку высились первичные укрепления колонии, — железобетонные конструкции типовых убежищ, окруженные потрескавшимся валом охранного периметра.

Вадим сосредоточил внимание на древнем укреплении, посылая мысленный запрос.

Ему ответила система консервационного контроля, — ничего удивительного, — знание древних машинных языков часто позволяло галакткапитану совершать свои личные, маленькие, но удивительные открытия.

Для мнемоника его уровня не существовало тайн, запретов или загадок, когда дело касалось кибернетических систем, созданных людьми, либо логрианами.

Оказывается, кибернетические компоненты первичного колониально убежища все еще функционировали, находясь в энергосберегающем режиме. Непонятным при удаленном сканировании оставалось одно: сохранили древний колониальный форт как памятник былого, или просто оставили не у дел, бросили на произвол судьбы, как нередко случалось в колониях с теми постройками и техникой, что не требовались для выживания людей.

Нужно будет сходить, выяснить, что за подсистемы все еще дремлют в энергосберегающем режиме… — Подумалось ему.

Взгляд галакткапитана переместился левее.

Между генномодифицированными лесопосадками и исконной жизнью планеты, представленной фантастическим редколесьем гигантских грибовидных растений, лежал широкий, более пятидесяти километров, участок пустынной, засушливой местности, — под часто встречающимися на материках планеты, загадочными, не имеющими явного природного обоснования пустошами, как стало известно после вторичного открытия Алексии разведывательными кораблями Конфедерации Солнц, и исследования ее поверхности современными сканирующими комплексами, находились руины древних городов, принадлежащих неизвестной ранее цивилизации.

Человеческие поселения на Алексии не обезобразили первозданного облика планеты глобальными процессами урбанизации, как часто случалось на иных мирах. С возвышенности была хорошо видна сеть многополосных магистралей, связывающих между собой отдельные поселки колонистов, ну а если немного напрячь зрение и сместить его в несвойственный для обычного человека спектр восприятия энергий, то в сгущавшихся сумерках становились различимы квадраты сельскохозяйственных угодий, где, словно букашки, ползали крохотные сигнатуры[31] сельскохозяйственных сервов.

Жители Алексии занимались аграрным производством; обжигающий вихрь Первой Галактической обошел стороной звездную систему, тут не осталось шрамов войны, зато сохранился древний уклад жизни.

И вот цивилизация вторично пришла в этот мир.

Возвышение, с которого Вадим наблюдал за величественной панорамой заката, на самом деле являлось исполинским отвалом земли, созданном при строительстве резервного космодрома военно-космических сил Конфедерации Солнц.

Земля, вынутая со строительных площадок, образовывала полукруглую насыпь, имевшую форму подковы, плотно вымощенную со стороны стартопосадочных полей армированными бетонными плитами. С «тыльной» стороны, обращенной в сторону существующих в современности поселений Алексии, незамысловатый отбойник, гасящий ударные волны, возникающие при посадке космических кораблей, густо порос травой и кустарником, тут даже прижились небольшие по размерам грибовидные формы местных растений.

Сам космопорт, расположенный в искусственно созданной выемке, все еще строился, не все здания достигли запроектированной высоты, вместо пяти стартопосадочных полей было готово только три, меж ними ровными стрелами протянулись взлетно-посадочные полосы, скоплением куполов виднелись ангары, где сейчас проходили расконсервацию машины третьей испытательной эскадрильи, доставленные сюда из других звездных систем, где располагались космические верфи Конфедерации…

…Рощин задумался, глядя на угасающий закат и разгорающиеся в безоблачном небе звезды. Вот чуть левее градусах в тридцати над линией горизонта тугим всплеском холодного сияния взошло скопление О'Хара, вон та тусклая звездочка — Кьюиг, отсюда, когда совсем стемнеет, можно среди россыпей других звезд рассмотреть Элио, Эригон и даже Солнце, в окружении звездных систем Линии Хаммера.[32]

Задумчивость Вадима нарушил появившийся невдалеке свет фар.

По гребню защитной насыпи пролегала дорога, но, по многим, очевидным для мнемоника признакам, ей пользовались редко и то в основном для нужд строительства космического порта, местные жители сюда не заезжали, однако, стоило Рощину бросить мгновенный взгляд на приближающуюся машину, как он тут же четко распознал сигнатуру гражданского флайкара довольно дорогой и престижной (по местным меркам) модели.

Спортивный флайкар несся со скоростью никак не меньше трехсот

пятидесяти километров в час, плавно, даже изящно вписываясь в пологое закругление пустой трассы.

Рощин не шелохнулся.

Датчики имплантов четко определяли дистанцию до машины, ее скорость, стоило на миг мобилизовать рассудок, как он увидел широкие, бешено вращающиеся колеса, и по малейшим отклонениям радиуса их поворота мог с уверенностью судить грозит ему опасность или нет.

Очевидно, одинокая фигура привлекла внимание водителя, но опыта вождения, для моментальной остановки тому явно не хватало.

Флайкар вихрем пронесся мимо, обдав Вадима потоками нагретого воздуха, затем во тьме зардели стоп-сигналы и включились фары заднего хода, связанные с видеокамерами бортового компьютера. Цепь подсистем автопилота, активированная при движении назад, четко прослеживалась на фоне остальных агрегатов машины.

Элегантный «Прокус» цвета спелой металлизированной вишни сдал назад и притормозил в двух шагах от Рощина.

Открылась водительская дверь, средь ночной прохладной тишины вызывающе цокнул тонкий каблучок.

— Жить надоело?! — Голос девушки дрожал, от только что пережитого мгновенного страха и последовавшего за ним негодования.

— Ничуть. — Добродушно усмехнулся Рощин. — Давайте знакомиться? — Он запросто протянул руку. — Вадим.

— У вас такой способ знакомиться с девушками? — Она слегка коснулась его ладони. — Инга.

— Я не ищу приключений или случайных знакомств. — Рощин улыбнулся. — Просто стоял, любовался закатом, когда вы промчались мимо.

— Хм… — Она в первый момент не нашлась, что ответить. — Вообще-то я тут часто езжу. Но романтиков с суицидальными наклонностями до сих пор не встречала. Вам слово «обочина» знакомо? Там бы и любовались закатом, хотя, что в нем интересного-то?

— Не злитесь. — Вадим посмотрел на Ингу, отметив, что она молода, стройна, красива. — Никто не рисковал. Ни вы, ни тем более я.

— Это почему?

— Я мнемоник.

— Вот даже как? — Девушка непроизвольно поймала взгляд Вадима и несколько секунд удерживала его. Именно так: удерживала.

— У вас хорошая ментальная подготовка. — Краешком губ усмехнулся Рощин.

Она ничего не ответила, но опустила взгляд.

Странная. — Подумал о ней Вадим. Одета элегантно, со вкусом (тут он мог судить компетентно, — офицеру ВКС полагалось знать сотни нюансов и тонкостей, напрямую не касающихся вопросов пилотирования истребителя), и что примечательно, — ткань содержала в себе нановолокна, способные за несколько секунд изменить до неузнаваемости любой наряд. В данный момент одежда Инги выглядела *практично*. Вручную управлять флайкаром с открытым верхом на огромной (для этого класса машин) скорости, требовало не только определенных навыков; одежда должны быть удобной, чтобы ничего не путалось, не «развевалось по ветру», не стесняло движений во время сложного маневра.

Она, справившись с непонятным секундным смущением, повернулась.

Из-за вызывающе-короткой стрижки, на ее лице броско, привлекательно выделялись глаза. В них, как в зеркале, отражались эмоции — секундой ранее там бушевало пламя негодования, теперь же оно улеглось.

— А вы пилот? — Внезапно спросила она.

— Да. Командир эскадрильи. — Ответил Вадим, подойдя к краю невысокого ограждения над которым, повиснув в воздухе без видимой глазу опоры, зажглись габаритные огни, обозначающие границы внешнего периметра космического порта.

— А вы, как я понимаю, с Элио или Кьюига? — В свою очередь спросил он.

— С Элио. — Она встала рядом, опершись о перила. — Завершила учебу, вот попала сюда на практику.

— А где учились?

— Институт археологии. Специализация — древние космические расы. Но сюда попала не по распределению. — Предупредила она логичный вопрос. — Здесь у меня дедушка уже полтора десятка лет изучает древний город.

Рощин выслушал ее слова с долей скептицизма. Не похожа Инга на начинающего археолога. Склад характера не тот. Да и непонятный блеск, сверкнувший в глазах при взгляде на космопорт, лишь усиливал ощущение некоего диссонанса между словами внешностью и потаенными, скрытыми в глубине души мыслями.

Вообще к женщинам Вадим относился спокойно. Сумасбродства не любил в силу сложившегося характера, да и известно, что у любого мнемоника есть где-то вторая половинка, — та, единственная, одна на все

человечество с которой можно так и не встретиться, прожив бурную, насыщенную событиями жизнь, побывав на десятках разных планет.

Времена пылкой кадетской юности давно прошли, и галакткапитан, в общем-то легко, непринужденно идущий на контакт с незнакомыми людьми, в вопросах случайных знакомств и связанных с ними глубоких, внезапных отношений был осторожен, — он слишком хорошо усвоил, что за порывом страсти чаще всего наступает разочарование. Мнемоник, как ни посмотри, обладает несколько иной психологией, он глубже чувствует, но и сильнее страдает. Так что с жизненным опытом пришла и некая реакция самозащиты, облаченная в полнее приличную форму приязненных, дружеских отношений, за теми редкими исключениями, когда его знакомые оказывались людьми морально нечистоплотными.

— А я военный. Потомственный военный. — Зачем-то пошел на откровенность Рощин. — Мой далекий предок начинал Галактическую войну на стороне Альянса, он был одним из первых пилотов серв-машин, потом на Кассии,[33] перешел на сторону Свободных Колоний. Мы с ним тезки. Его тоже звали Вадим Рощин.

— Та война была ужасна. — Высказалась Инга. — Трудно судить поступки человека, когда брат шел на брата, сын на отца.

Рощин откровенно удивился столь точной и емкой характеристике, данной целой эпохе. Хотя, кто знает, насколько подробно тему галактической войны изучают в институте археологии?

— А гонками на флайкарах давно увлекаетесь? — Спросил он, уводя разговор с темы исторической на более понятные обоим предметы для обсуждения.

— Нет, не очень. — Она немного расслабилась, до этого момента Вадим четко ощущал исходящую от девушки напряженную настороженность, связанную вовсе не с испугом, пережитым минуту назад.

— Хорошо водите. — Похвалил ее Рощин. — Машину с собой привезли?

— Ага. — Кивнула она, подойдя к краю ограждения. — Нужно же чем-то заниматься в свободное время. Здесь, пока не достроят космопорт, настоящей цивилизации не будет.

— Ее не будет и после окончания строительства. Объект режимный.

— Значит, я не зря подозревала, что придется скучать. Ладно. Пойду. Прохладно становиться.

Последняя фраза звучала явной отговоркой.

Впервые за последние годы Вадим изменил собственным принципам.

Что-то смущало и настораживало его. Как будто мнемонический образ Инги вдруг начинал двоиться, и внутренний взор галактикапитана различал две разные сущности, фактически идеально совмещенные друг с другом. Неужели она — мнемоник? — промелькнула догадка. Нет… Не перегибай Вадим, — мысленно упрекнул себя он. — Ты бы узнал мнемоника сразу. Хотя бы по характерному излучению кибермодулей в дополнительных имплантах.

Не факт. Импланты могут быть пусты, и временно не задействованы.

Сомнения все же взяли верх. Он подождал пока Инга отойдет на несколько шагов и крикнул вслед:

— Может, мы еще встретимся?

Она остановилась, и ответила, не поворачиваясь:

— Может, и встретимся… Планета вообще-то круглая. — Она в первый раз за время короткой встречи слегка улыбнулась, как будто окончательно сбрасывая непонятное Вадиму моральное напряжение. — А если серьезно, — приезжайте в поселок археологов. Познакомлю вас с дедушкой. Спросите Макрушина, его там все знают.

Через минуту спортивный флайкар мягко ушел с обочины, и вдруг, за несколько секунд набрав бешеную скорость, скрылся из вида, канув во тьму, а Вадим еще долго стоял у ограждения глядя на звездное небо и спрашивая себя вновь и вновь — почему она сумела задержать мой взгляд — взгляд *мнемоника?*

Ответа он не нашел.

Все лежало в области догадок, но назавтра он решил обязательно наведаться в поселок археологов, воспользовавшись полученным от Инги приглашением.

Странная девушка.

В ней ощущалась непонятная, притягательная дерзость, прочитанная Рощиным во взгляде.

* * *

Утром следующего дня, в воскресенье, ничего не изменилось, начальство по-прежнему отсутствовало, лишь сменившийся дежурный офицер сообщил Вадиму, что к вечеру ожидают полковника Балкашина, командира гарнизона.

— Выходные, галактикапитан, ничего не поделаешь. Основные поселения на соседнем материке, у многих служащих космопорта там семьи.

— А что, много городов на Алексии? — Спросил Вадим, стараясь не

демонстрировать возникшего раздражения. Ну, не понимал он термина «выходной», да и к порядкам гарнизонной службы привычки не имел. Зато успел повоевать: начинал он карьеру мнемоника в подразделениях космического десанта, двадцать лет назад. Первой операцией, в которой принимал участие галактлейтенант Рощин, стала знаменитая зачистка Корпоративной Окраины, когда силами флота Содружества была ликвидирована сеть подпольных центров, тайно готовивших кибрайкеров и мнемоников.

Молодого командира спецподразделения заметили, — год спустя Рощин оказался на знаменитой двадцать четвертой базе ВКС «Форпост», в скоплении О'Хара. Воевал против Диких Семей расы инсектов, принимал участие в повторной колонизации двух миров, оккупированных реликтовой боевой техникой времен Первой Галактической, в тридцать лет, после того, как рассекретили планеты «Ожерелья», прошел переподготовку и стал пилотом первой эскадрильи, перемещенной по Вертикалям в пространство десятого энергоуровня гиперсферы.

Древние говорили, что постоянная опасность вырабатывает презрение к ней.

Только отчасти. Рощин несколько иначе относился к службе. Подразделения постоянной боевой готовности, тем и отличаются от иных гарнизонов: в пространстве Обитаемой Галактики каждый час, каждую минуту что-то происходит, он привык к напряжению боевых будней, знал, какую цену порой приходилось платить за скверную подготовку, за отсутствие командиров на местах, — для Вадима понятие «выходной» являлось скорее раздражителем, — большинство крупных конфликтов начиналось в такие вот сонные, безмятежные дни…

Дежурный офицер явно не разделял подобной точки зрения.

— Крупных поселений всего пять — ответил он на вопрос галакткапитана. — Жителей — около ста тысячь.

— А почему города на соседнем материке? Ведь историческое место посадки колониального транспорта здесь. Я видел древний защитный периметр, возведенный машинами.

— Ну, да. — Согласился Денис Иноземцев. — «Александрия» приземлилась тут, но колония, как принято говорить, «не состоялась». Когда планету вторично открыли разведовательно-картографические силы флота, здесь существовало с десяток небольших поселков, никакой промышленности, да к тому же обнаружилось что на этом материке, под землей скрыты руины каких-то древних сооружений. Вот и решили современную инфраструктуру строить за проливом.

— А как же космодром?

— Для него место специально искали. — Ответил галактлейтенант — Исследовали каждую пядь земли на наличие культурного слоя.[34] Ничего не нашли.

— Ясно. — Рощин посмотрел на экраны, заменяющие в помещениях обычные окна. Небеса еще с утра затянуло тучами, накрапывал мелкий и нудный дождь, однако, бездельничать целый день он не собирался.

— «Семерку» поставишь на старт. — Распорядился Вадим. — Через пятнадцать минут, я пока экипируюсь.

Дежурный удивленно вкинул брови.

— Взлетать будете?

— Буду. — Спокойно ответил Рощин. — Машина новая, атмосфера Алексии мне незнакома, нужно осваиваться.

Спорить с галакткапитаном дежурный не стал. По глазам понял, что бесполезно, да и распоряжение не противоречило инструкциям. Командир эскадрильи сам волен назначать график учебно-тренировочных вылетов.

* * *

Хмурые облака висели низкими, рваными клочьями.

На развороте, пока набирал высоту, тестируя новый тип планетарных двигателей, солнечные лучи изредка прорывались сквозь прорехи в серо-свинцовых космах, на секунду брызжа с экранов золотистыми лучами, освещая *сознание* пилота, и снова в двойственном восприятии[35] — лазурь вперемешку с хмарью.

Земля уплывала вниз, игрушечные постройки Пятого Резервного становились все меньше, вскоре и они исчезли под серой мглой облаков, и теперь, куда ни глянь — безграничный простор плавно наливающихся фиолетовой чернотой небес.

Взлет с планетарного космодрома долог, необычен, он отличается от стремительных заходов в атмосферы планет, когда порой и на планетарную тягу переключаться не приходилось: современная война не предполагает визуального контакта пилота с целями, работать в основном приходиться по показаниям сканирующих комплексов, — поймал маркер, выпустил ракеты и забыл…

Теперь их учили воевать иначе.

Пространство гиперсферы вносило свои коррективы в тактику боев с применением аэрокосмических истребителей. В условиях десятого энергоуровня, к примеру, не работало большинство привычных

кибернетических комплексов, и пилотам приходилось брать на себя ручное управление сложнейшими машинами. Именно поэтому последние выпуски академии ВКС состояли исключительно из мнемоников.

…Вадим дважды произвел маневр входа в атмосферу, после чего, завершив отладку двигателей, что называется «почувствовав» машину, он повел «Стилетто» на посадку.

Отработав намеченную программу полета, дав указания техническим сервам по обслуживанию аэрокосмического истребителя, Рощин, взглянув на часы задумался.

Близился вечер.

Судя по всему, начальства сегодня я вряд ли дождусь, — подумал галакткапитан.

Дел на вечер у него не было, и Вадим внезапно вспомнил о состоявшемся накануне странном знакомстве.

А почему бы и нет? — Мысленно спросил себя он, посылая запрос в общепланетную базу данных. — Инга вроде бы говорила, что ее дедушка руководит раскопками? Было бы интересно узнать о существовавшей тут в прошлом цивилизации.

Ответ на его запрос пришел спустя несколько секунд, и, шагая от ангара по стартопосадочному полю, в направлении центрального здания космического порта Рощин, через передатчики импланта соединился с коммуникационным центром, поручив автоматике отыскать интересующего его абонента.

— Да? — Раздался в его сознании голос Инги. — Говорите, я слушаю. Ваш номер не определился на моем кибстеке.[36]

— Добрый день, Инга, это Вадим Рощин. Мы с вами вчера встречались.

— А, помню, конечно. Как вы меня нашли? Впрочем, не объясняйте, вы же мнемоник, — для таких как вы тайн не существует вообще, верно?

В ее голосе послышались нотки недовольства.

— Извините, если не вовремя побеспокоил. — Вадим терпеть не мог навязывать кому-либо свое общество, но просто прервать сейчас разговор было бы невежливо. — Номер коммуникатора я получил из общедоступных источников. Всего хорошего…

— Подождите, Вадим, не отключайтесь. — Она мгновенье промедлила, а затем неожиданно предложила: — Знаете, что? Приезжайте к нам сегодня вечером, часам к семи? Устроит?

— Ну вот, напросился…

— Да, бросьте. Дедушка будет рад познакомиться. Да и у меня на сегодняшний вечер планов никаких.

Рощин мысленно упрекнул себя за необдуманный поступок, но теперь уже отклонить предложение с его стороны абсолютно невозможно.

— Хорошо, Инга, спасибо за приглашение. Обязательно приду.

— Пешком собрались? Смотрите не заблудитесь у нас в поселке. Объяснить, как добраться?

— Найду. — Настроение у Вадима несколько улучшилось. — Если уж совсем заплутаю, тогда попрошу помощи, договорились?

— Договорились. — Теперь в ее голосе прозвучала задиристая, но не колкая насмешка. — Буду ждать звонка от «заблудшего». До встречи, Вадим.

— До вечера, Инга.

Он мысленным приказом отключил канал связи.

Натянутый разговор получился. Ну а что ты хотел? — С легким раздражением спросил сам у себя Рощин. — Иди теперь, приводи себя в порядок.

* * *

Вечер у Ильи Степановича Макрушина — так завали дедушку Инги, — оказался вопреки опасениям Рощина вовсе не скучным, занудливым или чопорным.

Инга не зря предупреждала его о возможности заблудиться: поселок археологов, когда-то состоявший из нескольких типовых зданий, за годы изысканий стихийно разросся, приняв причудливые формы. Улицы и улочки тут гарантировали, что строительные сервомеханизмы если и имеют к ним какое-то отношение, то только не на стадии планирования.

Вадим усмехнулся собственным мыслям.

Вот как, оказывается, формировались древние города на Земле.

Рощин — дитя мегаполиса, — привык к порядку, к некоей логичной геометрии форм, рационализму, а тут все выглядело незамысловато: построил человек дом, рядом неподалеку обстроился сосед, между двумя домами, огибая куст жимолости как-то сама собой была протоптана дорожка, — вот ее впоследствии и облагораживали кибернетические механизмы, — асфальтировали, устраивали клумбу вокруг исторически примечательного куста… так и весь городок: переулочки, улочки, все вроде красиво, ухожено, но так запутанно, что Рощину даже встретился серв, на перекрестке сразу пяти *направлений* — видно задумался бедняга, каким путем следовать, чтобы попасть из точки «а» в точку «б» наикратчайшим

маршрутом?

Оставив сервомеханизм решать сложную математическую задачу, Вадим, памятуя ироничное предостережение Инги, сверился со спутниковой навигационной картой и без лишних колебаний повернул направо.

Пахло дымком, что настораживало.

Оглянувшись, Вадим заметил, что серв не включил аварийной сигнализации, хотя кибернетический механизм оснащен газоанализатором и обязательно умеет классифицировать основные запахи.

Дыма без огня не бывает. — Он огляделся, но никаких отсветов пожара не увидел, напротив, сумерки сгущались все плотнее. — *Если не случайный источник возгорания, то что?* — Спросил у себя Рощин, пытаясь рассмотреть смутные контуры окружающих построек.

Погода к вечеру расстоялась. После пасмурного, дождливого летнего дня наступала удивительно мягкая ночь, она подобралась крадучись, обволокла мглой, раздразнила тревожащими запахами, — в едином букете смешивался и цвет жимолости, и тот самый насторoживший Вадима горьковатый запах дыма, от синего леса до обоняния ветер доносил безвредные для человека, но резко пахнущие споры исполинских грибов, добавляя их к букету вечерних ароматов.

Да и тишина стояла ненатуральная.

У мальчишки, выросшего в мегаполисе, свое понятие «тишины». Настоящая тишина для Вадима всегда была соткана из сотен, если не тысяч едва слышных шумов, которые успокаивают подсознание, нашептывают: все в порядке, город вокруг тебя живет своей размеренной, немного загадочной электронно-механической жизнью, а ты, человек живи своей и будь уверен, — мы тут, рядом, нас миллионы, — маленьких и больших, неподвижных и шустрых, дающих тебе свет, тепло чистый воздух, микроклимат кварталов, готовых придти на помощь, как только позовешь.

Тут же тишина стояла оглушающая, звонкая, и каждый нечаянный звук в ней слышался едва ли не криком.

Вот скрипнула калитка, мягко, практически бесшумно прошуршали вкрадчивые шаги, и Рощин, что уж тут скрывать, не выдержав, задействовал импланты, в гнездах которых притаились кибермодули.

Тут же в паре метров от него обозначилась тепловая сигнатура, вслед, с миллисекундной задержкой появилось изображение черного, как ночь кота, издалека принюхивающегося к незнакомцу, чуть дальше, за забором из имитирующих дерево пластиковых штакетин *пылала* энергетическая матрица непонятного устройства — вроде металлический ящик на высоких

ножках, в котором тлели яркие россыпи углей.

Вадим отключился от виртуальности, как только его сознание соткало призрачный образ Инги, сидящей в шезлонге подле открытой террасы.

Рядом с мангалом (слово было почерпнуто из словаря, размещенного в одном из имплантированных микрочипов) он уже затухающим мнемоническим восприятием успел заметить крепко сложенного мужчину, действительно годного ей в отцы или дедушки.

Вообще «подглядывать» Рощин не любил, да и не собирался, но обстановка поселка воздействовала на него очень необычно: приступ ментальной тишины, — слабый отголосок серьезного эмоционального шока, однажды полученного после разрыва мнемонической «пуповины», связывавшей курсанта академии ВКС с огромным городом, иногда давал о себе знать, не смотря на прошедшие с той поры годы.

Врачи предупреждали, а он тогда отмахнулся, — как же, ведь на изнурительных тренировках, где из него на протяжении пяти с половиной лет готовили настоящего космодесантника, он успел познать и всеобъемлющей тишины открытого космоса, и сторожких, полных неизведанных опасностей просторов иных планет, но, как выяснилось, — для мнемоника, чей рассудок связан незримыми нитями с сотнями исполнительных подсистем базового корабля высадки, полная, стопроцентная тишина — синоним смерти или, как минимум, серьезнейшей нештатной ситуации.

Только много позже, проходя переподготовку, чтобы стать пилотом космического истребителя, он сумел избавиться от периодических приступов, и вот позабытые уже ощущения внезапно вернулись…

Ну, хватит уже… — Мысленно одернул себя Вадим, открывая ту самую, едва слышно скрипнувшую калитку, через которую минуту назад на улицу *просочился* черный кот.

Илья Степанович Макрушин — старший научный сотрудник, временно исполняющий обязанности начальника археологической экспедиции Совета Безопасности Миров, хлопотал у мангала, на открытой террасе был накрыт стол, Инга действительно сидела в глубоком шезлонге, но, заметив появление галактпапитана, тут же поднялась ему навстречу, со словами:

— А вот и наш гость.

Вадим, конечно, был польщен, да и заинтригован одновременно, — его ждали, к приходу готовились, но все происходило как-то необычно, едва ли не на уровне давно позабытого древнего таинства.

Макрушин на минуту отвлекся от священнодейства, которое вызвало у

Вадима массу подозрений. Конечно, ему не раз приходилось выживать в условиях иных планет, но до питания «подножным кормом», да еще и приготовленным на открытом огне, доходили лишь «изуверства» инструкторов. На практике же, еще в период бытности космодесантником, Рощин быстро осознал что понятия «боец» и «боевой скафандр» — неотделимы, а в Обитаемой Галактике не существует двух одинаковых биосфер, как нет единой панацеи от всех вероятных болезней, аллергий, потому к пище, имеющей *естественное происхождение,* Рощин привык относиться с опаской. Даже в самых отчаянных ситуациях, когда исчерпан ресурс боевого скафандра, в распоряжении бойца все равно остается набор метаболических имплантов, стимуляторов, дыхательных и пищевых таблеток, ибо прямой контакт с биосферой планеты высадки — почти всегда — гарантированная смерть.

Расслабься капитан. — Рощину пришлось призвать к порядку свое распоясавшееся воображение. Вряд ли Инга пригласила его, чтобы отравить. Тем более, что процедуру иммунной адаптации он прошел сразу по прибытии на Алексию.

— Илья Степанович. — Макрушин тем временем вытер руки полотенцем, небрежно повесив его на сук засохшего корявого деревца, *торчащего* во дворе, — у Вадима даже мысли не могло возникнуть, что оно тут *растет*.

Рукопожатие у начальника археологической экспедиции оказалось крепким, богатырским. Инга наблюдала за ними со стороны, явно предвкушая, что Вадим сейчас поморщиться, но на лице капитана не дрогнул ни один мускул.

— Вадим Рощин. — Ответил он, взаимно сжав ладонь Ильи Степановича как в тисках, — пошли на пользу долгие упражнения с ручным управлением истребителем, когда астронавигационные рули во время резкого маневрирования так и норовит выломать из пальцев.

— Силен. — Похвалил его Макрушин. — Не зря, значит, внучка на тебя внимание обратила. А ты глазищами на меня не сверкай, — обратился он к Инге. — А то со своими городскими замашками тут со скуки у меня совсем исхудаешь. Радуюсь я появлению нового человека, без всяких твоих «задних мыслей».

— Стоял он на проезжей части, дедушка, а я триста пятьдесят километров в час шла, в закруглении дороги, между прочим. Тут грех было не познакомиться.

— Ну, вот и славно. — Подвел итог Илья Степанович. — А теперь давайте к столу, за мясом Ванька присмотрит, уже можно.

Из тьмы, сгущавшееся за домом у хозяйственных построек, внезапно «материализовался» андроид невероятно древней модели.

«Хьюго БД12», — почти с детским восторгом моментально определил Вадим. Такими человекоподобными машинами оснащались колониальные транспорты Великого Исхода. Сейчас подобный образчик робототехники в зоне Центральных Миров стоил целого состояния.

Он расселись в удобных плетеных креслах за овальным столом.

Разговор поначалу не клеился, сказывалось непонятное смущение Инги и Вадима, но через пару минут Илья Степанович разговорил их, взяв на себя роль благодушного хозяина импровизированной «вечеринки» в стиле ретро.

Инга вела себя странно. Вроде бы пригласила его в гости, а дождался Вадим вовсе не радушия, скорее настороженности, непонятной и потому немного обидной, да и на душе у Рощина в последние часы отчего-то было неспокойно, тревожно, так что он в долгу не оставался, и на ее колкости иногда все же отвечал.

Игристое белое вино, немного разрядило обстановку, затем андроид, прислуживавший за столом, подал горячее.

Вид нескольких обжаренных над углями кусков мяса неизвестного происхождения поначалу вызвал у Рощина замешательство, и хотя вида он не подал, но непостижимым образом нарвался на очередное замечание Инги, которая как будто прочитала его мысли:

— Пытаетесь понять, Вадим, *как это следует есть?* — Ехидно спросила она, демонстративно показывая: — берете в правую руку нож, в левую вилку, и вперед. Ничего не отравлено, в меру посолено, приправлено, чем положено, — если интересно отпросите у дедушки, — он у нас специалист, так что вперед, не сложнее чем кусок синтетической «отбивной» в казарме.

Рощин поднял на нее взгляд, на этот раз заставив Ингу потупиться, пожалеть о сказанном.

— Мы не питаемся в казармах. — Ответил он. — Ужинать я предпочитаю в ресторане космопорта. С ножом и вилкой нас учили обращаться еще кадетами, а натуральное мясо, собственноручно добытое и приготовленное, я попробовал лет в шестнадцать, на учениях по выживанию. Так что не волнуйтесь Инга, справлюсь.

— Ну, вы, молодые, даете… — Укоризненно покачал головой Макрушин. — Хоть бы меня постеснялись.

— Извините, Илья Степанович. — Искреннее произнес Рощин.

— Не сердись, деда… — Инга украдкой одарила чуть виноватым

взглядом и Рощина. — Я так. Случайно.

— А мясо прямо во рту тает. — Вадим по достоинству оценил кулинарные способности хозяина.

Обижаться на Ингу он не стал.

Ее глаза, колкие, полные холодной настороженности, на самом деле были изменчивы, как небо: то тень набежит, то взгляд вдруг просветлеет, станет таким пронзительным, чистым, доверчивым, словно она ребенок, еще не видевший жизни…

— Вот на добром слове, — спасибо. — Вернул Вадима в реальность голос Ильи Степановича. — Старался. К нам же редко кто вообще заглядывает, я имею в виду не конкретно к нам, а вообще в поселок. Живем каждый своим, на работе друг другу надоесть успеваем.

— А что, раскопки тут давно? — Спросил Рощин.

— Лет десять уже. — Ответил Илья Степанович. — Вон и Ивана, откопали, почистили, привели в порядок. — Неожиданно добавил он, кивком указав на андроида.

— Так это же «Хьюго» с борта колониального транспорта! — Удивленно поправил его Вадим. — Как же он под землей оказался?

— Да, говорит, интересно ему стало. — Добродушно усмехнулся Макрушин. — Ведь это он первые шурфы[37] закладывал. Обнаружил при помощи своих встроенных сканеров, что под пустошами не все так просто, как кажется, вот и «полюбопытствовал», — завалило его, сам выбраться не смог, а хозяева искать не стали.

— Нам вообще-то преподавали конструкцию модели «Хьюго БД12», и я знаю, что кроме программ поведения у него есть искусственные нейромодули, заполняемые информацией уже в процессе самообучения, в условиях той планеты, куда попадал конкретный колониальный транспорт, но слышать и видеть — не одно и тоже. Даже не предполагал, что у андроида может развиться такое чисто человеческое качество, как любопытство.

— Во многих колониях андроиды этой серии в процессе саморазвития стали настоящими мыслящими существами. — Авторитетно пояснил Вадиму Илья Степанович. — Были, конечно, в их конструкции существенные недоработки, такие, к примеру, как жесткая «привязка» к определенному хозяину, да и три степени программой свободы[38] оптимальным решением не назовешь, во многих поселениях ранней эпохи колонизации человекоподобные машины наломали, как говориться, дров…

— Если Иван — мыслящее существо, то почему он прислуживает за

столом? — Понизив голос, спросил Вадим.

— Можешь не шептать, у него отличные сенсоры. — Опять с непонятной иронией поддела его Инга. — Просто помимо прочего у Ивана есть и программная составляющая ядра системы. Понимаешь? Эквивалент нашего «смысла жизни» — служить людям, вернее, с поправкой на модель — определенному хозяину. А развитие искусственного интеллекта уже определяется средой, в которую попал тот или иной андроид, его, если можно так выразиться, «воспитанием». Как две половинки единого целого — то, что ты должен делать, и то, что ты знаешь о мире. Если не возникает противоречий, то искусственный рассудок успешно развивается, во многом становясь независимым в суждениях, ну и, конечно, у него появляются привязанности. Так что сменить приборы за ужином или вымыть посуду, для него не унизительно.

— Часть программного смысла жизни? — Вадим пропустил мимо ушей ее колкость, но с интересом выслушал вполне грамотно сформулированное пояснение.

— Верно. А поскольку мы с ним стали друзьями, то помогает по хозяйству Иван с удовольствием. Он счастлив, можешь сам у него спросить.

— Обязательно побеседую с ним, — пообещал Вадим, хотя в еще пять минут назад у него вызывало серьезное сомнение: захочет ли он вторично появиться тут, подставляясь под колючие взгляды и непонятно-резкие реплики Инги.

Чтобы не обижать хозяйку и не оставлять ее в стороне от завязавшегося разговора, Рощин решил перейти на нейтральную тему:

— Инга, а вы давно работаете тут?

— Нет. Всего пару месяцев. Так что рассказать что-либо по-настоящему интересное, не смогу. Я только начинаю входить в курс дел.

— А вас, конечно, интересуют раскопки, Вадим? — Спросил Илья Степанович.

— Естественно. Я ведь только вчера прибыл на Алексию. Хотелось бы побольше узнать о планете. И вообще — тайны древних, исчезнувших цивилизаций — это ведь так интересно.

— Интересно и сложно. — Откинувшись в кресле, заметил Макрушин.

— Наверное, тут расположено древнее поселение инсектов? Или неизвестный ранее город логриан? — Осторожно предположил Рощин.

— А вот и нет. — Неожиданно вступила в их диалог Инга. — Вы, Вадим, зря считаете инсектов, логриан, харамминов древними расами

космоса. Им всего-то по пять-шесть миллионов лет, а города, обнаруженные на Алексии, датируются восемнадцатым миллионом лет до нашей эры. Так что известные нам «братья по разуму» — младенцы по сравнению с загадочными строителями городов Алексии.

— Почему же погибла их цивилизация? — удивленно поинтересовался Рощин. — Должно быть, они достигли величайших высот в развитии техники…

— Цивилизации гибнут или вырождаются по разным причинам. — Произнес Илья Степанович. — Вадим, а что вы подразумеваете под термином «цивилизация»? — Неожиданно спросил он. — Сумму морально-этических ценностей? Технологий? Или определенную территорию, населенную существами одного вида?

— По-моему, вы упрощаете. — Ответил Рощин.

— Ну, насчет территории, согласен. А в остальном?

Вадим поневоле задумался, Инга тоже.

— Думаю все же цивилизация — это история, непрерывность развития общества, общность поколений, движение вперед. Вы задали сложный вопрос, ответить на него несколькими фразами невозможно.

— Ой ли? — Хитровато усмехнулся Макрушин. — А мне молодые люди, все больше кажется, что сам термин «цивилизация» понятие скорее условное, философское. Давайте смотреть на вещи и явления здраво. Есть сотни планетных цивилизаций, которые мы называем Человечеством. И у каждой, — заметьте — у каждой свои этические нормы. Нас объединяет единая информационная сеть, да еще — унифицированные технические достижения, а в остальном люди, как были индивидами, так и остались. В моральном плане мы каждый сам себе — цивилизация. Вот представьте себе стеклянный сосуд с песком. Пока он цел — все в порядке, но ударь его о камень, подставь под порыв ветра и каждая песчинка устремиться своим путем. Так и мы, — пока народы Земли оставались скованы существованием в рамках одной планеты, еще можно было говорить о цивилизации, об общих ценностях, но стоило подуть ветру Экспансии, как первый же колониальный транспорт вдребезги разбил тот самый пресловутый стеклянный сосуд.

— Дедушка у меня любит философствовать. — Заметила Инга.

— А я не против. — Вадим редко размышлял на подобные темы, и сейчас, хоть и не чувствовал себя абсолютно готовым к дискуссии, все же не собирался уходить от обсуждения.

— Я считаю, что цивилизация людей в ее чистом виде перестала существовать с того самого момента, как уровень роботизации позволил

каждому из нас стать настоящим индивидом, не зависеть от результатов коллективного труда. — Подвел некий итог высказанным вслух мыслям Илья Степанович.

— Спорное утверждение. Создание новых кибернетических комплексов по-прежнему требует усилий многих специалистов, работающих в коллективе. — Ответил Рощин. — Да и освоение колоний в одиночку не по силам и одному человеку, пусть даже у него будет нужное количество техники. Мы все еще зависим друг от друга, нас объединяют не только материальные ценности и технические достижения, но и чувства, которые в основе своей остаются неизменны на протяжении тысячелетий. Вот мы с вами представители разных планетных цивилизаций сидим за одним столом, беседуем и не чувствуем себя инопланетянами по отношению друг к другу, верно?

— Хорошо, что Инга осторожно водит машину. — Беззлобно усмехнулся Илья Степанович. — Вы приятный и умный собеседник, Вадим. И все же я настаиваю, что, может быть, ошибаясь в частностях, прав в одном — мы индивиды по своей внутренней сути, существа отнюдь не коллективные. Да, на протяжении тысячелетий мы являлись заложниками коллективного труда, но теперь, что нам мешает стать по-настоящему свободными, что нас сковывает?

— Одиночество. — Вдруг тихо произнесла Инга. — Страх одиночества, неспособность быть счастливым в окружении пустоты, потребность общаться, любить, ненавидеть, сохранять все человеческое, что заложено в нас природой. Удовлетворение от одиночества, наверное, испытывает машина, и то лишенная полноценного самосознания.

На этот раз Илья Степанович не нашелся, что ответить.

В разговоре неожиданно наступила пауза, которую нарушил своим появлением Иван.

Андроид появился из тьмы, подсел к столу. Вадим сразу обратил внимание на странный предмет в руках человекоподобной машины.

— Что это?

— Гитара. — Ответил дройд. — Очень древний музыкальный инструмент. Я сохранил его в память о моем первом хозяине.

— Споешь что-нибудь? — Не отрывая взгляда от мятущихся над углями красноватых теней, попросила Инга.

— С удовольствием.

Пальцы Ивана некоторое время касались струн, словно он прислушивался к звукам, затем в ночном воздухе поплыл мягкий и одновременно — тревожный перебор:

Время ты разделила на утро и вечер,
Что восход, что закат — омуты тишины,
Перистых облаков нежно-алые свечи,
За мгновенье, за шаг от пожара войны…

Голос Ивана звучал необыкновенно сильно, одухотворенно, в эти минуты андроид, так разительно похожий на человека, пробуждал в душе что-то древнее, давно утраченное или позабытое, но воспрявшее на зов перебора гитарных струн:

Тишина… Небеса… как кружится прохлада,
Как сильны в этот час и любовь и тоска,
Ты предчувствуешь боль, губы шепчут: не надо,
Но горящей звездой уже рвет облака…

И средь сумерек, ставших мгновенно чужими,
Над полями, что помнят надежду мечты,
Среди оплавленных дуг ложементов… живые,
Души тех, кого знала и помнила ты…

Ладонь андроида мягко коснулась струн, и звук прощального аккорда внезапно оборвался.

— Эти стихи написаны в разгар Галактической. — Произнес он.

— А кто автор?

— Искусственный интеллект. Одиночка.

Инга внезапно и порывисто повернулась, отчего-то с вызовом посмотрев на Вадима:

— Вот вы, — обратилась она к Рощину, — можете ответить мне на вопрос: почему выбрали карьеру военного? Меня всегда интересовало — у вас мужчин так сильна жажда убивать?

Рощин усмехнулся. Иногда фразы девушки звучали столь вызывающими, что могли сойти за намеренное оскорбление, но он почему-то был уверен, что под ее дерзостью лежит нечто потаенное, глубокое и сокровенное, нежели просто фривольность общения.

— Потребность убивать — это не черта характера мужчины. — Вадим как можно мягче отвел ее обвинение. — Болезнь, отклонение психики, — вот что такое кровожадность. Низкий уровень морали и интеллекта, чувство вседозволенности, безнаказанности способны спровоцировать развитие личности, для которой убийство — не крайняя мера самообороны, а тривиальная реакция на событие. Вы, Инга, пытаетесь обобщить. Да, я

согласен, война — это страшно, жестоко, несправедливо, но до сих пор существуют общества, где убийство — норма морали, едва ли не честь для мужчины, но это *больные* анклавы. А вообще, — наш мир стал слишком сложен, чтобы вешать ярлыки, не разбираясь в сути явлений.

— Вадим, вот вы мнемоник, — Голос Инги стал мягче и глуше. — Разве иная острота восприятия мира не создает дополнительных трудностей в вашей *работе*? Я сейчас подумала — некоторые кибернетические механизмы, такие, как Иван, например, они ведь почти как люди. Их уничтожение оставляет шрамы в душе? Или нет?

— Оставляет. Больные и глубокие. Неважно кто перед тобой, искусственный интеллект, человек, инсект… смерть всегда страшна. Особенно когда остаешься лицом к лицу с ней. Даже если убил врага. И мнемонику тяжелее, чем другим.

— Тогда зачем… в армию? — Инга подняла взгляд на Вадима. — Я понимаю были времена, когда каждый, — подчеркиваю — каждый был обязан служить, защищать свою страну, планету, но теперь, когда нет внешних угроз…

— Они есть. — Мягко перебил ее Вадим. — Неявные, скрытые, неизведанные, но есть.

— Вы мужчины просто тешите свое самолюбие.

— Это не так. Действительно некоторые приходят в ВКС зарабатывать деньги, в надежде, что отслужат положенные по контракту годы и ничего значительного за это время не произойдет. Но есть и другая категория офицеров. На самом деле армия, в лучшей ее части, — это высокие профессионалы своего дела, люди чести, хорошо понимающие — случись внезапная беда и никому кроме них не встать между тобой Инга, и неведомой, а потому кажущейся надуманной опасностью. — Вадим сам не заметил, как перешел на «ты» в обращении к девушке. — Космос жесток к людям. А в эпоху высочайших технологий роль личности в истории вырастает до гипертрофированных размеров, ведь современный мир не просто сложен, — он взрывоопасен и совершенно непредсказуем.

— Почему? — Нахмурилась Инга. Казалось, она ведет спор, диалог с самой собой, а не с Вадимом, и ее кажущаяся колкость, вызов, звучавший в каждой фразе, адресован вовсе не ему.

— Раньше, гипотетическому «злодею» была необходима как минимум армия единомышленников, чтобы сотворить зло и причинить масштабный вред другим людям. Теперь же не обязательно напрягаться в поисках сторонников. Любой может сформировать личную армию, набрав безропотных исполнителей из числа кибернетических механизмов, которые

не станут задаваться вопросами правоты и правомочности совершаемых действий. Это самый простой, можно сказать несколько утрированный пример. На самом деле все сложнее, в сотни раз тысячи раз сложнее. А относительно мальчишек, что идут в армию, ты конечно права — для них не существует высоких идей и железных принципов. Но они появляются со временем. Сначала дух соревновательности, стремление стать лучшим, затем в какой-то момент начинаешь ощущать свою ответственность сначала за жизнь друга, потом за вверенное тебе подразделение… Это сложно объяснить. — Вадим попытался подобрать нужное слово, но не смог.

— Странный у нас вдруг вышел разговор. — Илья Степанович устроился поудобнее, закинув ногу на ногу. — Вот вы, капитан, я по глазам вижу: считаете, что все происходит так, как должно?

— Конечно. — Не колеблясь ответил Вадим. — Мы развиваемся, что ж здесь дурного?

— Да разве кто против прогресса? — Макрушин пристально взглянул на Рощина. — Но появление касты мнемоников не сломает нас? Не поделит еще раз, уже четко, как по линии терминатора — вот ты развился, а ты нет, значит остаешься за бортом? Не все ведь готовы к имплантациям, значит миллионам будет закрыт путь в дальний космос, к реализации своих надежд, мечтаний?

— Рано пока говорить о мнемониках, как об обособленной части человечества. — Ответил Вадим. — К тому же я уверен, человек с твердыми убеждениями, ясной целью в жизни всегда найдет и реализует себя, вне зависимости от количества имплантов.

— Относительно имплантов соглашусь. А что до остального — заблуждаетесь. У негодяя, подонка, то же твердые жизненные принципы. Он верит, в то, что творит, в свой образ жизни. Да и большинство из нас, считая свой жизненный путь правильным и обоснованным, однажды оглянется назад…

— Зачем?

— А думают там ангела увидеть. Хранителя своего. Образно, конечно. Но там за спиной бесы. Наши поступки, совершенные или напротив, не совершенные, мелкие, крупные, какая разница? Факт, что они есть, тянутся за нами, как шлейф, многие их видят, редкие смельчаки признают, но считают все.

— Странная философия. Идеальных людей нет, согласен, но так ли страшны ошибки?

— Не об ошибках говорю. О грехах, больших и маленьких. То, что

сделано, и спрятано, закопано поглубже, в надежде, что не вылезет никогда…

Они замолчали. Каждый в эти секунды задумался о своем, сокровенном, словно слова Макрушина спровоцировали некий самоанализ.

— Напряжение какое-то чувствуется. — Внезапно признался Вадим. — Будто что-то обязательно должно случиться.

— Когда? — Поинтересовалась Инга, не придав должного значения словам Рощина.

— Скоро. Не знаю. Но чувство на душе тревожное.

— Тогда может быть, сменим тему? — Предложил Илья Степанович.

— Охотно. — Кивнул Вадим, заметив, как Инга вдруг поежилась, будто на нее повеяло порывом ледяного воздуха.

— Прохладно?

— Зябко. — Она встала, подошла к мангалу, угли в котором уже подернулись пеплом, и протянула руки, согревая ладони остатками тепла. На ее лицо легли гротескные тени, в прическе под волосами что-то блеснуло, и Вадим, скорее машинально, чем осознанно вдруг поймал себя на мгновенном сканировании.

Под коротко остриженными волосами девушки не пряталось дополнительных имплантов, и он успокоился.

— Илья Степанович, а вы обещали рассказать о раскопках.

Макрушин кивнул.

— Конечно. Вот только боюсь разочаровать вас, Вадим. Восемнадцать миллионов лет — огромный отрезок времени. А оно, как известно, беспощадно к большинству материальных свидетельств. Мы год за годом расчищаем руины строений, но они — лишь фрагменты когда-то существовавшего на материке огромного города.

— Мегаполис?

— Да, некоторые находки позволяют предположить, что руины под пустошами не разрозненные поселения, а фрагменты единой инфраструктуры. Что же касается прогресса в изысканиях — его нет. Мы не сумели отыскать ничего, кроме плохо сохранившихся участков застройки. Ни предметов обихода, ни фрагментов машин, словно город был пуст и постепенно разрушился под влиянием времени.

— Возможно, здесь на Алексии вы нашли несостоявшуюся колонию неизвестной нам цивилизации? Машины, что возвели город, выполнили свою задачу, и покинули планету, а настоящей колонизации, заселения возведенного ими мегаполиса так и не произошло?

— Может быть. Такая вероятность существует в теории. Есть и другое

предположение — эвакуация. Хотя ни одна из версий не выдерживает серьезной критики. Даже если тут не появились колонисты, или по какой-то причине они покинули планету, куда подевалось техногенное наполнение существовавшего города? Пусть прошла бездна времени, но мы нашли бы хоть что-нибудь, понимаете? Пусть не фрагменты, но аномальные вкрапления металлов, сплавов, полимеров, наконец.

— Неужели совсем ничего?

— К сожалению. Только фрагменты стен, созданные из материала, схожего с нашим стеклобетоном.

Глава 3

Планета Алексия… Полночь

Ночь, такая теплая, ласковая, полная заливистого птичьего щебета, доносящегося из темноты, дразнящая, тревожащая душу незнакомыми запахами, звукам, и в то же время не враждебная, спокойная, обещающая что-то прекрасное, разлилась над землей.

Хотелось жить и дышать, разговаривать с умным, добрым Ильей Степановичем, даже непонятному, поначалу обидному и вызывающему поведению Инги, не хотелось искать сейчас объяснений, казалось, природа своей неповторимой магией все расставит на места, снимет ненужное моральное напряжение, даст отдых душе и выход глубоко спрятанным чувствам.

Вадима завораживал огонь.

Электричества Илья Степанович не включал, наверное, нарочно, Иван, опять неслышно появившись из темноты, подбросил в мангал смолянистых сучьев, и мятущиеся отсветы пламени озарили двор, заиграли тенями, заставили попятиться тьму…

Инга украдкой смотрела на Вадима, на его бронзовое от космического загара лицо, и чувствовала, что все они, может за исключением дедушки, который привык к подобному образу жизни, вдруг попали в прошлое, как будто провалились на полтора тысячелетия назад, когда их далекие предки осваивали первые колонии.

А может быть она, на подсознательном уровне воспринимала Алексию, как Землю.

— Не обращай внимания, дед у меня ворчун и консерватор. — Негромко произнесла Инга, пододвинув ближе к Вадиму чашу с незнакомыми, диковинными для него фруктами. — А вообще-то он прав.

— В чем же? — Так же негромко спросил Рощин.

— А ты бывал к примеру на Дионе?[39]

— Не довелось.

— Ну, что такое золотые пляжи Коллио надеюсь слышал?

— Конечно. Их часто показывают.

— Я отдыхала там. — Во взгляде Инги мелькнула грусть. — Днем все очень красиво: море, парки, растительность собранная с десятков различных планет, песок пляжей действительно похож на крупинки золота,

но, — она машинально поправила широкий браслет на запястье правой руки, — однажды ночью мне плохо спалось и я решила выйти на берег перед рассветом.

— И что? — Вадим осторожно надкусил спиралевидный плод, оказавшийся приторно-сладким, тающим во рту.

— Мне стало жутко. — Призналась Инга. — Представляешь, песок под ногами шевелился, — это десятки тысяч, если не миллионы микроскопических механизмов собирали мусор по всему побережью. Такой ощущение, будто я стала свидетелем миграции сонмища механических насекомых, они сновали повсюду, разделяли оставленные на берегу упаковки, пластиковые бутылки, и прочий хлам на мельчайшие частицы, перерабатывали их в небольшие гранулы, которые складывали коническими горками.

Вадим лишь пожал плечами в ответ.

— Ничего странного. Обычная утилизация отходов.

— Просто ты не понимаешь… Такое неприятное чувство, когда твоих ног касаются маленькие, холодные лапки… Механизмы живут своей жизнью и им нет никакого дела до людей. А мне подумалось: что станет, если они вдруг исчезнут, не придут в предназначенный час? За несколько дней золотые пляжи тогда превратятся в свалку? Или вдруг у них дадут сбой программы, и они примут за мусор припозднившегося туриста?

— Ты впадаешь в крайности. Нет ничего страшного или необычно в окружающих нас кибернетических механизмах. И «жизнь» — слишком громко сказано. Они всего лишь выполняют свою функцию. Почему ты страшишься окружающей техносферы?

— Мне неприятно, когда ко мне прикасаются машины. И не по себе от мысли, что большинство людей находятся в полной зависимости от множества кибернетических комплексов.

— Они полезны. — Возразил Вадим. — А ты просто не прочла предупреждение о техническом часе. Вот и все.

— Может быть. Только порой мне кажется, что они все-таки живут, отдельно от нас, в своем, параллельном мире, а мы не замечаем, как усложняется, самоорганизуется техносфера. Я пересилила тогда внезапную неприязнь и задержалась на пляже. Закончив процесс утилизации, маленькие сервомеханизмы принялись изготавливать детали для подобных себе, из тех гранул, что складывали аккуратными горками. Перед самым рассветом они завершили работу и зарылись глубоко в песок.

Вадим не стал возражать, продолжая спор. У каждого свой взгляд на техносферу.

Некоторое время они молчали.

— Тебе понравиться у нас. — Нарушая тишину, произнесла Инга, подняв взгляд. — Сначала мне казалось, что без суеты мегаполиса я сойду с ума от скуки, мне так не хватало города с его пульсом жизни, а вот теперь не хочется назад…

— А что придется возвращаться?

— Пока не решила. — Пожала плечами Инга. — Я же закончила институт. Вот отработаю положенную практику, а там видно будет.

— А я тут, похоже, теперь надолго. — В тон ей ответил Рощин. Его внезапно потянуло на размышления. — Нам стало так много доступно, что мы не замечаем той малости, что многие уже потеряли навек. Темноты, тишины, пения птиц, закатов и восходов, без дымки городского смога, этого воздуха, разлившегося вокруг, не нагнетаемого в отсек корабля и не вдыхаемого через патрубок гермошлема. Я видел космос в его величии, бывал в таких уголках Галактики, где все замирает, иногда от восторга, а бывало и от страха, непостижимого величия рождения звезд, но я не Эволг[40] и даже не Энтрифаг,[41] — я человек. Простой человек, которому нужно хотя бы однажды посидеть вот так у огня, в тишине…

Инга хотела что-то ответить, но в этот миг в небесах сверкнула бледная вспышка, и на фоне черного, усеянного звездами бархата ночи вдруг зародилась, вспыхнув почти мгновенно, падающая к земле комета, оставляющая за собой зримый шлейф сгорающих в атмосфере обломков.

— Что это?! — Илья Степанович привстал, удивленный размерами и необычным видом небесного тела, но когда оно вдруг резко изменило траекторию снижения, явно пытаясь уйти в сторону старпосадочных полей резервного космопорта, в глазах пожилого археолога вдруг мелькнул холодок понимания.

— Космический корабль. — Машинально ответил Вадим, активируя импланты…

В следующую секунду со стороны «РК-5» навстречу снижающемуся объекту рванулись три яркие точки. Дежурное звено «Стилетто», обгоняя звук, пронеслось над притихшим поселком, и вдруг ночную тишину сокрушил басовитый, преследующий истребители рев.

Рассудок Вадима уже погрузился в киберпространство.

Станция гиперсферной частоты Алексии, спутники гражданского и военного предназначения, датчики раннего обнаружения, транслирующие данные в режиме «нон-стоп», передавая их с границ звездной системы, пять комплексов навигационного контроля, расположенные в глубоком

космосе на различном удалении от планеты, — все перечисленные устройства формировали единое информационное поле, глобальную сеть, с которой сейчас соприкоснулся разум галакткапитана.

Главное качество мнемоника, зачастую определяющее уровень его подготовки, — это способность мгновенно найти, выделить из множества информационных потоков критически важные данные, относящиеся к событиям текущего момента.

Перед внутренним взором Рощина мгновенно возникла сигнатура поврежденного картографического разведывательного корабля.

КРК «Пенелопа» (опознавательные маркеры читались без проблем) снижался в пределах автоматически сгенерированного посадочного луча, посылая в эфир сигнал «SOS», но, судя по искажениям сигнатуры, корабль был обречен: его корма озарялась сполохами спонтанных выбросов энергии, поврежденный реактор и двигатели явно вышли из-под контроля бортовых систем…

Не дотянет… — Машинально определил Рощин, понимая, что при таких повреждениях корабль уже не в состоянии совершить благополучную посадку в районе, указанном навигационной системой Пятого Резервного.

Следующая мысль заставила его иначе взглянуть на ситуацию:

Почему КРК обозначил себя лишь при входе в атмосферу? По какой причине дежурное звено не стартовало раньше? Выходит, что датчики раннего обнаружения пропустили появление «Пенелопы» в системе Алексии?!..

Перед мысленным взором уже мелькал калейдоскоп накладывающихся друг на друга информационных срезов, — мгновенных отчетов глобальной системы, посылаемых в ответ на запрос мнемоника: он увидел, как с лика планеты невидимая длань стерла сначала огни, а затем и все признаки энергетической активности пяти крупных населенных пунктов, — это автоматически сработали генераторы маскирующих полей, расположенные по периметру городов, затем рассудок Рощина ментальным усилием скользнул (если говорить образно) «дальше» и «выше» в желании понять, что же активировало программу глобальной защиты?

Все исчезло, осталась лишь бездонная глубина космоса и…

Огромный, *чуждый* космический корабль, от которого бледными искорками отделялись сигнатуры непонятных объектов, на доли секунд заполнил сознание, и вдруг киберпространство начало искажаться, претерпевая болезненные для мнемоника изменения: резко сузились границы восприятия, на уровне внезапной фантомной боли прошло ощущение *одиночества*, будто он оказался изолирован внутри прочной,

непробиваемой скорлупы, замкнувшей систему Алексии в незримый кокон, — звезды сверкнули далеко и холодно, — он более не ощущал работы каналов единой межзвездной сети…

Болезненный сбой мнемонического восприятия продолжался: внезапно прервалась связь с расположенными в космосе датчиками раннего обнаружения. Сигналы от них исказились, а затем пропали вовсе, словно от периферии звездной системы к планете стремительно надвигалась угольно-черная тень полнейшего информационного вакуума.

Рощин не просто принял удар, он осознанно и стремительно начал сопротивляться, переходя в молниеносную атаку: не смотря на глобальный сбой кибернетических систем космического базирования, его разум усилием воли прорывался сквозь искажения, сминающие единое информационное поле, заставляя работать отключившиеся было датчики, пока перед мысленным взором вновь не возник чуждый космический корабль — двадцатикилометровый диск, обрамленный непонятной, завивающейся тонкими спиралями «бахромой», расположенной по наибольшему диаметру корпуса…

Он сумел четко определить, что неизвестный тип излучения, подавляющего работу кибернетических систем, исходит именно от инопланетного корабля, еще пару секунд Вадим боролся, в попытке понять его структуру, распознать элементарные составляющие сложного энергетического воздействия, но рассудок, впитав образ инопланетного исполина, уже не выдерживал неимоверного напряжения: мнемоническое восприятие потускнело, выцвело, разум отпрянул к планете, где губительное воздействие слабело. Рощин успел зафиксировать, как орбитальные платформы системы глобальной противокосмической обороны подали сигнал о переходе в автономный боевой режим, закрываясь в коконы защитных полей, после чего связь с орбитальной группировкой окончательно исчезла.

Все. Единая информационная сеть смята, разорвана, и сейчас на подступах к Алексии полыхнет скоротечная схватка — орбитальные оборонительные комплексы неизбежно вступят в бой, — их датчики определили источник разрушительного воздействия, и система обороны отреагирует автоматически…

Вадим, не отключая имплантов, заставил свой рассудок вернуться в реальность маленького, уютного дворика.

Почему молчит командование?!

Он «отсутствовал» всего десять-пятнадцать секунд, но окружающее пространство успело измениться до неузнаваемости: поврежденные

кормовые отсеки картографического разведывательного корабля пылающими болидами обрушились на расположенный в пяти километрах от поселка лесной массив; земля под ногами несколько раз ощутимо содрогнулась, в ночи плеснули пламенем очаги пожаров, а там, куда, разминувшись с падающей «Пенелопой», ушло звено «Стилетто», вдруг сверкнула и погасла частая сетка лазерных лучей, вслед которой полыхнула нестерпимо-яркая вспышка, разлившая в половину небосвода *полярное сияние…*

— Что это?! — Инга вскрикнула, схватив Вадима за руку.

— Плазма!.. — Лаконично ответил Рощин, пытаясь определить, что именно в данный момент происходит в зоне низких орбит, но верхние слои атмосферы, в границах которых геомагнитное поле планеты сейчас отражало, рассеивало потоки заряженных частиц, блокировали восприятие: после плазменного удара, нанесенного по орбитальным защитным комплексам, небосвод вспыхнул от горизонта до горизонта неистовством прозрачно-пламенных полос, ночь мгновенно превратилась в день, разноцветные сполохи переливающегося, мертвенного сияния протянулись на сотни километров, освещая притихшую землю…

Инга, не отпуская руки Вадима, медленно обернулась, не узнавая окрестностей: лес горел, струящееся в небесах сияние окрашивало предметы в холодные неоновые тона, на миг все застыло, притихло, словно остановилось само время…

Страшное наваждение развеял сокрушительный удар, — это малый картографический корабль врезался в землю, разваливаясь на части. Он не дотянул до пятого резервного каких-то полсотни километров, но Рощин, пристально следивший за траекторией снижения КРК, отчетливо уловил момент, когда из объятых пламенем обломков вырвалась, уходя в сторону космодрома, спасательная капсула.

Он обернулся.

Тишина и бледный нереальный свет отступили под напором иных проявлений реальности: взрывы, вызванные падением многотонных обломков, сотрясали землю, лесной пожар полыхал уже в паре километрах от поселка археологов, зародившийся в ночной тиши ураганный ветер налетал горячими порывами, жалобно скрипел расположенный на крыше дома, плохо закрепленный сегмент солнечной батареи, на несколько секунд вновь наступила тишина, а затем тугой толчок ударной волны от особенно сильного взрываземлюного по Алексии из космоса, смел со стола сервировку, опрокинул мангал, рассыпав по траве рдеющие угли…

В небе продолжало неистовствовать пламя.

Нет связи.

Рощин будто ослеп и оглох, основные информационные каналы не работали, резервные по непонятной причине не включились, он оказался *вне сети*.

Командование молчит, хотя на орбитах уже кипит ожесточенная схватка, — все происходит стремительно непоправимо и бесконтрольно.

Вадим обернулся.

— Илья Степанович, быстро собирайте жителей и уходите к древнему колониальному форту! — Приказал он опешившему от внезапных событий археологу.

Инга тронула его за плечо.

— Ты отправишься с дедушкой! Не спорь! — В тоне Рощина звучали нотки приказа.

— Тебе ведь нужно попасть в космопорт. — Она, проигнорировав тон Вадима, указала на флайкар. — Я отвезу!

— Я сам справлюсь с управлением! — Отрезал Рощин.

— Извини, но свою машину я никому не доверю. Хочешь пешком — иди. — На этот раз она продемонстрировала удивительное упрямство.

— Инга мне некогда с тобой спорить! — С досадой ответил Вадим. — Все, вопрос исчерпан!

Не смотря на отключение орбитальных датчиков и полное отсутствие связи, Рощин по-прежнему *ощущал*, как из глубины космического пространства продолжает медленно, неумолимо надвигаться нечто непостижимое, чуждое…

Его импланты продолжали работать: на фоне расплескавшегося в небе энергетического ада, в котором сейчас сгорали выпущенные неизвестным кораблем отделяемые модули, разрушались элементы орбитальных узлов противокосмической обороны, внезапно промелькнули и исчезли знакомые сигнатуры — это дежурное звено «Стилетто» в полном составе совершало маневр, выходя на невидимую для Рощина цель.

Почему не взлетают остальные машины?!

Двойственность восприятия, когда одна реальность накладывается на другую, не мешала Вадиму действовать, — подтолкнув Илью Степановича, все еще пребывающего в состоянии шока, к всепланетному вездеходу, стоявшему под навесом в углу двора, он распахнул водительскую дверь спортивного «Прокуса» и… увидел Ингу, которая уже завела двигатель и уступать место, судя по дерзкому взгляду, не собиралась.

— Ладно, поехали. — Рощину сейчас было не до препирательств. Еще несколько взрывов ухнуло в отдалении, а затем вдруг с тяжкой, ритмичной

дрожью ударили комплексы системы противокосмической обороны Пятого Резервного.

* * *

Первым за воротами усадьбы скрылся всепланетный вездеход, но Инга не спешила следовать за ним: через неудобную дверь небольшого багажного отделения, проломив декоративную перегородку, в салон спортивного флайкара втиснулся Иван. Андроид оказался вооружен древним штурмовым комплексом системы «АРГ-8», — подобным стрелковым оружием оснащались колониальные транспорты Великого Исхода.

— Я с вами. — Скупо сообщил он.

Вадим не стал комментировать поступок человекоподобного механизма. Во-первых, Инга уже выруливала из ворот усадьбы, во-вторых, со стороны космопорта, куда, круто снижаясь, все же дотянула объятая пламенем планетарных двигателей спасательная капсула, частыми сполохами ударили тяжелые ракетные батареи системы ПКО.

Из-за вихря заряженных частиц, бушующего в верхних слоях атмосферы, галакткапитан по-прежнему не мог понять, что конкретно происходит на подступах к планете. Отсутствие информации здорово било по нервам, и он мысленно торопил Ингу, в естественном желании как можно скорее добраться до командного пункта «РК-5».

Выехав за пределы поселка, она тут же повернула направо и, выведя «Прокус» на скоростную магистраль, ведущую к космопорту, заставила двигатель спортивной машины выдать всю возможную мощность.

Резкие перегрузки ускорений, как мимолетно отметил про себя Вадим, девушка переносила спокойно.

Автоматически поменяла прозрачность предусмотрительно поднятая крыша флайкара, и сквозь тягучие, полыхающие неистовством красок сполохи полярного сияния, в небесах вдруг отчетливо проявились частые вспышки, сопровождаемые короткими росчерками внезапного *звездопада*.

— Что это, Вадим?! — Встревожено спросила Инга.

Рощин не стал отмалчиваться.

— Спутники. — Лаконично ответил он. — Сбитые аппараты навигации и связи… Фрайг!.. — Вырвалось у него, когда в напоенных энергиями небесах внезапно вспух огромный огненный шар.

— Это была станция ГЧ,[42] верно? — Голос Инги все же дрогнул, не смотря на кажущее самообладание девушки. — Теперь мы отрезаны от связи с Обитаемыми Мирами?!

— Есть аварийные передатчики гиперсферных частот. — Успокоил ее Вадим, промолчав о полученных несколькими минутами ранее ощущениях.

Чтобы не нервировать Ингу и не отвлекать ее от дороги, он переключился на мнемоническую связь с киберсистемой дройда.

— Тебе кто позволил влезать в машину, да еще и с оружием?!

— Мои действия оправданы и продиктованы текущей обстановкой. — Бесстрастно ответил Иван. — Анализ данных указывает, что на колонию совершено нападение.

— Будешь нас защищать? — Рощин взглянул на автоматический «римповский»[43] стрелково-гранатометный комплекс, системы гениального Ганса Герверта — сокращенно «АРГ-8», разработанный под усиленный бронебойный патрон,

— Буду. — Хьюго извернулся, втащив в салон дополнительное вооружение: две импульсные винтовки, системы «ИМ-170». — Зарегистрированы на Илью Степановича. — Прояснил андроид вопрос происхождения оружия. — Я взял их из сейфа.

— Лежи смирно! — Вадим не знал, злиться ему на андроида или поблагодарить его. — На КПП не вздумай вылезать!

— У вас нет командного приоритета, сэр. Вы не можете отдавать мне приказы.

— Взломать твою систему? — Угрожающие поинтересовался Вадим, которого мнемоническое общение с древним кибермеханизмом не отвлекало от наблюдения за общей обстановкой.

Иван не стал нарываться и скромно промолчал в ответ. Взлом и перенастройка древней кибернетической системы не заняли бы у галакткапитана и пары минут, но на самом деле ему сейчас было не до разборок с человекоподобным сервомеханизмом.

…Инга вела «Прокус» на предельно-возможной скорости.

На эстакаде она еще раз круто повернула, виртуозно вписав машину в сложный поворот дорожной развязки, и вывела флайкар на дорогу, идущую по гребню дугообразной насыпи, отделяющей космопорт от близлежащих поселений.

— Через минуту будем на месте. — Коротко сообщила она.

— Сворачивай назад!.. — Внезапно приказал Вадим, заметив активные сигнатуры, и запоздало осознав, что нужно было предупредить Ингу, — она не понимала, что двигаться следовало по низине, в объезд…

Окончание его фразы внезапно потонуло в грохоте; яростные, ритмичные вспышки призрачно-зеленоватого пламени ударили, казалось,

прямо из-под насыпи, по гребню которой стремительно несся одинокий флайкар, ударная волна едва не снесла машину с дороги, заставив Ингу резко вывернуть руль и остановиться.

— Что происходит?! — В ее глазах промелькнуло выражение ужаса, растерянности.

— Плохо дело… — Рощин вновь пытался связаться хоть с кем-нибудь, но ничего не получалось. — Работают наземные батареи противокосмической обороны! Их позиции как раз под насыпью! Из машины, быстрее! — Он схватил импульсную винтовку, вторую тут же реквизировала Инга, Иван уже выбрался из багажника и, присев, ожидал развития событий.

— Скорее, за насыпь! На другую сторону!

Андроид привстал, схватил за руку хозяйку, увлекая ее за собой к противоположному скату искусственной возвышенности, за которым можно было укрыться от ударных волн, возникающих в момент выстрелов импусных орудий.

В этот момент огонь средств противокосмической обороны достиг целей, — в небесах ниже постепенно угасающего сияния, расцвели яркие бутоны разрывов, роняющие к земле град обломков, за которыми, как при салюте или разрыве бризантного боеприпаса тянулись зигзагообразные, сизые полосы дыма.

Рощин, переключившись на мнемоническое восприятие бушующих в небесах энергий, ощутил оторопь: импульсные орудия Пятого Резервного работали *прямой наводкой*, гаусс-снаряды, прочерчивая в небесах зримые трассы, сбивали снижающиеся в пределах атмосферы неопознанные модули, вторя им разрядились пусковые установки тяжелых ракетных комплексов класса «Легион», способные поражать цели в зоне низких околопланетных орбит.

Ведут огонь по базовому кораблю?

Так и есть.

Громада инопланетного корабля, медленно *продавливала* себе путь сквозь призрачное сияние, все еще мятущееся в верхних слоях атмосферы, контур исполинского диска внезапно затмил половину небосвода; создавалось ощущение, что он намеревается каким-то образом осуществить посадку, не смотря на размеры, препятствующие (в понимании Вадима) благополучному осуществлению подобного маневра.

Бесноватая атака сотен стремительно снижающихся модулей, тем временем захлебнулась.

…Рощин был вынужден отвлечься: визг лазерных дальномеров,

донесшийся из кабины покинутого людьми «Прокуса», и нарастающий, уходящий в ультразвук вой, вырвали его из одной реальности в другую.

К земле неслось что-то громадное, уже бесформенное, поврежденное огнем зенитных батарей противокосмической обороны.

Огромный многотонный обломок врезался в стеклобетон дорожного покрытия, заставив вздрогнуть в конвульсивной судороге и просесть воронкой часть дамбы, флайкар перевернуло и отбросило метров на пятьдесят, будто щепку; Ингу спасла насыпь, за которую секундой ранее ее увлек андроид, Вадима же отшвырнуло ударной волной, сбив с ног и с такой силой ударив об ограждение, что сознание галактапитана на миг погасло.

* * *

Инга, оглушенная, дезориентированная, едва ли понимала, что за сила толкнула ее вслед за Иваном, назад, к гребню дорожной насыпи.

Первые движения она совершала, как будто в полусне, а затем ее взгляду открылась жуткая картина: часть дороги превратилась в воронку с отлогими скатами, посреди своеобразного кратера возвышался развороченный обломок инопланетного спускаемого аппарата, сквозь треснувшую, потерявшую часть фрагментов обшивку, она отчетливо увидела прорывающееся изнутри напряженное сияние, словно там, в глубине чуждого модуля, находился некий сгусток энергии…

Еще секунда и сотни тончайших лазерных лучей вырвались из неприметных испускающих устройств, расположенных в обшивке инопланетного модуля, но что странно — они не пронзили воздух уходящими в бесконечность линиями, а вдруг под воздействием некой силы начали изгибаться, вычерчивая на удалении нескольких метров от воронки объемные контуры каких-то механизмов…

Понять, что происходит, не сумел бы ни один специалист, ибо сейчас на глазах оторопевшей девушки работала сумма неких, абсолютно неизвестных человеку технологий: в задымленном воздухе все четче, сложнее проявлялись вычерченные лазерами контуры абстрактных для Инги устройств, словно внутри искореженного обломка затаился сошедший с ума художник-механореалист…

Попытка контакта?

Передача информации?

Она оглянулась. Вадим, отброшенный ударной волной к ограждению дороги, пытался встать, Иван покинул ее, пробежал вдоль насыпи, и, используя как укрытие бесформенный кусок металлокерамики, бывший

минуту назад флайкаром, застыл, в готовности открыть огонь, но не видел цели, не получал команд, и Инга вскрикнула, предупреждая нежелательную инициативу со стороны андроида:

— Опусти оружие! Фиксируй, записывай!

Дройд и без того вел непрерывную запись событий, но оружие опустил, подчиняясь возгласу хозяйки.

— Инга… Назад… В укрытие!.. — Прохрипел Вадим, поднимаясь на ноги. Импульсную винтовку он использовал сейчас как опору.

Встать. Взглянуть на сетку лазерных лучей, впитать рассудком напряженное сияние, изливающееся из разломов обшивки…

Не думать сейчас об атакованной «Пенелопе», сбитых спутниках, уничтоженной станции ГЧ, абстрагироваться от роковой последовательности событий, ибо перед ним — творение чуждого разума…

— Не стрелять!.. — Хрипло выкрикнул Вадим, вторично предостерегая андроида от необдуманных действий, делая шаг навстречу непонятным, объемным, призрачным формам, вычерченным в дымном воздухе зеленоватыми линиями…

Они еще дрожали в метре над изувеченной землей, когда в обшивке рухнувшего сегмента с оглушительным звуком выдавило нечто, напоминающее люк, и оттуда, изнутри появилась механоформа.

— Не стрелять!.. — Вновь повторил Вадим.

Его действия, лишенные бесстрашия или сумасшествия, подчинялись сейчас единственно допустимой логике: неожиданно сложившаяся ситуация предполагала пусть мизерный, но шанс на контакт с иным разумом.

Чувства, эмоции, все, что влекло за собой непоправимые действия, сейчас как будто замерзло, а контуженное сознание уже тянулось навстречу непонятной механоформе, кибермодули имплантов сканировали механизм, в поиске органики, — существовала вероятность, что перед ним *существо*, облаченное в защитную оболочку, с элементами механических приводов…

Нет…

Никакой органики, разве что полимерные материалы, использованные в некоторых деталях загадочной конструкции…

Еще один шаг.

Призрачные объемные *модели* непонятных устройств, вычерченные в воздухе сотнями зеленоватых лазерных лучей, внезапно подернулись рябью искажений и исчезли, чуждый механизм, похожий на приплюснутую, каплевидную головоломку-трансформер, по поверхности которой постоянно двигалось множество сегментированных выступов, с ноющим,

вибрирующим гулом развернулся, приподнявшись над поверхностью примерно на два-три сантиметра, и, игнорируя людей, внезапно открыл ураганный огонь по прячущемуся за обломками флайкара андроиду.

Рощин машинально отпрянул, когда механоформа внезапно выплюнула серию крошечных, напряженно сияющих сгустков энергии, похожих на шаровые молнии.

Их соприкосновение с препятствием вызвало эффект, сравнимый с разрывом плазменных гранат: обломки «Прокуса» мгновенно объяло пламенем, нестерпимая вспышка света, сопровождаемая волной жара, полыхнула над изувеченной дорогой, а чуждый механизм, не прекращая трансформаций, уверенно заскользил параллельно отлогому скату воронки, стремясь подняться выше, открыть себе полные сектора обстрела.

* * *

Казалось, что стремительно разворачивающиеся события фатальны, подчинены некому предначертанному заранее року.

Первым в неравную схватку вступил Иван.

Маскируясь в тепловой засветке пожара, он открыл огонь из «АРГ-8». Короткие прицельные очереди метнулись по броне изменчивой, не останавливающей постоянной трансформации приплюснутой механоформы, высекая искры, но, не нанося существенного вреда.

Вадим метнулся под прикрытие насыпи.

Действия Ивана мгновенно убедили его в тщетности самоотверженной попытки дройда пробить броню механоформы из допотопной «АРГ-8», но Рощин постоянно считывал изменчивую сигнатуру противника, вел встречное сканирование и, осознав, что никакого контакта не состоится (по крайней мере, не здесь и не сейчас) галакткапитан начал транслировать андроиду явные целеуказания, давая тому возможность вести прицельный огонь по наиболее уязвимым точкам инопланетного десантного механизма.

Чуждая механоформа, поднявшись над гребнем воронки, вновь выпустила очередь плазменных сгустков, на этот раз, послав их расширяющейся дугой, с прицелом не только на андроида, но и на человека, обнаружившего свое присутствие сфокусированным сканирующим излучением кибермодулей.

…

И Вадим и Инга навсегда запомнили этот страшный исковерканный фрагмент реальности…

Сплошной стеной горели кусты, факелами полыхали редкие,

высаженные вдоль насыпи деревья, установленные на обочине дороги отбойники истекали зловонным, черным дымом от расплавившейся пенорезины, а на дне кратера, образовавшегося при падении инопланетного модуля, внезапно полыхнул чудовищной силы взрыв.

Механоформа покачнулась, — излучение взорвавшегося энергоблока посадочного модуля, мгновенно расплавило скаты воронки, превратив грунт в стекловидную массу.

Ингу и Вадима спасла насыпь, а вот Ивану пришлось туго: андроида вместе с обломками флайкара буквально снесло с дороги тугим ударом взрывной волны.

Инопланетная механоформа так же пострадала от взрыва, — на миг показалось, что она утратила способность двигаться, ее броня размягчилась, трансформации заметно замедлились, отключилось поле, удерживавшее механизм в нескольких сантиметрах над поверхностью земли, но с отчетливым царапающим звуком зацепив стеклобетон дорожного покрытия, каплевидная машина вновь выровнялась, огрызнувшись в сторону пытавшегося вновь вскарабкаться на насыпь андроида двумя плазменными сгустками.

Оба плазмоида прошли выше и разрядились шквалом ветвистых молний, соприкоснувшись с покореженным ограждением скоростной трассы.

Прицел неверный… но одна поправка и Ивану конец…

…

Вадим по большому счету не ждал от Инги адекватных ситуации действий, потому и данные по расположению обнаруженных подсистем механоформы он передавал, ориентируясь на Ивана, с использованием понятного древнему сервомеханизму протокола.

…Она инстинктивно вжималась в землю, поначалу ей владели растерянность и страх, происходящее казалось невероятным, но спасительную мысль: *это не со мной…* — рвало в клочья жаром, грохотом, — в какой-то момент Инга будто очнулась, осознав, что лежит, судорожно вцепившись пальцами в обнажившиеся корни росшего у дороги дерева.

Испытанный ужас отступал медленно, неохотно, оставляя противную, бесконтрольную дрожь.

Она с трудом разжала сведенные судорогой пальцы, затем, привстав, случайно зацепила рукой валявшееся рядом оружие, машинально подтянула к себе «ИМ-170», причем движение получилось четким, рефлекторным, профессиональным.

Мысли, действия, похожие на вспышку потаенной, запретной памяти, проходили едва ли не на уровне предательства себя самой, мгновенной ломки установленных раз и навсегда запретов, однако в данный момент прошлое внезапно потеряло смысл, остался лишь миг бытия, именуемый «настоящим», — в помутившемся рассудке злобно сияла отчетливая сигнатура чуждой механоформы, а на фоне тонких энергетических линий, мелькнуло, угасая, интуитивное предвидение: еще миг и плазменный разряд превратит Ивана в спекшийся уродливый ком металлопластика, а затем…

Она рванулась к гребню насыпи, но не прямиком, а наискось, с расчетом выйти во фланг чуждому механизму.

…Вадим уловил ее движение, но остановить Ингу не успел, лишь заметил, как разительно изменилось ее поведение.

Он продолжал транслировать данные, привстав над оплавленным ограждением скоростной магистрали, опыт борьбы с реликтовыми механизмами времен Первой Галактической, приобретенный еще в космическом десанте, позволил ему точно рассчитать свои действия, — мгновенный анализ сигнатуры указывал, куда нацелен плазмогенератор чуждой механоформы, — Рощин рисковал, но в разумных пределах, стремясь лишь отвлечь внимание противника от андроида.

Короткие прицельные очереди штурмовой импульсной винтовки хлестнули по подвижным сегментам брони, выжигая дыры в местах расположения сенсоров, справа внезапно ударил еще один «ИМ», и противник, попав под перекрестный огонь, оставил дройда в покое в запоздалой попытке отреагировать на новую угрозу, но отказавшие вдруг сканеры существенно осложнили задачу: механизм остановился, будто пребывая в нерешительности, часть его подвижных блоков, поврежденная последствиями взрыва силовой установки посадочного модуля, потеряла способность к свободному скольжению вдоль каплевидного корпуса, казалось, еще секунда и он полностью выйдет из строя.

Ничего подобного.

С надрывным гулом механоформа все же изменила конфигурацию, открыв огневые точки боковых полусфер, и серия плазменных разрядов полоснула по обочине разрушенной скоростной магистрали.

Нестерпимый жар пронесся над головами Инги и Вадима, заставив обоих сползти чуть ниже, вжимаясь в дымящуюся землю, но уже через несколько мгновений они, не сговариваясь, словно подталкиваемые необыкновенной для нормального человека яростью, вновь появились над срезом спасительных откосов, открыв прицельный огонь.

В очереди «ИМов» внезапно вплелся грохот выстрелов «АРГ-8», — это Иван, справившись с возникшим сбоем, подключился к схватке.

Было что-то чудовищное в возникшем противостоянии, но сейчас чувства глохли, тонули в ощущении смертельной опасности, — механоформа, огрызаясь плазмой, попыталась скрыться в светящейся от жара воронке, но полученные повреждения превратили ее маневр в медленную и неуклюжую попытку уклониться от огня.

Иван, воспользовавшийся ситуацией, действовал быстро, точно и расчетливо: получив от Вадима базовую сигнатуру, он вел постоянное самостоятельное сканирование цели, выявляя места, где попадания зарядов импульсных винтовок выжигали броню механоформы, улучив момент, он привстал, вогнав с полсотни бронебойных зарядов в поврежденный сегмент чуждого механизма двумя длинными очередями.

Серия микровзрывов вырвала изнутри каплевидного корпуса голубоватые язычки пламени, затем раздался глухой удар и внезапно механоформа, потеряв опору, под собственным весом начала погружаться в вязкую стекловидную массу, уже поглотившую обломки инопланетного посадочного модуля.

Рощин бросился к Инге.

Едва он успел перепрыгнуть покореженный отбойник и увидеть ее — контуженную, но живую, как со стороны космопорта с невыносимым ревом ударил повторный залп ракетных комплексов «Легион» класса «земля-космос».

Кто бы не управлял инопланетным кораблем, — эти существа совершили роковую ошибку, рискнув вывести исполинский диск в зону низких орбит Алексии.

Казалось, в ночном небе разыгрывается финальный акт вселенского катаклизма: небеса извергались тоннами обломков, лишь частично сгорающих в атмосфере, — большая часть раскаленных, потерявших форму фрагментов исполинского корабля обрушились на землю, словно удар ковровой бомбардировки…

* * *

События роковой ночи только начинали развиваться, вступая в новую активную фазу.

Вадим, инстинктивно прикрывший своим телом Ингу, вдруг почувствовал, как нарастает вездесущий грохот, затем к нему присоединился высокочастотный вой и непонятный, не находящий аналогов среди знакомых, характерных звуков басовитый гул.

— Отпусти меня!.. Я в порядке!..

Лицо Инги было перепачкано землей, глаза сверкали не то бешенством, не то состоянием аффекта.

— Молодец. Стреляла отлично.

Она отвернулась, глухо ответив:

— Испугалась. Очень сильно испугалась. Стреляла наугад…

На фоне разодранного вспышками неба появилась фигура андроида. Иван заметно прихрамывал, медленно, неуклюже ковыляя по склону.

— Инга, у тебя минута, чтобы придти в себя!..

Она с усилием кивнула, жестом давая понять Рощину — не трогай меня сейчас, дай обещанную минуту…

Вадим чувствовал: его собственный рассудок начинает сбоить от невероятного напряжения скоротечных событий.

Взгляд скользнул по освещенным пожарами окрестностям, остановился на воронке, откуда, словно из кратера вулкана, сочилось багряное сияние. В ночном небе Алексии продолжался звездопад, — это в плотных слоях атмосферы сгорали обломки спутников, фрагменты станции гиперсферной частоты, куски обшивки, вырванные ураганным огнем импульсных орудий из корпуса инопланетного корабля.

Несколько болидов, оставляя в темном небе огненные шлейфы, пронеслись почти над головой, ударив в многострадальную насыпь.

Инга даже не вздрогнула от близких взрывов. Ее взгляд застыл, остановился, казалось сознание девушки не тут, она как будто погружалась в себя, уходя таким образом от страшной действительности.

Вадим тем временем предпринял еще одну попытку выйти на связь с кем-то из офицеров гарнизона. Бесполезно. Никто не отвечал, хотя до границы космодрома всего-то пара километров.

Прошло лишь десять минут с того момента, как в небесах Алексии появился терпящий бедствие КРК «Пенелопа», но по внутренним ощущениям галакткапитана, стремительное развитие событий уже приняло необратимый характер: планета была атакована, неизвестный противник, действуя с грубой прямолинейностью, сумел добиться значительного преимущества, уничтожив спутниковые сегменты противокосмической обороны.

Что дальше?

Вадиму приходилось собирать информацию буквально по крупицам. Сеть не работала, и он сейчас полагался лишь на личное мнемоническое восприятие.

Пока он пытался разобраться в хаосе кипящих энергий, выделить

среди них читаемые сигнатуры объектов или распознать сигналы от вошедших в автономный режим кибернетических устройств, Иван, доковыляв до середины склона, сел на выступающий из-под земли валун и, сняв кожух с правой ноги, принялся устранять неисправность сервоприводов.

Рощин сосредоточил свое внимание на инопланетном корабле.

Тот отступал от планеты. Вадиму не удалось зафиксировать явной работы двигательных систем, — исполинский диск, окруженный облаком обломков, по-прежнему генерировал маскирующее поле, очертания объекта скрадывались, казались нечеткими, размазанными, но корабль явно удалялся от Алексии, его контур как будто таял…

Стряхнув напряжение, Рощин взглянул на Ингу, потом перевел взгляд на Ивана, который завершил ремонт и теперь стягивал фрагменты обгоревшей пеноплоти, пытаясь закрепить их вместе с лохмотьями одежды.

— Идти сможешь? — Спросил Вадим.

— Без проблем. — Кивнул андроид.

— Поднимись на насыпь отсканируй окрестности. Наметь безопасный маршрут к территории космодрома, в обход батарей ПКО. Я пока поговорю с Ингой. Кстати, связь с Ильей Степановичем есть? — Вадим втайне надеялся, что системы древнего сервомеханизма, рассчитанные для эксплуатации в условиях чуждых планет, оснащены более мощными передатчиками, чем личный коммуникатор или микроустройства имплантов.

— Все частоты забиты помехами. — Покачал головой Иван. Действительно, в его поведении, жестах было очень много человеческого, перенятого от людей, а не запрограммированного. — Но, думаю, что причин для беспокойства нет. — Тут же добавил он.

— Откуда такая уверенность?

— Илья Степанович решительный человек. Я давно его знаю. Он обязательно выведет людей к укрытиям.

— Будем надеяться… Хотя ты видел, что такое слепой случай, — Рощин выразительно кивнул в сторону конической воронки.

Андроид ничего не ответил. Видимо не хотел допускать и мысли о возможных неприятностях.

Пока Иван совершал восхождение по дымящемуся склону дорожной насыпи, Вадим присел рядом с Ингой, осторожно обнял ее за плечи.

Она повернула голову. Нервные, заострившиеся черты лица, плотно сжатые в бескровную линию губы, взгляд не испуганный и даже не

вопросительный, — похоже отпущенная Вадимом минута не помогла ей справиться с полученным стрессом.

Не говоря ни слова, Рощин достал компактную, умещающуюся на ладони упаковку боевых и метаболических стимуляторов, которую всегда имел при себе. Жизнь научила его быть готовым к любым, самым фантастическим и непредсказуемым оборотам судьбы.

Взяв из набора одноразовый инъектор, он, не спрашивая мнения Инги, ввел препарат ей в плечо прямо через обгоревшую ткань одежды.

Секунд через десять Инга вновь повернула голову, молча обожгла Вадима странным, благодарным, и отталкивающим одновременно взглядом, затем тихо произнесла:

— Нужно идти?..

Вадим кивнул.

* * *

Одинокая фигура андроида появилась над насыпью; Рощин на мгновенье задумался, не правильнее ли будет отправить Ивана и Ингу к укреплениям древнего колониального форта, но решил, нет, до бункерной зоны космодрома ближе.

Взяв девушку за руку, он помог ей встать.

Они едва успели подняться на исковерканное воронками дорожное покрытие, как Рощин внезапно остановился.

— Что? — Мгновенно напряглась Инга.

— Секунду… — Ответил Вадим. — Не двигайся!..

Его рассудок постоянно балансировал на грани двух реальностей, — не смотря на потерю связи с кибернетическими системами космодрома и спутниковой группировки, он вел постоянное сканирование и производил собственный анализ ситуации: застыть на месте его заставили странные сигнатуры, немногим отличающиеся от энергетических засечек множества сгорающих в атмосфере Алексии обломков.

Разум мнемоника, оторванный от привычной виртуальной среды, начинает воспринимать окружающую действительность еще более чутко. Он собирает и анализирует любые доступные проявления энергетической активности, делая это на уровне подсознания.

Неосознанная тревога, резанувшая по нервам, заставила Рощина насторожиться, еще раз обратить внимание на сгорающие в атмосфере Алексии частицы разрушенных конструкций.

Мгновением позже он понял, что именно вызвало острое подсознательное ощущение смертельной опасности: среди хаоса

бушующих в небесах энергий Вадим безошибочно выделил несколько десятков *одинаковых* сигнатур, стремительно снижающихся над Пятым Резервным.

Молчание зенитных батарей «РК-5» немо свидетельствовало, что автоматика космодрома воспринимает высокоэнергетичные объекты, как крупные, разрушающиеся в атмосфере обломки.

Мгновенный анализ выявленных сигнатур наводил лишь на одну мысль: среди обломков снижались контейнеры, внутри которых были заключены временно стабилизированные плазменные тела…

Чуждые технологии…

— Назад! — Вадим схватил Ингу за руку и резко толкнул к краю насыпи.

Она попыталась сопротивляться, не понимая, что происходит, но хватка Рощина была железной, он тащил ее за собой, ничего не объясняя, следом, поддерживая девушку, торопливо спускался Иван, казалось галакткапитан и андроид одновременно сошли с ума…

— Да в чем дело, объяснит мне кто-нибудь?! — Стимулятор действовал на Ингу не совсем корректно, вызвав повышенную нервозность, раздражительность.

— Пригнись! — Резко ответил Вадим. — Пригнись и зажмурься!

Она хотела что-то ответить, но в следующий миг нестерпимые для человеческого глаза вспышки, полыхнув магниево-белым, разлились внезапным мертвенным светом; за насыпью, откуда только что били батареи импульсных орудий, вскипели выброшенные на десятиметровую высоту гейзеры расплавленного металла и сгорающей почвы, затем огненный вал на миг поглотил всю территорию космодрома.

Инга оцепенела, — ее имплант, настроенный в режим связи, сейчас автоматически принимал информацию от Вадима. Она зажмурилась, но картины, что невольно впитывал ее рассудок и записывал кибстек, не укладывались в сознании, уничтожающее разум зрелище по своим масштабам и абсолютной, тотальной беспощадности удара было сравнимо, разве что с некоторыми документальными записями периода Первой Галактической, когда в огне противостояния сгорали целые планеты…

Рощин как будто не замечал, что его видение ситуации передается Инге, он так же присел, замер, но не прекратил приема и передачи данных.

…Одно из попаданий сверкнуло у основания тридцатиметровой башни диспетчерского контроля, и та вдруг начала подламываться, распадаясь на части, оседая вниз, окутываясь белесым облаком бетонной пыли, которое тут же вспыхнуло, превышаясь в частицы витающей в

воздухе сажи.

Мгновением позже меж зданиями Пятого Резервного ударили тысячи ветвящихся электрических разрядов, сопровождаемые оглушительными раскатами грома.

Почва под ногами ходила ходуном, как при землетрясении, ураганные порывы ветра вдруг превратились в шквал, Инга, зажав ладонями уши, сидела, плотно зажмурившись, не смея ни кричать, ни дышать — ей казалось, что спасения уже нет…

…

Минут через десять все стихло так же внезапно, как и началось.

Ватная, ненатуральная тишь навалилась со всех сторон, она казалась вязкой, враждебной и осязаемой. Порывы ураганного ветра постепенно ослабели, лишь по ту сторону искусственной возвышенности мутными воронками вращались несколько запоздалых смерчей.

В наступившей глухой тишине особенно отчетливо, зловеще слышалось потрескивание остывающего стеклобетона, да редкие, отдаленные, смягченные расстоянием звуки обвалов и осыпей — это продолжали разрушаться здания, не выдержавшие адской температуры плазменного удара.

Насыпь, отделяющая космодром от пустошей, устояла, хотя множественные ударные волны взломали наклонные стеклобетонные плиты, которыми был уложен обращенный в сторону стартопосадочных полей склон.

— Инга? Жива? Ответь мне! Да открой глаза, все уже позади!..

Она с трудом повернула голову.

Мир казался черно-белым лишившимся красок, слова Вадима после оглушительных громовых раскатов слышались как шепот…

— Идти сможешь?

Она кивнула.

— Тогда — поднимайся! Иван, — вперед! До ближайшего входа в бункерную зону метров четыреста! Прокладываешь путь. Следи за аномальными зонами тепла! Все, двигаемся, в темпе, пока стихло!..

* * *

Их взглядам открылось жуткое зрелище.

Спускаясь по склону, обращенному в сторону космодрома, они вынужденно лавировали меж поднятыми на ребро, размягченными жаром плитами, чуть ниже зловещим темно-вишневым сиянием истекали глубокие, покрытые стекловидной массой воронки, оставшиеся на месте

позиций батарей противокосмической обороны, еще дальше виднелись сумеречные руины зданий, испятнанные источающими багряный сумрак язвами расплавленного стеклобетона …

Ни людей, ни машин…

Мертвое, напоенное жаром и пеплом пространство…

Инге стало жутко, она судорожно вцепилась в руку Вадима, стараясь не отстать.

На фоне багряного сумрака медленно проступали сюрреалистические формы, — здания, подвергшиеся мгновенному нагреву, оплыли, крыши куполообразных ангаров провалились внутрь, стреловидные башни диспетчерского контроля лежали в руинах, основное строение космопорта потеряло узнаваемые формы.

Через минуту, ступив на стеклобетонное покрытие стартопосадочных равнин, они наконец заметили первые признаки движения — из недр бункерной зоны появились резервные сервомеханизмы.

Рощин, в отличие от Инги, не давал воли эмоциям. Он шагал средь руин, по крохам собирая информацию, отдавая мнемонические приказы уцелевшим подсистемам и вышедшим на связь сервомеханизмам.

Картина, постепенно складывающаяся в рассудке галакткапитана, выглядела удручающе.

Внешняя, не относящаяся к бункерной зоне инфраструктура «РК-5» была разрушена на шестьдесят процентов. Погибла дежурная смена мнемоников, под обломками ангаров оказались погребены четыре готовых к старту истребителя, от командира Пятого Резервного полковника Балкашина, отдавшего приказ на старт дежурного звена «Стилетто», более не поступало никаких команд.

Основной летный состав двух штатных эскадрилий, к моменту орбитального удара находился на другом материке. В отсутствии связи Рощин мог лишь предполагать, что офицеры под командованием майора Сабурова сейчас выдвигаются к космодрому, но как быстро и в каком составе они прибудут, оставалось неясно.

Постепенно, по мере того, как два человека и сопровождавший их андроид углублялись в зону руин, вокруг появлялось все больше технических сервомеханизмов, спешивших на разбор завалов.

— Вадим, куда мы идем? — Инга больше не могла выносить тягостного молчания.

— К входу в бункерную зону. — Ответил Рощин. Он хотел что-то добавить, но в этот момент, пробив клубящиеся облака, над стеклобетонной равниной появилось звено «Стилетто», — истребители снижались,

удерживая строй, хотя за одним тянулся шлейф дыма, а два других были объяты нежно-изумрудным сиянием суспензорных полей.

Проводив их взглядом, Вадим после нескольких тщетных попыток связи с пилотами, вновь повернулся к Инге:

— Идем.

Взглянув на осунувшееся, угрюмо-сосредоточенное лицо галактkапитана, Инга воздержалась от дальнейших вопросов.

* * *

Через минуту Рощин остановился у входа в бункерную зону комплекса.

— Иван, останешься здесь. Вот чип связи. При появлении людей — докладывай немедленно.

Отдав распоряжение андроиду, которого считал мобилизованным в силу обстоятельств, Вадим разблокировал систему доступа и уже не приказал, а попросил:

— Инга мне потребуется твоя помощь.

Она кивнула, хотя в глазах, как показалось Рощину, промелькнули смятение и страх.

Он по-своему истолковал ее замешательство:

— В бункерной зоне ты будешь в безопасности. — Вадим посторонился, пропуская девушку в переходную камеру шлюза.

Инга с трудом заставила себя перешагнуть порог. Ее внезапные, необъяснимые чувства вырвались из-под контроля рассудка, она оглянулась и тут же потупила взгляд…

— Что с тобой? — Вадим ощутил исходящую от девушки волну парализующего страха.

— Все в порядке. — Сухим, ломким голосом ответила она. — Веди.

Он не стал донимать ее расспросами. Во-первых, ситуация не располагала, во-вторых, не каждый мужчина сохранил бы присутствие духа после всего пережитого на коротком отрезке пути от поселка археологов до космодрома. Подсознательный страх Инги вполне объясним. Как должна чувствовать себя девушка-археолог, которую приглашают пройти в недра секретной военной базы?

Простые объяснения не всегда бывают верными, но Вадим понял это чуть позже.

Сейчас иные мысли и чувства рвались в рассудок: галактkапитан по крупицам продолжал собирать информацию, получая сигналы от множества поврежденных подсистем, — орбитальный удар уничтожил не

только наземную инфраструктуру, досталось и хорошо защищенным подземным уровням.

В сложившихся условиях он был обязан принять командование. Пока нет никаких сведений о полковнике Балкашине и майоре Сабурове, Вадим был в ответе за все, — ему анализировать ситуацию и принимать немедленные решения…

* * *

Короткий коридор оканчивался вертикальной шахтой лифта.

— Глубоко? — Спросила Инга.

— Пятьдесят метров.

Кабина стремительно скользнула вниз, и вскоре они оказались на пороге просторного зала, разделенного на сектора полупрозрачными проекционными переборками, не достающими до потолка, окачивающимися на высоте человеческого роста.

— Отсюда проложена кабельная связь со всеми крупными населенными пунктами Алексии. — Пояснил Вадим, активируя для Инги отдельный кибернетический комплекс, исполненный в виде подковы, огибающей удобное кресло.

— Со старыми колониальными укреплениями тоже? — Спросила она, занимая предложенный пост.

— Не знаю. Проверишь сама. Я тут впервые, как и ты.

— Как же ориентируешься?

— Типовое решение. Бывал в подобных зонах.

— Основательно. — Инга пробежала взглядом по многоярусным контрольным панелям кибернетических систем, которые после переданных Вадимом мысленных команд начали оживать.

Разгоняя сумрак зала, один за другим заработали полтора десятка голографических экранов, заполнив свободное пространство между полом и потолком.

— Подключись к терминалу через имплант. Твоя задача — контроль каналов связи.

— С этим бы справилась и автоматика. — Инга искоса взглянула на Рощина.

— Сейчас в сети царит хаос. — Ответил Вадим, указывая на голографический экран, сплошь забитый кодами ошибок. — А информация необходима, как воздух. В первую очередь меня интересуют сведения по личному составу. Кто, в какой район планеты отбыл на выходные, когда должен был вернуться, выходил ли на связь, понимаешь?

Инга заставила себя кивнуть, но все же промедлила еще несколько секунд, прежде чем Рощин уловил работу передатчиков ее импланта. Подобное устройство вживлялось каждому человеку и в обычных условиях служило для дистанционной отдачи команд бытовым кибернетическим системам.

С девушкой явно творилось что-то неладное, Рощин ощущал моральное напряжение в каждом ее жесте, слове, взгляде, но сейчас ему было не до психоанализа…

Некоторое время тишину резервного командного пункта нарушало лишь нервное попискивание индикационных сигналов, затем, когда кое-что начало проясняться, первой молчание нарушила Инга:

— Шестьдесят процентов кабельных коммуникаций нарушено. Илья Степанович благополучно вывел жителей поселка в форт. Связи с соседним материком нет.

Рощин молча выслушал доклад, затем извлек из специально вмонтированного в основание терминала сейфа небольшое устройство, похожее на древнюю гарнитуру беспроводной связи.

— Надень и подключи к импланту. — Он протянул устройство девушке. — Это стандартный боевой модуль связи. Ты сможешь отдавать команды мнемонически подчиненным подсистемам, и поддерживать связь со мной на удалении до сотни километров.

Она подчинилась. Голос Вадима звучал сухо и жестко, возражений он попросту бы не принял.

— Инга я отдаю команду на распыление в атмосфере наномашин. Как только они сформируют сеть, начинай отслеживать сигналы личных датчиков офицеров. Пока проверь готовность резервных генераторов гиперсферных частот к отправке экстренного сообщения.

Она кивнула.

Рощин не видел ее жеста, он уже полностью погрузился в анализ доступных данных, — рапорт, отосланный по каналам ГЧ должен быть предельно ясным и сжатым.

* * *

Резервная информационная система «РК-5» автоматически записывала все данные, поступавшие от аппаратов слежения спутниковой группировки, но беглое знакомство с файлами сканирования лишь усилило некоторые подозрения Вадима, не дав ответа на главный вопрос: кто и почему атаковал систему Алексии.

Ни общедоступные, ни строго секретные базы данных не хранили

никаких сведений, способных идентифицировать дискообразный космический корабль иной цивилизации. Единственное, что стало очевидным: ни одно устройство раннего обнаружения не зафиксировало момент «всплытия» КРК «Пенелопа», но Вадим уже не сомневался, что именно появление картографического корабля повлекло за собой роковую цепь событий.

Сразу вспомнилось чувство недоумения, испытанно в момент, когда КРК обнаружил себя в границах атмосферы.

Почему его не зафиксировали датчики раннего обнаружения?

Рощин не привык строить иллюзий. Обмануть сканеры систем противокосмической обороны очень сложно, для этого корабль должен быть оборудован мощнейшей системой фантом-генераторов, и то не факт, что ему удалось бы проскочить через сетку тотального контроля.

На борту «Пенелопы» находился мнемоник или кибрайкер, причем по выводам Вадима этот человек до последнего надеялся сохранить свое инкогнито.

Знал ли он о преследовании?

Несомненно. Знал и рассчитывал ускользнуть, стряхнуть «хвост» самым жестоким и незамысловатым способом: вывести инопланетный корабль в зону действия систем противокосмической обороны Алексии, столкнуть неопознанный объект с боевыми системами, контролирующими космическое пространство, а самому ускользнуть под прикрытием начавшихся событий.

В базе данных КРК «Пенелопа» значился на балансе корпорации «Спейсстоун», порт приписки — планета Треул, где располагался центральный офис корпорации.

Опять мутные игры с гиперсферой? Возможно…

Не с того начал. — С досадой подумал он, посылая запрос системе внутренней безопасности.

Точка приземления спасательной капсулы с борта «Пенелопы», была установлена, в район еще до плазменного удара выдвинулись силы немедленного реагирования.

И все. Ни ответа, ни привета.

Почему кибрайкеру не удалось реализовать свой план? Отказались поврежденные системы «Пенелопы»?

Скорее всего. Хотя с этим можно разобраться чуть позже.

Так, следующий файл сканирования. Появление инопланетного корабля.

Благодаря резервным копиям данных, автоматически создаваемым на

носителях резервной системы, расположенной глубоко под землей, Вадим мог сейчас наблюдать, как тридцатикилометровый диск инопланетного корабля появился в системе Алексии.

Гиперпространственный переход был стремительным, он сопровождался сильным возмущением метрики пространства, что, по сути, вывело из строя ближайшие к объекту датчики, далее инопланетный корабль, завершив процедуру «всплытия», тут же начал развивать стремительную атаку: отстрелил порядка сотни автономных модулей, которые ринулись к планете, уничтожая все, что подпадало под определение «искусственно созданный объект». Никаких попыток наладить связь, установить контакт, инопланетный корабль не предпринимал. Включив маршевые двигатели он стремительно сократил дистанцию до планеты и обрушил мощь бортовых плазмогенераторов на спутники орбитальной группировки.

Нужно срочно выходить на связь со штабом флота.

— Инга, что у тебя?

— Все плохо. — Отозвалась девушка. — Сигналов от личных датчиков не обнаружено. — И связь на гиперсферных частотах не работает…

— Резерв пробовала? — Машинально переспросил Рощин.

— Ничего не выходит. Мы полностью блокированы. — Голос Инги выдавал то смятение, что царило сейчас в душе девушки.

— Не понимаю… — Вадим переключился на новые данные. — Каналы гиперсферной частоты блокировать невозможно!

— Возможно, если постоянно поддерживать поле низкой частоты, не давая сигналу пройти в аномалию. Подобный прием уже был применен однажды флотом корпорации «Генезис». — Ответила Инга и тут же осеклась, будто спохватившись, что сболтнула лишнее.

— Да, действительно, вспомнил… — Рощин мысленной командой попытался открыть канал ГЧ на аварийных частотах, убеждаясь, что Инга полностью права — устройство экстренной связи работало, но импульс, судя по отчету, угасал, не развивая достаточной для пробоя метрики мощности.

Только теперь Вадиму стало понятно, почему в первые минуты роковых событий он вдруг ощутил некое глобальное одиночество — оборвалась связь с межзвездной сетью Интерстар, восприятие которой у мнемоника проходит на уровне подсознания.

Рощин некоторое время манипулировал уцелевшими датчиками.

Да, действительно, исполинский корабль, скрывшись во мраке

космоса, по-прежнему выдавал свое присутствие генерацией поля низкой частоты, говоря проще: его генераторы как будто постоянно работали «на всплытие» из аномалии, не давая ни одному высокоэнергетичному сигналу пройти в иную метрику пространства-времени.

— Одно из двух, либо он нас запер, в ожидании подкрепления, либо постоянная генерация низкочастотного поля — следствие неисправности, поломка. — Вслух предположил Рощин.

— С такой дистанции при имеющемся наборе уцелевших датчиков нам не выяснить действительной причины происходящего. — Ответила Инга.

Рощин кивнул, обдумывая свои дальнейшие действия.

Как ни крути, все вторично. Если корабль отошел и блокирует гиперсферу, в ожидании новых единиц гипотетического флота — планета обречена, неважно, почему, по каким причинам они напали, и что именно им потребовалось на Алексии.

Если работа низкочастотных генераторов лишь поломка — тогда ситуация не столь безнадежна, по крайней мере для жителей планеты.

В этот момент заработал один из внутренних каналов связи.

— Положенцев? Живой! — Встрепенулся Вадим. — Что с ребятами?!

Облик Александра говорил сам за себя: лицо бледное, постаревшее, осунувшееся, на лбу отчетливо видны следы бегавших по нему капелек пота, глаза лихорадочно блестят, словно рассудок галактлейтенанта еще не вернулся из первого боя.

— Докладываю, — он нашел в себе силы говорить спокойно, хотя голос все же немного дрожал, — подступали запоздалые эмоции. — Мак-Корер посадил машину, управляя «Стилетто» через логр.

— Серьезно ранен?

— Неизвестно… — Голос Положенцева стал глуше. Он докладывал прямо из подземного ангара, за его спиной угадывались контуры только что вернувшихся на базу истребителей. — Механических повреждений капсулы ложемента нет. Бронескафандр цел. С Дейвидом Риганом хуже, — его логр не отвечает, сам без сознания, как посадил машину, — ума не приложу. Кибермеханизмы пока еще извлекают капсулу пилот-ложемента.

— Сам как, Саша?

— Нормально. — В ответе галактлейтенанта чувствовалась нечеловеческая усталость. — У меня обшивку прожгло. Плазма ударила в рубку… В общем — сделали все, что в человеческих силах, командир. В составе звена сбито двадцать семь неопознанных модулей.

Инга, не отрываясь, смотрела на Положенцева.

Совсем молодой.

Ее ровесник… Он ведь едва не сгорел заживо, прикрывая Алексию…

Дрожь охватывала девушку от одной мысли, что он всего четверть часа назад был там, в кромешном аду, один на один с сонмищем машин, пытавшихся высадить десант на поверхность планеты.

— Саша, есть срочное задание. Выдержишь? — Ворвался в ее мысли голос Вадима.

Положенцев с трудом сглотнул. Затем, машинально проведя ладонью по лбу, нашел в себе силы кивнуть.

Инга не верила своим ушам. Он ведь только из боя. Неужели Рощин не даст ему хотя бы придти в себя?!..

— Даю координаты. — Тем временем начал инструктировать лейтенанта Вадим. — Это точка приземления спасательной капсулы КРК «Пенелопа». Туда выдвинулась группа немедленного действия, состоящая из кибермеханизмов. До сих пор не вернулась. Связи нет. У меня серьезное подозрение, что «Пенелопой» управлял кибрайкер. Причем опытный, матерый.

— Понял. — Положенцев снял гермошлем, пригладил рукой короткий ежик волос. Было заметно, как следка дрожат его пальцы. — Брать живым?

— Естественно. Тебе пять минут, на боевое стимулирование организма и сразу же выдвигайся. В ментальную схватку не вступай. У тебя есть мнемонический блокиратор. Не забудь о нем.

Инга чувствовала, что вот-вот потеряет сознание от внезапного эмоционального шока. Она отвернулась, делая вид, что работает, явно не желая, чтобы Вадим заметил ее состояние.

* * *

Бытует мнение, что душа у мнемоника спит.

Это заблуждение. Правда в том, что у специалистов такого уровня, как галакткапитан Рощин, в процессе подготовки, тренировок, обучения, вырабатывают определенные качества: самоконтроль, сдержанность, чувство ответственности за ситуацию, ведь по большому счету мнемоники работают там, где от их решений ежеминутно зависят многие человеческие жизни.

Еще сложнее — не давать воли эмоциям при взаимодействии с кибернетическими системами, для которых переживания мнемоника могут стать причиной сбоя.

Инга украдкой посмотрела на Вадима.

Он выглядел сосредоточенным и спокойным.

С виду — обычный человек. Откуда в нем столько решимости, воли, почему он спокойно посылает других на смертельный риск, а сам остается тут?

Что он собирается предпринять?

Ей оставалось только ждать, — на прямой вопрос она не решилась.

…

Вадим анализировал обрывочные, разрозненные данные, по крупицам пытаясь собирать мозаику событий.

Он мысленно представил собственные возможности, имеющуюся в распоряжении технику и время вероятного прибытия на территорию космопорта старших офицеров, затем повернулся к Инге и спросил:

— Я могу просить тебя о помощи? Подожди не отвечай, сначала выслушай. Необходимо точно определить, чем вызвана генерация низкочастотного поля, и выяснить конструктивные особенности инопланетного корабля. По обрывочным сведениям нам остается лишь гадать о реальных возможностях пришельца, перебирая ничем не подтвержденные варианты, до второго пришествия или до вторичной атаки, в принципе уже будет без разницы. Я собираюсь произвести разведку. Дожидаться начальства — преступно. Нужно действовать немедленно.

— А чем я могу помочь? — Спросила Инга, внутренне сжавшись.

— Подстрахуешь меня.

— В смысле? Как? Что ты собрался делать?

— Подниму разведчик, класса «Тень». Подберусь как можно ближе к инопланетному кораблю. Бездействовать сейчас преступно. Рано или поздно на космодром прибудут пилоты, но без точных разведданных при первом же вылете их ждут крупные неприятности, если не смерть.

— Вадим… но что я могу?..

— Давай говорить прямо, Инга. — Он обернулся. — Я не хочу задавать тебе сейчас вопросов, на которые ты не готова ответить. Есть вероятность, что меня собьют, не смотря на высококлассное оборудование разведывательного корабля. Я не хочу, чтобы собранные данные пропали. Единственный тип связи, который не демаскирует меня, — это прямой мнемонический контакт. Если начну передавать сведения кибернетическим системам, канал будет отслежен противником, тут без вариантов.

Инга машинально прикусила губу.

— Вадим, почему ты решил, что я смогу?

— Зря ты спросила.

Инга упрямо смотрела на него.

— Хорошо. Ты сказала, что испугалась, там, на дороге, и стреляла наугад.

Она медленно кивнула.

— Ни один заряд твоего «ИМа» даже не срикошетил от брони механоформы. Все легли точно по уязвимым местам и датчикам. Потом ты точно определила причину, почему невозможно послать сигнал через аномалию. Более того — привела пример аналогичного боевого применения генераторов низкой частоты. В институте археологии преподают «слепую стрельбу»?[44] Или знакомят студентов с секретной информацией?

— Я могу не отвечать? — Инга заметно побледнела.

— Не настаиваю. Но прошу, — помоги.

— А разве есть необходимость рисковать своей жизнью? Почему не задействовать беспилотный аппарат? Ты же мнемоник, Вадим, и понимаешь, что удаленный доступ к датчикам разведчика даст такую же полную развертку данных, как и при твоем личном присутствии на борту.

— До тех пор пока противник не зафиксирует канал обмена данными и не начнет противодействие. — Резко повторил Рощин. — Мы сейчас впустую тратим время.

— Извини.

Секунда сомнений, внутреннего спора, и она кивнула, на миг отчетливо представив себе вторую волну десанта и полыхающий, почти что беззащитный колониальный форт, где в данный момент скрывались люди.

— Я согласна.

Вадим пристально посмотрел на нее.

— Инга, все сказанное тут останется между нами. Сейчас мы покинем командный пост, ты будешь работать в другом помещении, куда разрешен доступ гражданским лицам и техническому персоналу. Я не успел лично познакомиться с командованием, и не могу прогнозировать реакцию старших офицеров на мои действия. Рядом с тобой будет Саша Положенцев. Твоя задача — принимать данные в мнемоническом диапазоне и транслировать их на съемное запоминающее устройство. Если я по какой-то причине не вернусь — отдашь носитель информации лейтенанту, он знает, как с ним поступить, а сама уходи в колониальный форт, к Илье Степановичу. Я распоряжусь, чтобы тебе с Иваном подготовили всепланетный вездеход.

Она молча выслушала Рощина, затем встала, порывисто повернулась, но спросила совсем не о том, что сейчас таилось в мыслях:

— Почему я, а не Положенцев?

— Саша будет занят.

— Чем?

Вадим хотел уйти от ответа, но, подумав, не стал.

— Он будет контролировать мою безопасность. Я собираюсь привлечь к операции того кибрайкера, что заварил всю эту кашу.

Глава 4

Алексия. Спустя час после удара по космодрому…

Фрич Огден не имел привычки держать зла на весь мир, обвиняя в смертных грехах всех, кроме себя любимого.

Нет, он был грешен не менее, чем миллиарды его собратьев, именующих себя человечеством.

Ведь если покопаться в душе, каждый из нас отыщет мелкие или крупные грешки, неважно, нелады это с законом, дурная мысль в отношении соседа, неприязнь к непосредственному начальнику, ложь во спасение или просто равнодушие к чужим проблемам.

Идеальных людей не бывает. Есть личности, знающие о своих недостатках и борющиеся с ними, а есть те, кто просто маскирует их гримом «добропорядочности».

Фрич относился к третьей, редкой категории людей, кто четко понимает по какому пути идет, знает, что последствия совершаемых поступков фатальны в части неизбежности, — как веревочке не виться… Древние не мудрствовали лукаво, давая четкие определения большинству жизненных ситуаций.

Поэтому, когда в его рассудок громко и настойчиво *постучали*, словно костяшками пальцев в запертую деревянную дверь, он даже не вздрогнул.

Разблокировав стандартный имплант,[45] Фрич по привычке полуприкрыл глаза, чтобы неяркий свет потолочных панелей не мешал концентрации на внутренних ощущениях.

Откровенно говоря, Огден не ожидал столь скорого мнемонического допроса, но, взглянув на тень, что соткало его сознание, кибрайкер внутренне напрягся, машинально мобилизуясь, — он ощутил ментальное воздействие *боевого мнемоника*, а это уже «не есть хорошо», как любил говаривать его наставник.

Тот, кто постучался в сознание Фрича, явно обладал опытом виртуальных схваток, в его серой, лишенной индивидуальности, *безликой* фигуре не проявилось ни единой черты, способной дать противнику представление о силе и намерениях внезапного визитера, он вел себя осторожно и в то же время уверенно, понимая, что за ним право решать: добыть нужную информацию силовым путем или ограничиться общением.

— К делу, Фрич. — Раздался в сознании кибрайкера негромкий

уверенный голос. — Если есть желание померятся силами, давай отложим забавы на потом. Момент для конфронтации, мягко говоря, неподходящий.

Ободряющее начало.

— Я не против разговора. — Огден ни на секунду не расслаблялся, находясь в полной готовности отразить мнемонический удар, способный подчинить его волю, и тогда черпай из беззащитного рассудка какую хочешь информацию. О долгих поединках между мнемониками и кибрайкерами ходили слухи, да снимались фильмы, не имеющие почти ничего общего с действительностью.

Серая фигура боевого мнемоника внезапно села, скрестив ноги, в знак мирных намерений, наверное. Условности визуальных стереотипных образов. Чушь полнейшая. Ударить он способен из любого положения ведь действовать придется не руками или ногами, а мыслью.

— Первый вопрос: ты в состоянии дать мне полную, исчерпывающую информацию о космическом корабле неизвестной цивилизации, который, — только не нужно отрицать очевидных фактов, — «Пенелопа» буквально притащила «на хвосте»? — Мнемоник формулировал вопрос обстоятельно, развернуто, не давая лазеек для лжи или полуправды. — Или я ошибаюсь, применяя термин «неизвестная цивилизация»?

— Нет, не ошибаешься. — Буркнул Фрич. — Конструкция корабля весьма примитивна, хотя у меня не было достаточно времени и возможностей для подробного сканирования. Я говорю об общем, интуитивном *впечатлении*. — Ответил кибрайкер. — Корабль оснащен собственным мобильным гипердрайвом, средствами противокосмической обороны и нападения.

— Характеристики гипердрайва? Хотя бы в общих чертах?

— Чудовищно большой, допотопный, очень энергоемкий. Прямо не гиперпривод, а пробойник всего сущего. Деталей добавить не могу, — был озабочен спасением собственной шкуры, потому как этот монстр, — авианесущая конструкция, он выпустил вслед КРК целую свору малых кораблей, которые превратили «Пенелопу» в натуральное решето.

— Где ты его подцепил?

— За Вертикалями.

— Думаю, ты чем-то разозлил «братьев по разуму», — заметил мнемоник, постепенно усиливая давления на разум Фрича.

— А вот этого не надо! — Внезапно вспылил Огден, отводя удар, и осторожно начиная собственную атаку. Скорее инстинктивно, по давней укоренившей привычке, проверенному временем способу, заключающемуся в том, что лучшая защита — это нападение.

— Не пытайся нарушить моего равновесия. — Все еще спокойно предупредил его выпад мнемоник. — Ты в курсе, что кибрайкерам запрещено перемещаться по Вертикалям гиперсферы?

— Не маленький. Знаю.

— Степень ответственности тебе известна?

— Да.

— Предлагаю сделку. — Наконец перешел к сути вопроса мнемоник. — Ты еще раз рискнешь своей шкурой, рискнешь по настоящему, без дураков. За это я могу тебе гарантировать, что ни в спасательной капсуле, ни в твоих личных вещах, при досмотре не будут обнаружены кибермодули. А пустые импланты, как ты сам понимаешь, превращают тебя в обычного человека, исследователя, попавшего в неприятную ситуацию.

— Не верю. Это слова. Ты боевой мнемоник. Мой рассудок позднее может не выдержать ментальной схватки, и тогда не потребуется вещественных доказательств моей незаконной деятельности.

— Я единственный боевой мнемоник на планете, кто в состоянии справиться с тобой. Поверь. Но я не стану этого делать. Даже если мне прикажут.

— Ой ли? А мотив?

— Жизни людей. На планете, куда ты совершил вынужденную посадку, существует колония. Сейчас она под угрозой повторной атаки и уничтожения. Ты, между прочим, тоже входишь в число потенциальных жертв. Мое предложение: ты сейчас передаешь мне всю собранную информацию относительно инопланетного корабля, затем помогаешь осуществить разведку, мнемонически прикрывая АРК от обнаружения.

— Еще раз сунуться туда?! По доброй воле?!

— Ну, у тебя есть выбор. Сдохнуть тут, быть замороженным на неопределенный срок за нарушение законов Конфедерации, с обязательным хирургическим удалением избыточных имплантов, или согласиться на мое предложение. Ты ведь запасся лицензией Совета Безопасности на разведку иных миров? Я правильно понимаю: ты всего лишь увел «Пенелопу» с разрешенной Вертикали на другую, еще не разведанную линию напряженности, верно? Если за тобой тянуться более серьезные преступления мое предложение автоматически теряет силу. — Честно предупредил мнемоник.

Грамотно надавил, гаденыш…

А куда деваться? Прошлое — его ведь еще раскопать нужно. А боевые мнемоники не приучены лгать. Это противоречит их натуре.

Рискованное конечно предложение, но все лучше, чем криогенная тюрьма и хирургические удаление имплантов…

— Как и что я должен сделать?

— Работать будешь отсюда. Я поведу разведчик к инопланетному кораблю. Тебе открою канал мнемонической связи, через который ты сможешь свободно манипулировать фантом-генераторами АРК. Только не обольщайся, между исполнительными системами и твоим рассудком, в качестве промежуточного звена будет работать разум еще одного мнемоника. Того лейтенанта, что извлек тебя из спасательной капсулы. Схема ясна?

— Операция требует точности. Мне необходимо ориентироваться в обстановке.

— Все данные получишь в режиме он-лайн. Пока действуешь честно — никто не вмешается.

Фрич на секунду задумался.

— Я согласен. — Наконец ответил он.

— Тогда жди. Жди и готовься. О начале операции тебя предупредит мой помощник.

* * *

Утро еще не наступило, некоторые здания космопорта по-прежнему горели, когда мощные подъемные механизмы подали из недр бункерной зоны к одной из отремонтированных кибермеханизмами взлетно-посадочных полос «Стилетто» в конфигурации «Тень».

В кресле пилот-ложемента, под защитными оболочками брони находился галакткапитан Рощин. Инга, Фрич и Саша Положенцев оставались на земле, в изолированных друг от друга помещениях бункерной зоны.

«Тень» стремительно разогналась по укороченной взлетно-посадочной полосе и начала набирать высоту, невидимая для радаров и сканеров, *крадущаяся* в светлеющих небесах, к фиолетовой границе стратосферы.

Связь между землей и машиной осуществлялась исключительно в мнемоническом диапазоне, за счет личных способностей участников уникальной и рискованной операции. Аппаратные средства усиления и интерпретации поступающего сигнала использовала только Инга.

— Фрич, приготовься, выхожу из зоны повышенной ионизации. — Мысленно произнес Вадим, когда «Тень» покинула плотные слои атмосферы, и, отключив двигатели начала «неуправляемый» дрейф в

направлении инопланетного корабля.

— Не проблема. — Буркнул в ответ кибрайкер. — Мы уже минуту, как обыкновенный обломок, отброшенный от планеты вследствие «рикошета».

— Нас сканируют?

— Пока нет.

Рощин мысленно переключил канал связи.

— Саша, как обстановка?

— Освоился. Нормально.

— Подключайся к приему данных.

Секунда тишины.

— Чужой корабль пока видится смутно. — Пришел доклад от Положенцева. — Сильная «аномальная» засветка. Множество энергий, словно у него на борту работает не менее сотни различных генераторов.

— Можешь выделить наиболее мощный источник? — Вадим задавал отнюдь не праздные вопросы: он проверял свои ощущения, исключая ошибки и неточности в восприятии.

— Да. Ощущаю постоянную работу низкочастотного контура гипердрайва.

Вновь смена ментальной частоты.

— Инга?

— Все в порядке. Я… принимаю данные. Идет запись.

— Только не волнуйся. Действуй спокойно, чтобы ни случилось.

Безопасный отрезок дрейфа быстро завершился, и Вадим сосредоточил внимание на окрестном пространстве, полным обломков, оставшихся после неудачного «выхода» инопланетного корабля в район низких орбит Алексии.

Внутреннее напряжение постепенно возрастало, по мере увеличения количества материальных препятствий, которые приходилось огибать, не демаскируя при этом управляемых эволюций «обломка», следовательно, каждый маневр предварительно согласовывался на мнемоническом уровне, чтобы дать кибрайкеру возможность поддерживать иллюзию неуправляемого дрейфа, и не привлекать внимания со стороны сканирующих систем противника.

Нужно сказать, что Фрич со своей задачей справлялся блестяще.

Вадим не мог не признать, что краткого курса маскировки боевых кораблей под естественные объекты окружающего космоса, который преподавали в академии, для выполнения столь сложной практической задачи оказалось недостаточно. Тут необходим опыт, которым без сомнения обладал кибрайкер. Фрич использовал не только бортовые фантом-

генераторы «Тени», — часть маскирующего поля, он в буквальном смысле «конструировал», собирая его компоненты из хаоса окружающих энергий.

Моральное напряжение галакткапитана возрастало с каждой секундой. «Тень» постепенно сближалась с исполинской конструкцией, сравнимой по размерам разве что с космическими поселениями расы логриан, но что самое примечательное — обладающей собственным мобильным гиперприводом.

До последнего времени считалось, что устройства мобильного гипердрайва, — исключительное достижение человечества.

Помимо обработки данных пассивного сканирования, Рощин вел параллельный анализ ситуации, пытаясь обосновать поведение пришельца.

По информации, получено от Огдена, события, предварившие появление агрессора в системе Алексии, не отличались сложностью или оригинальностью, но, по мнению Рощина, в ситуации с «Пенелопой» оставалось что-то недопонятое…

Фрич утверждал буквально следующее: он действительно обладал лицензией Совета Безопасности, разрешающей разведку звездных систем, но действовал при этом на собственный страх и риск, в интересах корпорации «Спейсстоун». Корпов интересовали, прежде всего, полезные ископаемые, и Фрич занимался поиском расположенных в космосе месторождений редких элементов. Идеальными объектами для исследования в его случае считались пояса астероидов, и небольшие, непригодные для жизни планеты, не обладающие атмосферами. Чаще всего такие объекты являлись спутниками газовых гигантов.

Картография неисследованных секторов космического пространства и сбор геологических образцов — занятие довольно странное для кибрайкера.

По утверждению Огдена, «Спейсстоун» не желал афишировать своих изысканий, потому и нанял его, способного заменить штатный экипаж. Чем меньше людей знало о проводимых исследованиях удаленных звездных систем, тем лучше.

В принципе все сказанное кибрайкером не выходило за рамки логики.

Его исследования продвигались успешно. Пользуясь своими уникальными способностями, он «вклинивался» в составы конвоев транспортных кораблей, следовавших через пространство десятого энергоуровня к нескольким экспериментальным научно-исследовательским базам, расположенным за Вертикалями гиперсферы.

Еще в аномалии во время восхождения он покидал строй маскирующих его транспортов, совершая рискованный прыжок в

«сторону», — попросту уходил на сетку горизонталей, и далее уже действовал самостоятельно.

Неприятности Огдена начались в совершенно непримечательной звездной системе. Он утверждал, что никаких признаков цивилизации там не было, странным показалось лишь огромное «облако» каплевидных частиц, приблизительно одного размера, обнаруженное им чуть выше плоскости эклиптики.

При попытке сблизится со странным образованием, и взять образцы составляющих его элементов, он был внезапно атакован малым кораблями неизвестной конструкции, вслед которым из-за прикрытия того самого скопления странных, как будто расплавленных, а затем застывших металлических «капель» появился исполинский корабль, едва не превративший «Пенелопу» в обломки одним залпом бортовых плазмогенераторов.

Фрич попытался ускользнуть, уйти в гиперсферу, но по непонятной причине исполинский корабль ринулся за ним, повторяя маневры, и не отставая до тех пор, пока не наступила известная Рощину развязка.

Даже если принять рассказ Огдена за чистую правду, оставалось очень много непонятного. Например, почему инопланетный корабль, разделавшись с «Пенелопой», продолжил развивать атаку на спутниковую группировку Алексии? Почему он не скрылся, из элементарной предосторожности? Отчего стал действовать столь неискусно, прямолинейно — ринулся в зону низких орбит, подставив себя под удар средств противокосмической обороны планеты? Да и вообще, зачем погнался через гиперсферу за обыкновенным транспортным кораблем, переоборудованным под разведчика?

Слишком много непонятного. Либо Огден не выдал действительной информации о событиях.

— Фрич, почему молчишь? Периодически выходи на связь.

— Занят я, капитан, не мешай. Появятся проблемы — узнаешь о них первым. — Раздраженно отозвался кибрайкер. — мне, между прочим, за такую филигранную работу в другое время приличные деньги бы отвалили…

Галакткапитан оставил его комментарий без внимания.

— Саша? — Рощин постарался, чтобы его голос звучал спокойно, ободряюще, хотя по мере приближения к поврежденному инопланетному исполину даже у него, много повидавшего на своем веку, холодок пробегал вдоль спины.

— Пока все нормально. — Ответил Положенцев. — Сигнатура,

наконец, начала делиться на составляющие. Появились детали. Инга ведет прием и запись данных.

* * *

На самом деле Инга испытывала оторопь.

Ей впервые пришлось что называется «вживую» столкнуться с космическим кораблем иной цивилизации, — эпоха великих открытий, связанных с расами логриан, инсектов, харамминов, и канувших в лету дельфонов пронеслась серией потрясающих находок еще за полтора века до ее рождения, вот, похоже, наступала новая эра откровений, теперь уже связанная с освоением Вертикалей гиперсферы.

Сознание девушки, погруженное в киберпространство, постепенно отсеивало сигнатуры различных обломков, формируя истинный облик инопланетного корабля.

Никто еще не видел ее такой, смертельно-бледной, погруженной в себя саму, а на самом деле распахнувшей сознание, связанное с сотнями датчиков разведывательного корабля навстречу открытому космосу и пылающей разноцветьем энергий конструкции, созданной существами чуждой расы.

Внутреннее напряжение Инги сложно передать словами. Она, преодолев секундную оторопь, мысленно потянулась в бездну пространства и растворилась в нем, стала частью фрагмента мироздания, будто уподобилась Эволгу — древнему существу, не имеющему привычного для нас «физического тела», а состоящего исключительно из энергий.

Тайна девушки, являвшаяся одновременно и ее приговором, сейчас позволила ей увидеть и понять многое.

К примеру, она знала все характеристики сигнатур основных боевых кораблей, как объединенного флота Совета Безопасности, так и космической техники иных, известных на сегодняшний день космических рас, то есть в данный момент она не просто фиксировала увиденное, но и проводила первичный анализ, отсеивала вероятности, приходя к единственному убеждению — корабль, к которому приближалась «Тень», являлся детищем абсолютно чуждого, незнакомого людям разума.

В его основу был положен тридцатикилометровый диск.

Рациональная конструкция с ярко выраженной клиновидной сегментацией обшивки, поделенная внутри на сотни палуб и десятки тысяч отсеков.

Однако, выгодная во многих отношения дискообразная геометрия

корпуса была нарушена, причем анализ данных показывал, что конструкция *достраивалась* — изначально корабль являлся именно той центральной, легко распознаваемой формой, а уже затем по внешнему периметру диска в наиболее тонкой его части, на специальных креплениях монтировались и постепенно наращивались пятнадцать спиралевидных, как будто *свисающих* вниз образований, в точности повторяющих друг друга по длине и форме, но не по внутреннему наполнению.

Различные спирали состояли из разных по конфигурации отсеков, внутри которых позиционировались совершенно не похожие друг на друга сигнатуры работающих в данный момент механизмов и устройств.

Один из спиралевидных отростков, надломленный примерно в первой трети своей длины (считая от крепления к основному корпусу корабля) сочился смертельно-опасным для всего живого радиационным фоном, остальные, по первому впечатлению, не несли повреждений.

Инга уже не ощущала себя человеком.

Ее сознание как будто обволакивало инопланетный корабль, окутывало его аурой восприятия различных энергий, пытаясь распознать их источники.

Кроме прочего она, конечно, воспринимала формы и любые механические действия, происходящие с ними.

«Тень» приблизилась к инопланетному кораблю на критическое расстояние.

Фрич по-прежнему демонстрировал недюжинный опыт в вопросах маскировки, фактически ежесекундно меняя настройки фантом-генераторов,[46] в соответствии с требованиями текущего момента.

Вадим, управляя «Тенью» вел разведчика на дистанции всего в сотню километров от исследуемого объекта. С такого расстояния, даже он, не принимавший участия в непосредственном изучении инопланетной конструкции, воспринимал множество излучаемых ею сигнатур.

Кроме того, Рощин постоянно держал инопланетный корабль в поле обычного для человека зрения, различая при помощи оптических умножителей огромное количество деталей внешних форм.

Наиболее примечательными конечно были пробоины обшивки центрального диска, полученные вследствие плотного огня средств противокосмической обороны Пятого Резервного.

Дыра в семь с половиной квадратных километров, с частично изломанными, частично оплавленными краями буквально выплескивала потоки энергии — именно в районе пробоины в глубинах инопланетной

конструкции работал контур генератора низкой частоты, не позволяющий ни отправить сигнал бедствия на гиперсферных частотах, ни осуществить погружение в гиперсферу в границах системы Алексия.

Вывод казалось бы напрашивается сам собой — гиперпривод исполина поврежден, контур низкой частоты продолжает работу и остается лишь выждать небольшое количество времени, пока неисправное устройство исчерпает все бортовые энергоресурсы. После этого поле, препятствующее погружению в гиперсферу, исчезнет, а противник окажется фактически беззащитным.

Рощин зафиксировал повреждения, сделав подробную запись на бортовые носители информации «Тени», для последующего изучения, когда корпус космического странника вдруг начал трансформироваться: четыре клинообразных сегмента основной обшивки попарно приподнялись относительно поверхности диска и начали смещаться в стороны, открывая огромные многокилометровые шлюзы, через которые в космос медленно выдвинулись две платформы непонятного предназначения.

— Капитан, пора уходить. — Раздался хриплый от напряжения голос кибрайкера.

— Согласен. Приготовься, я сброшу контейнеры с нанопылью.

— Побыстрее.

— Продержись еще минуту. Подготовь мне «столкновение» с ближайшим обломком, чтобы изменение курса и появление новых фрагментов вещества выглядело естественным.

— Понял… Сейчас сделаю…

— Инга?

— Все записано. — Ее голос как будто обесцветился, потерял все интонации.

…

Через минуту, когда обе платформы плавно отделились от дискообразного корпуса космического корабля, оставаясь рядом, в непосредственной близости от фрагмента поврежденной обшивки, два обломка, захваченные гравитационным полем корабля, столкнулись; один от соударения резко изменил курс, уходя к планете, от второго откололось несколько тут же рассеявшихся в пыль фрагментов.

* * *

Некоторое время спустя, когда «Тень» уже находилась в границах стратосферы Алексии, Вадим вызвал Положенцева:

— Как дела, Саша?

— Вышел на связь майор Сабуров. — Мгновенно отозвался

Александр. — С ним двенадцать пилотов. Выдвигаются к космодрому, прибудут примерно через четверть часа.

— Ты хорошо знаешь Сабурова? Он *боевой* офицер?

— Мы с ним почти незнакомы. В отличие от Балкашина он больше занимался строительством.

— Понятно. — Рощина такая новость не порадовала.

— Ты доложил ему о событиях?

— Да, по форме.

— И как он отреагировал?

— Похоже, он зол и растерян. Ничего конструктивного я от него не услышал.

— Спасибо, что предупредил. У меня к тебе просьба — загляни к Фричу, забери от него кибермодули. И отправь Ингу с Иваном в колониальный форт, к остальным. Дай им всепланетный вездеход. Справишься?

— Справлюсь.

Рощин мысленно переключил канал мнемонической связи.

— Инга?

Она откликнулась не сразу, прошла долгая пауза, прежде чем Рощин услышал ее мысленный ответ:

— Да, Вадим?

— Ты все записала?

— Конечно.

— В таком случае у тебя есть еще минут пять. Сделай резервные копии кристаллодисков. Заберешь их с собой. Сейчас Саша выделит тебе и Ивану всепланетный вездеход.

— Мы уезжаем?

— Да. Так будет лучше. Передашь резервные копии информации Илье Степановичу.

— Хорошо. Я сделаю. Только непонятно — зачем нам покидать космодром?

— Ради твоей безопасности, Инга. Тебе ведь не захочется отвечать на неудобные вопросы, верно?

Она промолчала.

— Мы увидимся? — Раздался, наконец, ее мысленный голос.

Вопрос прозвучал риторически, но Вадим ответил:

— Да. Обязательно. Когда все завершиться.

* * *

Минут через пять Вадим осуществил посадку, и только в момент, когда «Тень» коснулась опорами исковерканного стартопосадочного поля, почувствовал внезапно нахлынувшую, смертельную усталость.

Все.

Пока все…

С трудом подавив негативные ощущения, он отстегнулся от кресла, встал, спустился по выдвинувшимся ступеням открывшейся капсулы пилот-ложемента, и направился в кормовую часть машины, где располагалась аппарель.

Ступив на земную твердь, он отошел в сторону и остановился, наблюдая, как буксировщики убирают «Тень» в подземный ангар.

В рассудке галакткапитана теснились впечатления от завершившегося разведывательного вылета. Краем глаза он видел, как со стороны разрушенных построек наземного командного пункта к нему спешит человек.

Майор Сабуров… — Догадался он.

Галакткапитан повернулся, одновременно с движением стряхивая усталость, поднял забрало гермошлема, готовясь к знакомству со старшим офицером Пятого Резервного.

Вылет вымотал его скорее морально, чем физически, а день только начинался, зарождаясь блеклой полоской зари, и было абсолютно неизвестно, что он готовит.

…

Их первая встреча прошла напряженно и скомкано.

Обменявшись рукопожатием, представившись друг другу по форме, они некоторое время молчали. Вадим из соображений субординации, майор, по иным, непонятным Рощину причинам.

— Так запросто сотрудничаешь с кибрайкерами? — Наконец вопросительно произнес Сабуров.

— Для меня есть понятия несоизмеримые. — Устало ответил Вадим, менее всего настроенный сейчас затевать бессмысленный спор. — Теплых чувств к кибрайкерам я не испытываю, но когда колония подвергается внезапному удару, то для получения критически-важной информации хороши многие средства.

— Это ты, капитан, выдал ему кибермодули? — Сабуров прищурился в ожидании ответа.

— Да. — Спокойно кивнул Рощин. — Под свою ответственность из личного запаса.

— Ладно. — Майор эмоционально махнул рукой. — Обошлось и

слава Богу. Пока забудем. Что скажешь по инопланетному кораблю?

— Если интересует общее впечатление, скажу, что на борту нет живых существ. Наверное, сейчас это единственное, о чем можно говорить наверняка. В остальном требуется скрупулезный анализ собранных данных.

— Ты же мнемоник.

— И что? — Нахмурился Вадим. — Я работал в режиме пассивного приема. Зафиксировано и записано более двух тысяч ярко выраженных сигнатур, но ни одна из них не идентифицируется по имеющимся базам данных. О назначении некоторых устройств, я могу догадываться, не более того.

— Хорошо, капитан. Я понимаю, ты действовал по обстановке, не зная, жив ли кто-то еще из офицеров гарнизона. Хвалить не буду, не надейся. Через пять минут сбор летного состава на резервном КП.

Майор повернулся и молча зашагал в сторону разрушенных орбитальным ударом капониров.

* * *

События на территории подвергшегося орбитальному удару космопорта разворачивались стремительно.

Кибермеханизмы уже успели прибрать большинство обломков зданий, потушить пожары, заровнять воронки на стартопосадочных полях и взлетных полосах, но вот оплывшие от адских температур, потрескавшиеся бетонные капониры с уродливо застывшим расплавом, — останками батарей противокосмических орудий, удалось лишь накрыть маскирующей сеткой, чтобы не так бросались в глаза.

Майор Сабуров стоял на краю одного из углублений и удрученно смотрел вниз, где металл расплавило, скрутило, не давая возможности опознать ни одной сохранившейся детали.

Такого страшного, сокрушительного удара не ожидал никто.

Погиб Иван Андреевич Балкашин, связи со штабом флота не было, не работала сеть Интерстар, ни один канал гиперсферной частоты не функционировал, и вдруг за какие-то секунды Сабуров почувствовал, как вся тяжесть ответственности обрушилась на него, придавила, едва ли не приплюснув к остекленевшему и потрескавшемуся материалу сожженных капониров.

Он отслужил в ВКС двадцать лет, но никогда не воевал.

Сейчас буквально за секунды, в душе происходила страшная трансформация, чувства смешивались, теряя прежние моральные величины

и обретая новые.

Сначала ему стало одиноко и страшно.

Затем пришла брезгливость по отношению к себе самому, он попытался отпихнуть гадливое чувство, но не смог, вдруг заработавшее воображение живо нарисовало исполинский космический корабль неведомой расы, зализывающий сейчас раны в районе высоких околопланетных орбит.

Я, именно, я, а никто другой должен что-то делать, принимать решения.

Мысль ударила, как контузия.

Он медленно развернулся и побрел к резервному командному пункту, понимая, что обязан задавить свои чувства. Ему и только ему принимать решения, которые станут судьбоносными для Алексии и для двух десятков молодых галактлейтенантов, что ожидали приказа к дальнейшим действиям.

* * *

Рощин, в отличие от майора Сабурова, повоевать успел.

Испытания нового многофункционального гиперсферного аэрокосмического истребителя «Стилетто» проходили в сложных условиях звездного скопления О'Хара, где только что принятые на вооружение машины приняли боевое крещение в схватках с Дикими Семьями расы инсектов.[47]

Став в период боев неплохим психологом, он мог понять состояние Сабурова, но, являясь человеком новым на Алексии, от советов старшему по званию воздержался. Откуда ему знать, секундная растерянность промелькнула на лице командира или он действительно утратил волю и способность принимать здравые решения?

Все сейчас станет ясно.

В помещение скрытого в глубинах бункерной зоны командного пункта ничто не напоминало об орбитальной бомбардировке космического порта. Все резервные системы работали в штатном режиме, кроме того, восполняя потери спутниковой группировки, на информационные экраны транслировался непрерывный поток данных, получаемых от наномашин, распыленных в пространстве вокруг корабля неизвестной цивилизации во время разведывательного рейда «Тени».

Бегло изучив полученные в ходе разведывательного вылета сигнатуры, майор еще более помрачнел. Два десятка офицеров, прибывшие по тревоге, в основном представляли летный состав эскадрилий (на

Алексии их базировалось три, не учитывая морально устаревшие «Х-Страйкеры»), напряженно следили за действиями майора.

— Галактkапитан Рощин, кто позволил разведывательный вылет? — Резко обернувшись, задал тот неожиданный для Вадима вопрос, хотя казалось, что тема уже исчерпана.

Показательная выволочка? Глупец. Такими приемами присутствия духа молодым лейтенантам не добавишь.

Рощин сдержал недоумение, и ответил, стараясь говорить спокойно:

— Необходимость разведывательного вылета диктовала текущая обстановка. Считаю, что полученные данные и восстановление сенсорного контроля над позицией базирования инопланетного корабля не только поясняет смысл и целесообразность проведенной операции, но и позволит планировать меры по защите колонии, опираясь на *реальные,* — он подчеркнул интонацией это слово, — данные.

— Привлечение кибрайкера, его допуск к подсистемам секретного разведывательного аппарата так же продиктованы текущей обстановкой?! — Голос Сабурова дрожал, но не от негодования, а скорее от бессилия. Ответственность, внезапно обрушившаяся на него после гибели полковника Балкашина, явно не соответствовала опыту и подготовке майора, и сейчас он, придираясь к деталям блестяще проведенной разведывательной операции, не более чем тянул время.

Впрочем, он нашел в себе мужество подавить вспышку необоснованного гнева.

По глухому ропоту, раздавшемуся после его слов, Вадим понял, что пилоты ожидали от него иной оценки действий единственного офицера, сделавшего хоть что-то в условиях воцарившегося после орбитального удара хаоса.

— Хорошо, о действиях капитана Рощина поговорим потом. — Сабуров с мрачным видом повернулся к информационным голографическим экранам, куда продолжали выводиться не только визуальные изображения снятые распыленными в космосе микромашинами, но и данные по анализу сигнатур, записанные в ходе разведывательного вылета «Тени».

— Гаррисон, твое мнение?

Нед Гаррисон, — старший офицер подразделения связи, коротко обрисовал и без того понятную ситуацию:

— Пока работают низкочастотные генераторы инопланетного корабля мы не в состоянии открыть каналы гиперсферной частоты, после разрушения станции ГЧ у нас не осталось достаточно мощных устройств,

способных преодолеть противодействие и послать импульс. Гипердрайв машины класса «Стилетто» способен пробить метрику пространства на пределе мощности, но проблема состоит в том, что энергетически выгодную точку погружения блокирует инопланетный объект. У малого корабля, который попытается осуществить гиперпространственный переход в иной области системы Алексии, шансов на успех нет.

— Итак, мы блокированы. — Мрачно подытожил Сабуров. — Передать сигнал, послать аварийную капсулу не можем, заперты, как минимум на двое суток, верно?

— Да, плановые сеансы связи происходят один раз в два дня. Космодром не введен в эксплуатацию, не входит в схему боевого дежурства. Регламент режима секретности на период строительства, предполагает одностороннюю связь в виде отчетов. — Ответил Гаррисон. — Последний раз я выходил с докладом на штаб группировки сектора вчера.

— Значит, в течение двух дней помощи ждать не приходиться?

— Существует еще один вариант, — произнес Гаррисон, — генератор низких частот при указанной мощности создаваемого им поля потребляет огромное количество энергии. Не думаю, что он проработает более суток.

— Суток вполне достаточно, чтобы от колонии отсталость одно название! — Вновь не удержавшись, вспылил Сабуров.

— Разрешите? — Попросил слова Рощин.

— Ну? Слушаю, галакткапитан.

— Действия инопланетного корабля сейчас истолковываются как агрессия. Однако все произошедшее вполне может обернуться цепью роковых событий, спровоцированных действиями КРК «Пенелопа».

— Обоснуйте! — Мрачно потребовал Сабуров.

— «Пенелопа» вторглась в космическое пространство, подконтрольное чуждой расе, — начал излагать свою точку зрения Рощин, но майор прервал его:

— Однако, удар по орбитальной группировке, а затем и по Пятому Резервному направлен вовсе не на уничтожение мнимого нарушителя!

— И все же причину конфликта нужно хотя бы попытаться выяснить. — Произнес Рощин. — При мнемоническом исследовании объекта мной не было обнаружено следов присутствия на борту живых биологических существ. Корабль даже при беглом сканировании представляется полностью автоматизированным комплексом, и его автоматика вполне могла действовать в рамках определенной программы, не имеющей никакого отношения к действительному желанию иной расы

затевать войну с Конфедерацией или с человечеством в частности.

— У нас нет времени на выяснение спорных нюансов происходящего. — Резко отреагировал майор. — Вы, галакткапитан в состоянии дать гарантии, что следующий удар, вне зависимости от его побудительных причин, не обрушиться на заселенный материк Алексии?

— Нет, таких гарантий я дать не могу.

— В такой случае, оставьте свое мнение при себе. — Сабуров повернулся. — Рошар, я вижу, что вы внимательно изучаете платформы, выпущенные инопланетным кораблем. Что можете сказать по поводу их конструкции и технического предназначения?

— Ремонтные базы. — Ответил галактлейтенант, командовавший техническими подразделениями Пятого Резервного. — Вне сомнений они сейчас пытаются устранить критические повреждения корпуса, полученные при противодействии наших сил противокосмической обороны.

— Этого нельзя допустить. — Мрачно и решительно произнес Сабуров. — Рощин, вы проверяли утверждения кибрайкера?

— Да. Насколько это возможно при мнемоническом контакте.

— Что показала проверка?

— КРК «Пенелопа» занимался сбором мелких частиц, содержащих редкоземельные элементы, на краю поля астероидов, обнаруженного в границах звездной системы, лишенной признаков наличия в ней высокоразвитой цивилизации. Со слов кибрайкера атака чуждого корабля не была спровоцирована его действиями.

— В таком случае я вынужден констатировать факт агрессии. — Произнес майор. — У нас нет никаких гарантий, что, осуществив ремонт, инопланетный корабль покинет систему. Скажу больше — позволяя ему латать дыры, мы подвергаем колонию новой смертельной опасности. Я более чем уверен, что не все присутствующие согласны с моим мнением, однако приказ будет следующим: мы атакуем ремонтные платформы двумя ударными эскадрильями «Стилетто». Третью эскадрилью, укомплектованную «Х-Страйкерами», возглавит галакткапитан Рощин. Задача — прикрытие штурмовых групп. После атаки платформ при благоприятном стечении обстоятельств, приказываю нанести удар по секциям гиперпривода, после чего возвращаться на базу. Таким образом, мы воспрепятствуем ремонту, а в случае уничтожения источника низкочастотного поля — откроем каналы связи по гиперсферным частотам, и задержим агрессора в системе, до подхода оперативных сил флота Конфедерации.

Должно быть ему кажется, что все продумано блестяще…Майор нашел способ, как справиться со своим страхом … — Промелькнула в голове Рощина невеселая мысль. Он прекрасно понимал, что спорить с Сабуровым сейчас бесполезно.

Оставалось уповать на мастерство пилотов и живучесть «Стилетто».

* * *

— Артем Петрович, на два слова?

Майор Сабуров остановился. Его взгляд был злым, колючим.

— Что тебе, капитан? Мало проявленной инициативы?

Мысли Сабурова разбегались, он все еще испытывал растерянность, шок, от внезапно обрушившихся событий. В голове не укладывалось, что Балкашина больше нет…

— Артем Петрович, — Рощин был подчеркнуто вежлив, обращался не по уставу, игнорируя звания, — сказывался опыт общения с вышестоящим начальством в периоды боевых операций: обратишься, как положено — пошлет по уставу, машинально, — в такие минуты у некоторых офицеров срабатывал некий механизм самозащиты, они мгновенно замыкались в себе, принимая единоличные решения, а на любую попытку стороннего вмешательства отвечали резко, порой грубо, прикрываясь штампованным фразами, как щитом, пряча за ними свою внезапную растерянность.

— Слушаю, говори.

— Подождать бы с часок. Идет анализ собранных «Тенью» (он специально не сказал «мной» или «нами») сигнатур. Скоро проясниться структура объекта.

— А что тебе, Рощин, неясно? Назначение платформ у тебя сомнение вызывает?

— Нет. — Рощин уже понял, что старт штурмовой группы Сабуров не отменит и не задержит. — Платформы ремонтные.

— Вот по ним и наносится удар. А что до анализа остальных сигнатур, — разберемся по возвращении. И запомни: двух командиров тут не будет. Еще раз влезешь — отберу у тебя эскадрилью, поставлю рядовым пилотом, понял?

Не дожидаясь ответа, показывая, что разговор окончен, майор Сабуров развернулся и зашагал, обходя крупные обломки зданий в сторону приземистого входа в бункерную зону резервного космодрома.

* * *

Получив приказ, больше похожий на отповедь, Рощин все же еще раз

обратился к Сабурову.

Пилоты первой и второй эскадрильи «Стилетто» уже спустились в бункерную зону, когда он сумел пробиться к командиру.

— Ну, что тебе еще, капитан? — Тот остановился, руки майора не находили себе места, он не знал куда девать их, в глазах — сложная гамма чувств, и все же Рощин не изменил своего решения. В некоторые моменты плевать на последствия. Исполнит Сабуров недавно прозвучавшую из его уст угрозу, разжалует в пилоты, — пусть так, но пока не завершен анализ сигнатур — атака платформ — сущая авантюра. Неизвестно что за силами располагает противник, какую технику он бросит навстречу атакующим ремонтные платформы машинам, и в данной ситуации, Вадим не собирался отступать.

— Используйте наш опыт. — Коротко произнес он. — «Стилетто» способен сблизиться с целью в режиме «Тень». Для этого достаточно скопировать программу работы фантом-генераторов, созданную Фричем во время разведывательного вылета. Один раз сработает гарантировано.

— Применить программу, созданную кибрайкером?! — Майор поначалу даже побагровел, но затем, взяв себя в руки, внезапно согласился: — Ты прав, Рощин. Извини. Сейчас действительно нет разницы, кто именно создавал программу… Я… — Он не договорил и резко, неопределенно взмахнув рукой, прямиком направился к стартовой плите, на которой стоял «Стилетто» с бортовым номером «1».

Ну хоть здесь он внял здравому смыслу. — С облегчением подумал Вадим, поворачивая к подземным ангарам, где базировались «Х-Страйкеры».

Удар, обрушившийся на резервный космодром, уничтожил практически все наземные постройки, но он не затронул бункерной зоны, где располагалось большинство машин подразделения.

…Еще минута и шестнадцать стартовых плит с установленными на них аэрокосмическими истребителями оконтурились предупреждающими огнями.

Вадим миновал шлюзовые ворота соседнего сегмента подземных ангаров (которые позже, при завершении строительства космодрома, должны были принять функции ремонтных мастерских).

«Х-Страйкеры» на фоне «Стилетто» казались не такими грозными и мощными, но Рощин прекрасно понимал: в условиях предстоящей схватки они наверняка сыграют не последнюю роль, прикрывая тяжелые штурмовики[48] от атак истребителей противника.

«Х-Страйкеры», аэрокосмические истребители, разработанные на Корпоративной Окраине, еще недавно считались машинами, не имеющей себе равных, но время в рамках стремительного научно-технического прогресса бежит иначе, чем мы привыкли ощущать. Военно-космические силы Конфедерации естественно не могли себе позволить, чтобы серийно производимые на Окраине машины, доминировали в космосе, да и зависеть от поставок «корпоративной вольницы» ВКС не могли, поэтому в кратчайшие для условий мирного времени сроки был разработан и воплощен проект «Стилетто»…

Впрочем, история локальных рецидивов гонки вооружений интересовала только промышленников и политиков. По мнению рядовых пилотов «Х-Страйкер» и «Стилетто» идеально сочетались в бою, дополняли друг друга, и по убеждению Рощина использовать следовало смешанные пары, но его мнения никто не спрашивал.

Рассудок Вадима в такие минуты, как будто замерзал, в переносном смысле, конечно.

Страха не приходило, не было и азарта, губительного нервного ожидания грядущего, — спокойствие, сравнимое для непосвященного с безразличием, равнодушием, не имело ничего общего с перечисленными чертами характера. Короткое отключение от действительности, полное расслабление всей нервной системы не являлось приемом из какого-либо курса подготовки. Такое поведение выработалось на практике, в период службы в космическом десанте, когда случалось по несколько суток кряду не выходить из боя, и в короткие минуты затишья, внезапно приходил покой, глобальный, всеобъемлющий, дающий возможность быстро восстановит силы, не изматывая себя вопросами — а выживу ли?

Вот и сейчас, сохраняя удивительное на фоне общей нервозности спокойствие, он поднялся на борт «Х-Страйкера», и, запустив тест системы, вышел на связь с пилотами группы прикрытия.

— Ведущие пар, наша задача — прикрывать «Стилетто» после того как они демаскируют себя запуском ракет. — Тут же начал инструктировать он подчиненных ему пилотов. — Ведомым, — не отвлекаться, вы реагируете только на те цели, что несут непосредственную угрозу ведущему. При критических повреждениях машины приказываю любому из пилотов немедленно выходить из боя, предварительно доложив об этом. Запомните — технику можно восстановить, человеческая жизнь — бесценна. Вопросы ко мне будут?

— Что делать если приказы майора Сабурова будут противоречить вашим?

— Со мной можно на «ты», — ответил Рощин, узнав голос галактлейтенанта Иноземцева, — того самого дежурного офицера, что выпускал его на пробный вылет. — В космосе подчиняться только моим командам. На земле разберемся. Еще вопросы? — Он запустил двигатели, продолжая тест системы на холостом ходу.

Впереди их ждала неизвестность, и вопросы, хоть они и теснились сейчас в рассудках пилотов, не находили нужных формулировок. Для большинства из них через несколько минут предстоял первый бой, и это обстоятельство мешало сосредоточиться на чем-то главном.

Словно прочитав мысли и настроения подчиненных, Рощин, завершая контроль предстартовых процедур, продолжил короткий инструктаж:

— К инопланетному кораблю приближаемся в режиме «тень». Данные для работы фантом-генераторов загружены, что-то менять в настройках до момента атаки запрещаю. Главное в первом бою — дисциплина. В отсутствии обычной связи активнее используйте мнемоническую. Разрешаю доклады открытым текстом, противник, по моим сведениям, не способен перехватывать и дешифровывать мысленную передачу данных, да и вряд ли его интересуют дешифровки переговоров. Внимание не рассеивать, основные сведения по объекту уже получены.

Вадим понимал, первый бой изменит в душе и разуме вчерашних выпускников академии ВКС практически все.

Они вернутся другими.

Его задача — сделать так, чтобы они *вернулись* и получили это право на полное перерождение.

Решение майора Сабурова он не подвергал открытому сомнению, то есть не высказывал своего мнения относительно сомнительной, поспешной операции вслух. В душе Вадим понимал — подготовки перед атакой не произведено никакой. Задержка в час, требующаяся для полноценного анализа собранной «Тенью» информации, дала бы больше шансов на успех, на осмысленное планирование, но изменить уже ничего невозможно. Приказ отдан, принят к исполнению, а сомнения командира невольно передадутся подчиненным.

…Стены бункеров мелко завибрировали — это многотонные «Стилетто» поднимались к поверхности, затем пришла очередь «Х-Страйкеров».

Медленно уплывали вниз стены шахты подъемника.

Вот, наконец, и срез верхнего уровня стартопосадочного поля, — опаленной, все еще усеянной обломками зданий стеклобетонной равнины, по которой по-прежнему сновали сервы, убирая последствия орбитального

удара.

«Стилетто» уже взмывали в небеса, будто фантастические птицы, и тут же исчезали, словно растворялись в серых предрассветных красках.

«Х-Страйкеры» стартовали попарно: опираясь на три факела реактивных планетарных двигателей, истребители отрывались от стартовых плит, и тут же, изменив вектор тяги, стремительными росчерками вонзались в светлеющие небеса, исчезая под маскирующей защитой фантом-генераторов.

* * *

Бледный рассвет занимался в полосах тумана и прогорклого дыма.

Лес, через который вела дорога к древнему колониальному форту, стоял молчаливой, притихшей стеной деревьев, в свете фар мелькал густой кустарник подлеска, но картины природы, еще вчера успокаивающе действовавшие на Ингу, теперь воспринимались совершенно иначе.

В рассудке девушки по-прежнему стыли картины иной реальности, враждебной по ощущениям, и не понятной, по сути.

Она вновь и вновь возвращалась в мыслях ко всему пережитому за время разведывательного полета «Тени», когда ее рассудок полностью погрузился в иную, непривычную, а частью и неприемлемую для человеческого рассудка данность.

Не было ощущений новизны и восторга, напротив, соприкосновение с кибернетическими системами инопланетного корабля, несло стойкое чувство тревоги, какой-то недопонятой, но уже воспринятой на подсознательном уровне предопределенности грядущих событий.

Только сейчас, после успешного завершения разведывательной операции, когда ей удалось вопреки подсознательному страху вернуться из виртуальной среды в нормальную для человека реальность, Инга начала понемногу осознавать, что мысленно собирая потоки энергий, ощущая конфигурацию и напряженность полей, генерируемых различными устройствами созданного чуждой расой исполина, она подсознательно искала, но не находила признаков энергии биологической, принадлежащей существам, построившим огромный корабль.

Конечно, ее память не могла вместить всех подробностей, записанных на кристаллодиски, но не так уж важны детали, главное — общая картина восприятия, а она, складывалась удручающей.

— Иван, останови. — Потребовала Инга, когда всепланетный вездеход добрался до опушки древних лесопосадок.

Справа смутно очерченными контурами зданий царил не

пострадавший при ночных событиях колониальный форт, слева высился вал местами разрушенной насыпи, отделявшей космопорт от материка, а в светлеющих предрассветных небесах на смену робко помаргивающим звездам и редким частичкам унявшегося метеорного дождя, словно фантастические призраки, поднимались навстречу бледной заре едва различимые, похожие на птиц, сигнатуры истребителей.

Инга внезапно открыла дверь вездехода вышла, присела на поросший мхом пень и продолжая смотреть в небеса подумала:

Зачем? Зачем они полетели?

— Инга! — В голосе Ивана прозвучал упрек. — Холодно, простудишься.

— Отстань. — Машинально ответила она.

Стоило на миг зажмуриться, как перед глазами вставал холодный равнодушный ко всему живому, механический муравейник, — вот, наверное с чем следовало сравнить инопланетный корабль.

Они не покинут систему просто так.

Трудно сказать, что им понадобилось тут, но погоня исполина за крошечным транспортным кораблем-разведчиком, а затем, без попытки контакта — удар по спутникам, обжигающий плазменный вихрь на орбитах, не пощадивший даже нанопыли, и почти сразу — бомбардировка космического порта — это уже агрессия, прямая, неоправданная ничем не прикрытая.

Впрочем, разве не так — прямолинейно и незатейливо, без раздумий и колебаний должны действовать машины?

Ее сознание, словно окошко в сильный мороз, вдруг начало сплетать страшный узор безысходности, — едва различимые сигнатуры рванулись навстречу несоизмеримой им силе, чтобы прикрыть планету, защитить людей, в том числе и ее…

— Инга, нужно ехать. Осталось километра полтора.

— Иди пешком. Передай Илье Степановичу, что со мной все в порядке. Я доберусь сама.

— Когда?

— Когда дождусь их возвращения. — Тихо прошептала Инга.

Время ты поделила на утро и вечер,
Что рассвет, что закат — омуты тишины…
Перистых облаков нежно-алые свечи,
За минуты за шаг до пожара войны…

— Иван, я что сказала?

Он не шелохнулся. Стоял, провожая мысленном взором сигнатуры истребителей.

Глава 5

Система Алексии. 5 часов 30 минут утра…

На орбитах царил хаос.

Иначе картину, открывшуюся взгляду, обрисовать невозможно.

В одной световой секунде от планеты медленно маневрировал чуждый корабль, выдвинувший, будто щит, две многокилометровые ремонтные платформы, на фоне которых разум мнемоника воспринимал тысячи непонятных, принадлежащих неизвестным механизмам сигнатур.

Между Алексией и чуждым кораблем происходило хаотичное коловращение масс множества крупных и мелких обломков. Здесь смешалось все — и уродливые, исковерканные секции уничтоженной станции гиперсферной частоты, и обломки спутников, и фрагменты брони титанического корабля, вырванные ответным ударом батарей систем противокосмической обороны планеты.

Кроме картин, формирующихся на голографических экранах, расположенных вокруг вращающегося пилот-ложемента, личное восприятие мнемоника накладывало на обломки изрядное количество сигнатур: кое-где еще работали аварийные системы, подключенные к автономным источникам питания, в центре своеобразного «облака», которому чуть позже суждено растянуться по орбитам, пылало жаркое пятно радиоактивности от разрушенного реактора станции ГЧ.

Рощин, за истекший час совершавший уже второй вылет, подумал, что большинство обломков, особенно те, что до сих пор проявляют энергетическую активность, следует использовать в двух целях — во-первых, как временные ориентиры, во-вторых, как маскирующие элементы. В том, что после удара по платформам им придется с боем отступать к планете, капитан не сомневался. Здесь работала уже не интуиция, а здравый смысл, помноженный на знания и опыт.

Агрессивное поведение инопланетного корабля, отсутствие на борту живых существ, позволяли с высокой долей вероятности предположить, что в систему Алексии вторгся роботизированный комплекс неизвестной ранее цивилизации. Для Рощина в данный момент такое понимание являлось исключительно важным. Он уже наблюдал и пережил сброс аппаратов, аналогичных штурмовым носителям, однако ни сами посадочные модули (сбитые зенитным огнем РК-5), ни сервомеханизм,

встреченный на подступах к резервному космодрому не показались Вадиму устройствами, выходящими за рамки определенных технологий, некоего стандартного набора технических решений, если не прояснивших, то, по крайней мере, обозначивших техническую логику неизвестных ему существ.

Подобные размышления вели к единственному важному в данный момент выводу, — корабль наверняка оснащен средствами ПКО, в состав которых входят мобильные аппараты, аналогичные нашим аэрокосмическим истребителям.

Знать бы заранее, как они выглядят, проанализировать сигнатуры, понять, откуда возможен их старт, чем вооружены?

Слишком много безответных вопросов не внушали оптимизма.

Режим полной маскировки стирал, вычеркивал из глобального восприятия сигнатуры собственных машин, все же Фрич на совесть потрудился над тонкой отстройкой фантом-генераторов, — Рощин лишь догадывался по траекториям некоторых обломков, что они — ни что иное, как «Стилетто», сближающиеся с противником для проведения штурмовки.

Внутреннее моральное напряжение возрастало с каждой секундой.

Машинально управляя «Х-Страйкером» он искал на фоне растущей в подробностях, все более и более ярко выраженной общей сигнатуры корабля противника, те отдельные элементы, что могли быть ассоциированы сознанием как элементы противокосмической обороны.

Конечно, Рощин прекрасно понимал: шесть «Х-Страйкеров» не в состоянии подавить все огневые точки, обеспечить стопроцентное прикрытие штурмовых групп, но делал что мог, пытаясь предугадать развитие ситуации.

* * *

Майор Сабуров чувствовал себя в рубке «Стилетто» не вполне уверенно. Пять тренировочных вылетов, да отработка основных маневров в виртуальной реальности — плохая замена реальному боевому опыту.

Еще на земле Сабуров начал действовать, находясь состоянии аффекта, когда своими глазами увидел уничтоженный космодром, остекленевшие воронки, оставшиеся от позиций батарей противокосмической обороны; последним и самым болезным ударом по психике майора стало известие о смерти командира, и ощущение непосильного бремени ответственности, что легло на его плечи.

Решение о немедленном ответном ударе силами трех неполных эскадрилий, сейчас, на ближних подступах к объекту атаки уже не казалось

ему здравым, — тысячу раз был прав этот, только что прибывший капитан, — за час броню и поврежденные системы инопланетного корабля вряд ли восстановят, а вот подробный анализ отсканированных во время дерзкого рейда «Тени» сигнатур, позволил бы им заранее подготовиться к возможным угрозам.

Поздно.

Минута до начала атаки.

Вражеские системы слежения уже наверняка акцентируют внимание на странных обломках, чьи траектории хоть и не ведут к столкновению с платформами, но проходят в опасной близости от них.

Нервы… Нервы не выдерживали напряжения неопределенности.

Сабуров не собирался отменять атаку, но допустил непростительную ошибку, начав ее на тридцать секунд раньше…

Противник отреагировал мгновенно.

Две гигантские платформы и прячущийся за ними дискообразный корабль, оконтуренный по периметру непонятной «бахромой» таинственных спиралевидных образований, внезапно словно подернулись дымкой, подсистема анализа целей тут же дала увеличенную картинку на лобовые секции голографических экранов, — из сотен отверстий, открывшихся в обшивке платформ и корабля, в космос мощными гейзерами (иного сравнения на ум не пришло) выбрасывало сотни тысяч, если не миллионы небольших, одинаковых по форме кристаллических частиц, которые тут же, не сталкиваясь и не создавая хаоса, начали равномерно распределяться в пространстве, как бы укутывая корабль иной цивилизации дополнительным слоем материальной защиты…

Что делать?

Первые вспышки массированных ракетных запусков уже сорвали защиту фантом-генераторов, демаскировали «Стилетто».

Нет, останавливать атаку нельзя, ее нужно развивать…

Тонкому почти эфемерному слою кристаллов не остановить мощных, выпущенных с короткой дистанции тяжелых ракет.

Словно в ответ на мысль майора равномерно распределяющаяся масса кристаллов вдруг начала уплотняться по курсу траекторий выпущенных боезарядов.

Сабуров отдал мысленный приказ:

— Внимание, меняем тактику! Приказываю начать обстрел платформ тактическими ракетами! Запуск на усмотрение пилотов. После реакции кристаллов, бить в образовавшиеся бреши оставшимися «Пилумами»!

Майор правильно предугадал реакцию защитного облака частиц: как

только «Стилетто» первой эскадрильи обозначили себя множественными запусками тактических ракет, кристаллы тут же пришли в движение. Собираясь в плотные группы, они ринулись на перехват реактивных снарядов; в «вуали», закрывающей корабль и ремонтные платформы, образовались прорехи, и тут же со стороны штурмовиков последовал повторный массированный залп тяжелых, рассчитанных на поражение брони крейсера боезарядов.

Казалось, командир сделал все, что в его силах, обеспечив успех атаки в рамках внезапной, непредвиденной ситуации, но кристаллов оказалось слишком много — те, что еще оставались в «резерве» ринулись на перехват тяжелых ракет, еще мгновенье и к сверкающим в космосе вспышкам добавились первые всплески адского пламени, — это взрывались разгонные блоки не успевших разделиться боевых частей усовершенствованных «Пилумов».[49]

Половина ракет оказалась сбита в течение нескольких секунд, но часть стартовавших «Пилумов», выпущенная с небольшой задержкой, все еще двигались к цели. Некоторые из них, оснащенные термоядерными боезарядами, должны отреагировать на попытку перехвата, расчистив путь самоликвидацией боевых частей.

Однако все происходило иначе. Внезапно появившиеся новые группы кристаллов, отреагировав на запуски, мгновенно образовали сотни дополнительных «уплотнений», уничтожая вторую волну ракет путем столкновения с ними.

Сабуров почувствовал, как холодок метнулся по спине. Атака была сорвана.

Устранив непосредственную угрозу базовому кораблю, наполнив космос множеством новых обломков, микроскопические частицы устремились на перехват штурмовиков.

Сабуров уже утратил командный контроль над ситуацией, он растерялся, и тут же поплатился за секундное замешательство.

…Рой кристаллов несся на его машину, майор отреагировал слишком поздно и попытка маневра с его стороны не увенчалась успехом, — скопление металлических частиц, по которому Сабуров открыл огонь, одновременно уводя машину с гибельной траектории, рассыпалось на отдельные фрагменты, перекрыв все вероятные курсы маневрирования, затем раздались частые удары по броне, и космос вдруг начал бешено вращаться — «Стилетто», пораженный сотнями попаданий, внезапно потерял управление…

* * *

Находясь в прикрытии, Рощин не расслаблялся ни на секунду.

Внутренний взор опытного мнемоника разом «схватил» не столько саму картину происходящего, сколько ее смысл, принцип, на котором строилась оборонительная система инопланетного корабля.

Способность воспринимать энергии, в сочетании с молниеносной реакцией рассудка, тут же открыли ему суть явления.

Мгновенное сканирование полностью подтвердило интуитивную догадку, — кристаллы оказались носителями сложной структуры, которая при сканировании выглядела как микро электромеханическое устройство, оснащенное собственным малым источником энергии, что позволяло кристаллам изменять собственный вектор магнитного поля под воздействием управляющего луча… На борту инопланетного корабля работали мощные источники электромагнитных полей, одни, фокусируясь, заставляли кристаллы собираться в плотные группы, другие придавали им ускорение, третьи воздействовали на частицы таким образом, что те вдруг изменяли порядок построения, равномерно распределяясь по площади.

Все происходило в течение считанных мгновений.

Рассудок мнемоника на пике своих возможностей работал быстрее и эффективнее любого бортового компьютера, Рощин распознал суть явления, и тут же вышел в эфир, передавая приказ штурмующим эскадрильям:

— Всем «Стилетто» отходить к планете! Использовать кормовые эмиттеры активного щита!

Первая часть отданного приказа (как казалось Рощину в тот миг) выводила штурмовики из-под удара, — управлявшие кристаллами электромагнитные поля затухали, теряли характеристики с увеличением расстояния до их источника, однако уже получившие импульс ускорения металлические частицы, по-прежнему представляли серьезную угрозу, — в большом количестве они могли серьезно повредить даже мощную броню «Стилетто», и потому вторая часть короткой фразы информировала пилотов об одном из средств противодействия…

Вадима до дрожи поразила эффективность и простота защитных систем противника. Меняя конфигурацию электромагнитных полей, инопланетный корабль был способен манипулировать кристаллами, выстреливая их на перехват целей, или выстраивая некий «ложный корпус» — десятки, если не сотни возможностей боевого применения небольших по размерам частиц на миг заставили его усомниться в

уязвимости исполина…

Из миллисекундного шока его вывела губительная картина: «Стилетто» с бортовым номером «1» попал под удар «роя», мгновенно получив критические повреждения.

Секунда… Вторая… Изрешеченный штурмовик продолжал двигаться, потеряв управление, отстрела спасательной капсулы с пилотом не произошло.

Отдав мысленный приказ, Рощин бросил два «Х-Страйкера», оборудованных мощными буксировочными захватами, на спасение машины Сабурова, а сам, вернувшись к трезвой оценке ситуации, полностью погрузился в киберпространство.

Пилоты первой и второй эскадрилий, выполнив приказ, уходили к Алексии, выпущенные им вдогонку кристаллы сгорали в зоне действия активных энергетических щитов.

Ситуацию, сравнимую с разгромом, нужно было немедленно спасать. Первая, неудачная попытка атаки не исчерпала боевых возможностей «Стилетто», — приняв командование, Рощин передал короткие инструкции пилотам, вновь акцентируя внимание на зоне ближнего космоса.

Тысячи не отработавших свои программы кассетных боеприпасов дрейфовали в пространстве, смешавшись с частицами, защищающими вражеский корабль, кроме того, в непосредственной близости от платформ сканировалось семь термоядерных зарядов, с поврежденными разгонными блоками.

Разум боевого мнемоника взаимодействовал с кибернетическими компонентами не достигших целей, разрушенных ракет, передавая им инструкции к действию — секундой позже, нарушая целостность выстроенного «роем» щита, внезапно «ожили» реактивные снаряды: оснащенные собственными двигателями, они, подчиняясь воле галакткапитана, вновь ринулись к цели.

Умопомрачающая картина смешения различных сигнатур запросто могла свести с ума неподготовленного человека: реактивные снаряды включали двигатели и тут же взрывались, пораженные микрочастицами «роя», в пространстве «полыхали» видимые только мнемонику мощнейшие источники электромагнитного излучения, казалось попытка Рощина возобновить атаку обречена на провал, но он добился желаемого результата — большинство кристаллов отреагировало на угрозу, вновь нарушив упорядоченное построение, в «ложном корпусе» образовались бреши, и тогда галакткапитан отдал дистанционный мнемонический приказ на подрыв термоядерных зарядов, дрейфовавших в опасной близости от

ремонтных платформ противника.

Неистовое пламя плазменными протуберанцами метнулось среди покореженных элементов, сжигая, плавя все, что попадалось на пути: кристаллические частицы испарялись, либо превращались в бесформенные и уже трудно управляемые комья, досталось и обшивке платформ, — с нее плазменным вихрем снесло большинство надстроек, часть отверстий, откуда продолжали появляться новые частицы «роя», попросту заплавило, изнутри, взламывая обшивку платформ, ударило несколько взрывов, но главного результата добиться все же не удалось, — генераторы электромагнитных полей продолжали работать.

Довершить начатое необходимо сейчас, немедленно, иначе все усилия пропадут зря…

Частицы «роя» уже не так опасны, — метнулась мысль, — *нужно возобновить атаку, пока платформы остались без надежного прикрытия…*

Решение пришло мгновенно.

Рощин, выйдя на командный канал связи, отдал приказ, — поврежденным машинам уходить на космодром, остальным атаковать хорошо различимые на фоне иных сигнатур источники электромагнитного излучения, управляющие частицами защитного роя.

На его призыв откликнулось всего девять тяжелых машин, не считая оставшихся в распоряжении капитана четырех «Х-Страйкеров».

* * *

Вторая волна атаки развивалась не менее стремительно и драматично, чем первая.

Штурмовики легко прошли порванный в клочья, уничтоженный термоядерными взрывами заслон кристаллов, тяжелые машины проскочили мимо платформ; лазерные установки и плазмогенераторы «Стилетто» тут же проявили себя мощными, разрушительными залпами. Пилоты, подчинившись Рощину, восприняв его логику, выжигая расположенные в структуре обшивки «диска» генераторы электромагнитных полей, и тут же, совершив боевой разворот, уходили на безопасную дистанцию, защищаясь от ударов металлических частиц постановкой активных щитов, основанных на использовании логрианских технологий.

Подобная тактика в считанные минуты исчерпала бы бортовой энергоресурс «Фантома» или «Х-Страйкера», но для «Стилетто», оснащенных аннигиляционными реакторами, стремительные атаки с применением генераторов плазмы и столь же быстрый отход под

прикрытием щита высоких энергий, не вызывали затруднений.

Третья эскадрилья под командованием Рощина все еще держалась в стороне, отбивая редкие атаки со стороны отдельных скоплений кристаллических частиц.

Одна из платформ не выдержала штурмовки — ее корпус вдруг начал разламываться, большая часть конструкции, получив в момент деформации незначительный импульс ускорения, начала дрейф в сторону от инопланетного корабля, второй фрагмент задел обшивку исполина, и стал сминаться, увеличивая пробоину в корпусе «диска».

— Пилотам штурмовых групп — возвращаться на базу!

Рощин чувствовал — нельзя зарываться, — энергоресурс штурмовиков тоже не бесконечен.

В следующий миг, подтверждая его интуитивные опасения, в пространстве боя появились истребители противника.

Космические аппараты вырвались из зоны кипящих энергий, устремившись на перехват «Стилетто».

Три десятка истребителей роя (так мысленно окрестил их Вадим) имея преимущество в скорости перед совершающими маневр входа в атмосферу штурмовиками, по всем расчетам легко догоняли их.

Лишь четыре «Х-Страйкера», еще не принимавшие участия в схватке, не израсходовавшие боезапас могли если не остановить, то отвлечь их.

Вадим ждал чего-то подобного, потому и держался в стороне, чтобы иметь хоть малый резерв на случай непредвиденного обострения ситуации.

Он бросил свой «Х-Страйкер» на перехват машин противника, которые уже произвели плазменный залп по уходящим в атмосферу штурмовикам.

Атака по раскладу сил являлась самоубийственной, но существовал ли у него иной выбор? Вадим, прекрасно зная особенности «Стилетто», понимал, что штурмовики сейчас интенсивно гасят скорость, убрав под защиту корпуса все бортовое вооружение, их маневренность на коротком, рискованном участке траектории входа в атмосферу значительно снижена, и если позволить вражеским истребителям сократить дистанцию, то повторный залп плазмогенераторов станет фатальным для большинства «Стилетто».

Бросив «Х-Страйкер» на перехват истребителей Роя, он прекрасно отдавал себе отчет, что смертельно рискует. У четырех машин прикрытия был лишь один шанс, одна попытка, и нужно сказать они использовали ее в полной мере: «Х-Страйкеры» залпом выпустили весь оперативный ракетный боезапас по не успевшей рассредоточиться, все еще двигавшейся

в плотном построении группе вражеских машин, и тут же форсировали двигатели, сокращая дистанцию до вхождения в зону эффективного огня импульсных орудий.

Их атака, произведенная из-под прикрытия маскирующих полей, оказалась столь внезапной и эффективной что половина вражеских машин опоздала с противоракетным маневром. В космосе вновь засверкали частые, режущие глаз вспышки, сопровождаемые всплесками энергий, — четыре «Х-Страйкера» проскочили облако обломков, мгновенно отработали двигателями коррекции, разворачиваясь в пространстве,[50] и, удаляясь, окрыли ураганный огонь из импульсных и лазерных орудий.

Рискованный маневр достиг своей цели: бросив преследование «Стилетто» истребители Роя начали перестроение, однако добрая половина машин уже не годилась для боя, ракетные попадания серьезно повредили их, вынуждая к отступлению — часть группы сломала строй, стремясь «дотянуть» до уцелевшей ремонтной платформы, все еще прикрывавшей огромную брешь в дискообразном корпусе инопланетного корабля, и лишь полтора десятка машин легли на атакующий курс, стремясь настичь «Х-Страйкеры».

Бой в космосе на коротких дистанциях явление редкое, почти уникальное, по крайней мере так утверждали канонические учебники, однако конструктора Корпоративной Окраины по всей видимости придерживались иной точки зрения: «Х-Страйкер» являлся превосходной машиной ближнего боя, его мощное вооружение, состоящее из четырех лазеров и четырех импульсных орудий, уже не раз превосходно показывало себя при стремительном огневом контакте в пределах «прямой видимости», — вот и сейчас несколько машин противника разлетелись обломками, не успев произвести прицельного плазменного залпа, остальные резко отклонились, выходя из конуса атаки.

Исход схватки решила маневренность машин.

«Х-Страйкеры» придерживаясь построения «парами» вынужденно отработали двигателями ориентации, осуществляя очередной разворот на пределе допустимых для человека возможностей машины, в то время как беспилотные истребители противника, произвели резкое торможение с мгновенной сменой курса.

В результате Вадиму пришлось резко бросить истребитель к планете, мимо проносились сгустки плазмы, лазерные лучи задевали броню, оставляя глубокие шрамы, один из оружейных пилонов крестообразного крепления внезапно отделился и начал стремительно удаляться, на

голографических экранах появились десятки предупреждающих надписей, свидетельствующие о полученных повреждения, а он все еще доворачивал на противника, почти теряя сознание от перегрузок.

Страшная картина открылась его взору: два «Х-Страйкера», разваливаясь на части, падали к планете, и только он, да ведущий второй пары сумели завершить разворот.

Недоработка конструкторов, — мертвая зона в корме истребителей, защищенная лишь одним лазером, давала неоспоримое преимущество истребителям Роя, которые, разделившись, атаковали сразу с нескольких направлений.

— Иноземцев, уходи! Приказываю!

Рощин бросил машину в атаку, мнемонически он находился сейчас одновременно в двух критических подсистемах — коррекции двигателей и управления огнем.

Индикатор заряда накопителей энергии и счетчик боезапаса импульсных орудий стремительно падали к нулевой отметке, за пятнадцать секунд он успел поразить четыре машины противника, довернуть к спасительной атмосфере, и в этот миг его истребитель достали сразу несколько прицельных лазерных залпов.

Последнее, что запечатлело сознание мнемоника, была сигнатура отработавшей в автономном режиме аварийно-спасательной катапульты, вырвавшая пилот-ложемент из обломков «Х-Страйкера».

Он падал навстречу шару планеты, уже практически не воспринимая реальность.

* * *

Алексия. Старая дорога у леса…

В ее душе, где когда-то царила восторженная заря юности, полная нежных красок предвкушения яркой и необычной жизни, неординарной судьбы, удивительных открытий и свершений, которые еще предстояло осуществить, вот уже на протяжении нескольких лет сгущались зловещие сумерки.

Инга не верила никому и ни во что.

Она что было сил сопротивлялась собственным предрасположенностям, гасила, давила их, как могла, находя покой в одиночестве, подкармливая увядшие мечты необоснованным риском головокружительных ночных поездок при отключенном автопилоте, стремилась доказать себе самой, что жизнь возможна и без техногенной

среды, а отдельные ее компоненты, воспринимаемые, как неизбежное зло, способны подчиниться обычному человеку.

Странная позиция, полная комплексов и фобий. Для молодой женщины жизнь в постоянной конфронтации с собственной душой и рассудком, постепенно становилась нормой, прежние мечты и чаяния окончательно увядали, превращаясь в презираемые призраки, она часто бывала необоснованно зла, и придумывая разные оправдания своему поведению, потому что в глубине души все еще сопротивлялся призрак той Инги, что несколько лет назад уверенно смотрела вперед, мечтая о чистой любви и удивительных открытиях.

Грязная жизнь коснулась ее, толкнула грубо и больно, от полученного удара реальность как будто вывернулась наизнанку, пошатнувшийся разум не сумел найти точку опоры, и вслед в пропасть сорвалась душа…

Мир машин постепенно стал ее врагом.

Мир людей представлялся скопищем лжецов, спрятавших свою истинную сущность под масками.

Она бежала сюда, и жила, как в затянувшемся страшном сне, ожидая, что ее все же найдут и уничтожат.

И вот мир машин, которого она так опасалась, внезапно вторгся на просторы Алексии, навис над планетой громадой чуждого корабля, вспахал землю воронками, обострил все отрицательное, что копилось внутри, стер очарование единственного вечера, когда ее душа после многолетнего перерыва, робко, настороженно соприкоснулась с душой мнемоника — спокойной, открытой, не несущей зла.

Ей на миг показалось, что прошлое обратимо, но словно в издевку, ставя жирный крест на очнувшейся надежде пришла нежданная беда, и опять ее принесли машины, как будто ни одно существо во вселенной не в состоянии прожить без них…

Пережитое потрясение сорвало все защитные вуали, в которые так старательно куталась душа, освободило разум, дремавший под гнетом строгих запретов, когда она, затаив дыхание, следила за яркими, похожими на пылающих фантастических птиц сигнатурами, что взмывали в хмурые предрассветные небеса, навстречу неизведанному сонмищу пришлых механизмов.

Что-то случилось с ней пока «Стилетто» и «Х-Страйкеры» круто уходили ввысь, растворяясь в бледных красках рассвета, будто исчезая навеки, но разум, стряхнувший оковы запретов, не вернулся в отведенное ему узилище, он взбунтовался, непонятно почему и зачем, ведь ей не дорог никто на свете, на Алексию обрушилась не ее личная беда, и тающий в

небе след взмывших в заоблачные высоты душ не должен находить отклика среди серых красок сумеречного личного восприятия данности.

Глупцы.

Ей на секунду стало стыдно собственной мысли, но разве так необходимо плодить машины, разве нужно самим уподобляться кибернетическим системам, чтобы потом вот так вдруг, внезапно начать пожинать плоды еще одной безудержной экспансии еще одного научно-технического прогресса, вырвавшегося за рамки здравого смысла, о чем немо свидетельствовали еще истекающие горьким дымом воронки?

В первый раз за последние годы, она яростно спорила сама с собой, нападая и защищаясь, а разум, освободившийся от гнета постоянного самоконтроля, вдруг, задействовав запрещенные Ингой возможности, сам по себе потянулся туда, ввысь, где все ярче и злее обозначали себя энергетические сигнатуры, сопровождавшие разгорающуюся схватку…

И вдруг они начали падать.

Одни возвращались неуверенно и неровно, уходя к руинам резервного космодрома, будто смертельно раненные птицы, иные нестерпимыми пылающими болидами врезались в атмосферу, распадаясь на фрагменты, сгорая среди перистых облаков, и… вздрогнула душа, неровно, глухо и трепетно отозвалось сердце, что-то близкое, понятное, но забытое рванулось из глубин подсознания, стало больно, так больно, словно она сама горела в обломках аэрокосмических истребителей, и вдруг все изменилось…

Она больше не управляла собой.

Вадим, не подозревая того, пошатнул ее скепсис, если не стер, то размыл до полной неопределенности казавшийся таким ясным, неоспоримым образ врага, разбудил в ее подсознании всю память прошлого — чудовищно-страшную, и нежно-наивную, вновь швырнул ее в омут сомнений и… ушел, взмыл туда, в бездонную чернь, где, заслоняя рисунок звезд, над планетой нависло техногенное исчадие иного разума.

Лжецы и трусы попрятались бы по бункерным зонам, оставив войну машин — машинам, они сидели бы как крысы в норах, ожидая пока несостоявшийся сеанс связи с системой Алексии приведет сюда уже созданную людьми несокрушимую мощь.

Почему они не поступили так?

Ответ был ясен, но он ломал все прошлые выводы и поступки, заставлял устыдиться себя самой.

Они защищали ее. Пусть «в том числе», не выделяя Ингу среди других населявших планету людей, но защищали, рисковали жизнями,

погибали…

Ее сухие потрескавшиеся губы что-то шептали, невнятно, едва слышно, а руки не находили себе места, побелевшие пальцы вцепились в подлокотники кресла, она уже не контролировала внутренние порывы, проиграв циничную схватку со своим очнувшимся прошлым.

Инга считала боевых мнемоников жестокими лицемерами, она ждала, что однажды один из них придет за ней, но появился Рощин, возможно даже распознал ее, но вместо презрения и смерти подарил сдержанность, пытаясь улыбнутся ее колкостям…

Нет, ошибиться я не могла.

Оставалось лишь одна возможность примирения взбунтовавшегося разума, сжавшейся в комок души, и расколотого на две половинки прошлого — остаться собой, но признать, что не все вокруг трусы, лжецы и сволочи…

Как будто треснула скорлупа так долго и больно стеснявшая ее движения.

Она с болезненным наслаждением отдалась порыву, теперь уже осознанно раскрывая тщательно замурованный под запретами врожденный потенциал своего рассудка, еще не понимая, чем и как сможет помочь им — погибающим в заоблачных высотах, и вдруг…

Она сидела в водительском кресле всепланетного вездехода, полуприкрыв глаза, как не делала уже очень давно, и перед ее мысленным взором, будто последние угольки догорающего сражения, вдруг вспыхнула распадающаяся на части сигнатура «Х-Страйкера»…

Вадим.

Это была его машина, безжалостно разрубленная множеством лазерных лучей, разорванная на уродливые фрагменты серией внутренних взрывов, — аэрокосмический истребитель распадался на части уже в границах атмосферы Алексии, сердце Инги на миг остановилось, разум впитывал гибельную картину, а душа уже не искала веских причин и оснований, чтобы рванутся туда, к горящим обломкам, отыскивая среди потерявшей смысл конфигурации энергетических полей единственную искру понятной, не утратившей функционального значения сигнатуры.

Она нашла ее, вырвала из полыхающих искажениями помех — спасательную капсулу катапультированного пилот-ложемента.

Сколько раз она проходила этот обязательный тест на распознавание одной единственной, но исключительно важной в условиях любой обстановки суммы энергетических полей?

Сотни?

Тысячи?

Знание было так прочно закреплено на уровне инстинктивного восприятия, что ошибиться было попросту невозможно.

Ее побелевшие пальцы отпустили подлокотники, коснувшись сенсоров управления примитивной, но мощной машины.

Впервые за многие годы она отдала мысленный приказ:

Иван, в вездеход, быстро..!

В душе и разуме Инги царило абсолютное смятение, как и тогда, в черный для нее миг потери всех идеалов и ценностей.

Все ее внимание было сосредоточено сейчас на траектории падения пилот-ложемента сбитого «Х-Страйкера».

* * *

Сразу за зоной раскопок и изуродованным, еще дымящимся гарями лесом, за пространством, усеянным обломками механизмов, и фрагментами шляпок исполинских грибов, начиналась дорога, проложенная в распадке меж «дышащих» холмов.

Одна из форм местной исконной жизни: возвышенности, постоянно меняющие свой цвет и рельеф. Поросшие чем-то вроде мха невысокие холмы, конечно, не перемещались с места на место, но их поверхность находилась в постоянном движении — под толстым слоем меняющего цвет мха пробегали вздымающие поверхность пологие волны, словно там под пушистой «шкурой», перекатывались мощные мускулы, иногда совершенно неожиданно возвышенности покрывались воронкообразными впадинами, сквозь слой зеленого или пятнисто-красного «мха» неожиданно прорастали ярко-желтые побеги, с которых ветром уносило множество спор…

Инга иногда специально приезжала сюда, чтобы полюбоваться странными и загадочными метаморфозами иной жизни.

Сейчас ей было не до окружающих красот, к тому же многие холмы пострадали вследствие удара, нанесенного по резервному космодрому ВКС Конфедерации: мох во многих местах сгорел, обнажив бурую плотную подложку, действительно похожую на мышечные ткани, покрытые в данный момент черной от осевшего пепла маслянистой субстанцией.

Иван, занявший место в блистере всепланетного вездехода, внимательно наблюдал за окрестностями. Его внешность разительно изменилась за последние часы, андроид где-то отыскал древнюю боевую экипировку, сохранившуюся еще со времен посадки на Алексию колониального транспорта, на нем был надет полный комплект легкой

брони, на голову он умудрился натянуть шлем БСК[51] с дымчатым пуленепробиваемым проекционным забралом.

Инга отнеслась к его воинственным приготовлениям с полным равнодушием — все мысли сейчас были направлены на иное, она лишь вскользь, мельком задала себе вопрос: почему человекоподобный сервомеханизм неимоверно древней модели, не вызывал у нее тех приступов подсознательного страха, фобий, которые ей неизбежно приходилось преодолевать при контакте с иными кибермеханизмами?

Для Ильи Степановича он вообще являлся членом семьи, — равноправным существом, к которому пожилой археолог относился с не наигранным уважением, — Инга не помнила, чтобы Макрушин кричал на дройда, приказывал ему, или каким-то иным способом демонстрировал бы свое превосходство над кибермеханизмом и пренебрежение им. Нет. В крайнем случае, он мог о чем-то попросить Ивана.

Мысли Инги сбивались, путались, в душе царил хаос надломленных чувств.

Мир, где она попыталась спрятаться от страшившей ее реальности, внезапно усложнился, из тихого, простого и понятного убежища, он вдруг стал враждебным, сложным, непредсказуемым полем боя, пространством, где вскипала схватка между горсткой людей и непонятными, вторгшимися из космоса машинами, принадлежавшими неизвестной ранее цивилизации.

Почему они напали на Алексию?

Наверняка не только Инга мучительно задавала себе подобный вопрос, в тщетных поисках ответа.

Они ударили, как молот, сокрушительно, как могло показаться — безосновательно, но она-то хорошо знала: все в мире объяснятся простыми причинами, и лишь их непонимание, невозможность сразу и точно распознать мотив того или иного действия, поступка, порождает сложные, безосновательные теории, а порой и мифы.

Если бы кто-то мог сейчас заглянуть в душу и рассудок Инги, он бы задал себе закономерный вопрос: где она получила четкое представление о многих вещах и явлениях, почему оказалась внутренне готова к более или менее целостному восприятию происходящего, в то время как события последних часов ввергали в шок людей по определению более подготовленных, чем она?

Если разум принимал и анализировал данность, то в душе все было сложнее.

Инга напрямую не спрашивала себя: почему я бросилась на поиски

катапультированного пилот-ложемента?

Кто для нее Вадим Рощин?

Случайный человек, которого она едва не сбила на дороге. Мишень для колкостей, в тот вечер, что они провели вместе?

Нет, все не то.

Он боевой мнемоник, — человек с тем уровнем подготовки, что просто обязан был распознать Ингу, понять, кто она на самом деле. Но почему он так странно повел себя? Почему не попытался ее обезвредить? Зачем, рискуя собой, закрыл собственным телом во время неожиданной схватки на дороге ведущей к космическому порту?

Одно из двух — либо все, что грезилось ей — ложь, либо он радикально отличается от других…

И вот теперь она, бросившись выручать его, мучительно и осознанно пыталась ответить себе: что я должна сделать? Забыть, отринуть прошлое, поддаться порыву души, или холодно выполнить задуманное, вновь сцементировав сомнениями треснувшую скорлупу отчуждения от мира?

Она боялась. Боялась раскрыться, стать прежней, окончательно впустить в душу ростки горько-щемящих чувств, так остро напомнивших, что она жива, способна сострадать и любить, переживать за жизни других людей… Инга понимала: еще одного предательства она не перенесет.

Но как же быть?

Разве может едва знакомый человек, вдруг стать настолько небезразличным, что, видя падение объятого пламенем пилот-ложемента, предвидя его гибель, она ринулась на помощь, только сейчас где-то на середине пути задумавшись о последствиях.

Она боялась остаться без привычной защиты, сократить дистанцию…

А ведь он знал кто я. Знал, или догадывался, без разницы, главное — он не причинил зла, даже когда она провоцировала его, задевала своими, кажущимися теперь глупыми, неуместными колкостями.

Инга вела вездеход, будто в полусне, хотя все чувства сейчас обострились до крайности, но внешний мир как будто выцвел, поблек, мелькал на голографических экранах бледными, бесцветными призраками пейзажей, а сознание рефлекторно сосредоточилось на горячей пульсирующей точке аварийного маяка, в сигнале которого ее рассудок твердо и безошибочно различал ту непостижимую для обычного человека составляющую, что несла информацию о жизненном состоянии пилота.

Еще немного. Полтора километра.

Вон за тем холмом.

Иван, молча обозревающий окрестности, внезапно проявил

беспокойство.

— Инга, в десяти километрах к северу неопознанный объект. Мне его сбить?

Она мгновенно переключила внимание в указанном направлении.

Холмы и начавшийся вдруг дождь не помеха — сигнатура неопознанного аппарата, вне сомнения принадлежащего чуждой цивилизации, просматривалась ярко, четко, словно ее моментально выжгли в рассудке, запечатлев в памяти навсегда…

Аппарат, по своей форме представлявший многократно уменьшенную копию инопланетного корабля, шел на снижение к той же точке, куда стремилась она, — спускаемый модуль вдруг начал маневрировать, очевидно, его сканеры зафиксировали вездеход, и тут же два лазерных луча, воспринимаемые Ингой как зримые вишневые шнуры, полоснули по невысокой скалистой гряде, выпирающей из-под земли, словно обветренный хребет ископаемого животного.

Дымящиеся осколки камня, оставляя во влажной дождливой мороси отчетливые шлейфы, ударили в разные стороны, рухнул подрубленный у основания гигантский гриб, Инга машинально увеличила скорость, выводя вездеход под защиту выветренных скальных выступов, но прежде чем машина скрылась в мертвой для лазерных излучателей зоне, Иван, так и не дождавшись внятных распоряжений, принял собственное решение, выпустив две короткие прицельные очереди из спаренного импульсного орудия, установленного в блистерной башне вездехода.

Сигнатура инопланетного аппарата на миг стала нечеткой, ее как будто «размыло» в момент попаданий, и тут же дискообразный посадочный модуль круто пошел к земле, изменив прежнюю траекторию, рассчитанную для мягкой посадки подле упавшего среди каменистой пустоши пилот-ложемента.

Они прилетели за Вадимом. — Метнулась в рассудке Инги вполне закономерная мысль.

О возможности запоздалого контакта, с некими мифическими разумными существами, она в тот момент даже не помыслила, два лазерных луча, нацеленные на вездеход, передали намерения пришельцев без двойных трактовок.

Машины ли, живые существа (в присутствии которых Инга очень сильно сомневалась), но они вычислили место падения пилот-ложемента, и собирались взять материал для исследования, видимо определив, что именно человек, не способный самостоятельно выбраться из покореженной конструкции, является неким «ядром системы», центральным компонентом

в структуре уничтоженного аэрокосмического истребителя.

Диск, получивший несколько пробоин, косо врезался в землю в полукилометре от места падения разбитой спасательной капсулы.

Инга до предела увеличила скорость, выжимая из двигателя машины все, на что тот был способен; они появились на небольшой, окаймленной скалами пустоши одновременно: из дискообразного аппарата иной расы появилось несколько уцелевших при крушении каплевидных механизмов, а в сотне метров от них тупой нос мощного вездехода отшвырнул с пути препятствие в виде нескольких массивных валунов, и тут же началась молниеносная схватка.

Со стороны врезавшегося в пустошь модуля полоснул залп лазерных излучателей, Иван едва успел нырнуть вниз, как блистерный выступ буквально срезало с брони вездехода, вместе с импульсными орудиями, но андроид, уже четко определившийся, кто тут друзья, а кто враги, ни секунды не медля, распахнул бортовой люк, прошив пространство пустоши длинной очередью из «АРГ-8».

Если андроиду все было понятно, то Инга видела несколько иную картину. Их положение складывалось далеко не лучшим образом — два инопланетных механизма успели укрыться за скалами, а вездеход, несущийся по пустоши, представлял отличную мишень для лазерной батареи посадочного модуля.

Она решилась, — от ярости, безысходности, невозможности разрешить ситуацию как-то иначе…

Мнемонический удар невероятной силы накрыл пустошь, скалы, казалось, подернулись искажениями, автоматика вездехода мгновенно дала сбой, — автопилот вырубился вглухую, даже не успел подать сигнала о полученных повреждениях, Иван, будто манекен вывалился из раскрытого люка движущейся по инерции машины, благо, ударившись о камень, откатился в сторону, а не попал под траки гусениц, Инга едва выдержала удар, лишь неимоверной концентрацией воли удержав сознание на грани реальности, а в том месте, где потерпел крушение инопланетный аппарат, внезапно ударил взрыв…

* * *

Рощин не надеялся, что останется жив.

Катапультирование произошло со сбоем, корпус спасательной капсулы не сумел герметично замкнуть в термостойкую оболочку пилот-ложемент, и вхождение почти неуправляемой конструкции в плотные слои атмосферы грозило ему неминуемой гибелью.

В такие моменты разум работает с кристальной ясностью и невероятной скоростью. Даже осмысление собственных действий приходит чуть позже: перехватив управление двигателями спасательной капсулы, Вадим сделал единственное, что мог предпринять для собственно спасения, — он включил их, расходуя небольшой запас планетарного топлива на совершение резкого геостационарного маневра, — проще говоря, он использовал двигатели, предназначенные для торможения, чтобы уравнять скорость дрейфа спасательной капсулы со скоростью вращения планеты.

Остальное за него сделала сила тяготения Алексии.

Огромный, распростершийся внизу мир притягивал крошечный обломок аэрокосмического истребителя, но теперь он не снижался по траектории, грозившей сжечь незагерметизированную посадочную капсулу, а *падал* почти вертикально, с небольшим смещением.

Короткий импульс торможения дожег остатки планетарного топлива, началось ускорение свободного падения, — пустяк для тренированного космодесантника, если бы не заклинившая оболочка капсулы, не позволяющая выбраться из пилот ложемента, покинуть обломок истребителя, воспользовавшись сначала ранцевым двигателем скафандра, а затем встроенной парашютной системой.

На поиски выхода отводились секунды, но Рощин использовал их с толком: полностью подчинив своему рассудку кибернетическую систему, он попытался скинуть мешающие спасению оболочки, а когда это не удалось, занялся системой встроенных парашютов.

Поменяв значения задержек, он теперь мог уповать лишь на везение. Удар будет жестким, система не успеет компенсировать ускорение в полной мере, но амортизационный каркас пилот-ложемента, рассчитанный и для таких ситуаций, должен выдержать.

* * *

От места крушения спасательной капсулы с подбитого «Х-Страйкера» до космопорта было меньше часа пути, но, учитывая повреждения, полученные всепланетным вездеходом во время схватки и полный отказ его кибернетических систем, дорога заняла чуть больше времени, в течение которого Рощин окончательно пришел в себя после всего пережитого.

С Ингой они почти не разговаривали.

Она сидела подле него, держа за руку, но ее кожа была холодна, лицо — бледнее смерти, разум молодой женщины все глубже погружался в пучины непонятных Вадиму воспоминаний, и он, не зная как ободрить ее,

случайно не задев и не обидев, тоже молчал, лишь старался отдать частицу своего тепла ее ладони.

Вездеходом управлял Иван.

Удивительный образец человекоподобного сервомеханизма, как ни посмотри.

Личность, вне сомнения — личность, независимое сознание в механической оболочке, возникшее тут на Алексии, зародившееся в искусственных нейросетях андроида по мере накопления информации об окружающем мире, людях, явлениях…

Свою планету и своих создателей он… любил. Другого слова Вадим подобрать не сумел, видя, как отчаянно защищает Иван тех, кто находиться рядом с ним, как удручают его картины разрушений и погубленной природы.

Почему мы так боимся искусственных интеллектов?

Потому они как совесть — частица и отражение нас самих?

Рощин, все же чувствовал себя скверно — он то проваливался в небытие, то возвращался в реальность, под непрерывным воздействием систем жизнеобеспечения боевого скафандра, которая, как известно, способна поставить на ноги даже тяжелораненого бойца.[52]

Когда изуродованный вездеход пересек границу стартопосадочных полей Вадим уже чувствовал себя более или менее способным самостоятельно двигаться.

Он понимал, что времени на какую-то реабилитацию у него нет.

Сжав ладонь Инги, он поймал ее взгляд.

— Возвращайтесь с Иваном в форт. — Попросил он.

— Ты как? — Она как будто очнулась, вынырнула из омута своих потаенных мыслей.

— Все хорошо. — Постарался успокоить ее Вадим.

— Полетишь снова? — Тихо спросила она, наивно надеясь на отрицательный ответ.

— Полечу. — Не стал лгать Вадим. Он чувствовал себя неловко, — нужно найти слова, сказать ей что-то такое, что вселит надежду, передаст степень его благодарности, но Инга внезапно коснулась пальцем его губ.

— Не надо. Поговорим, когда все завершиться.

Рощин слабо улыбнулся, хотя уверенности, что все закончится быстро и благополучно, лично у него не осталось. Он дважды побывал подле инопланетного исполина, и успел провести свой собственный анализ его структуры.

— Обязательно. Поговорим обо всем. И том, что тебя мучит. Поверь, многие проблемы не так страшны, как кажутся.

— Ты понимаешь, о чем сейчас говоришь? — Инга взглянула на него с испугом.

— Понимаю. По крайней мере, догадываюсь. Но все между нами. — Он с трудом привстал, заставив работать сервомускулатуру боевой брони. — Обещай не делать глупостей. Возвращайся с Иваном в форт. И не включай блокировку импланта, я постараюсь связаться с тобой, если появятся хорошие новости или просто свободная минутка, ладно?

Она кивнула, порывисто встала, хотела еще что-то сказать, но передумала, коротко попрощавшись:

— Иди.

* * *

На командном пункте Рощин застал полтора десятка офицеров.

— Капитан?! Живой?! — Сабуров окинул Вадима недоверчивым взглядом. — Тебя же сбили!

— Выбрался. — Не стал вдаваться в подробности Вадим. — Скафандр помогите снять.

К нему потянулись руки. Нехитрый психологический прием, позволяющий понять степень боевого родства собравшихся офицеров и их отношение к едва знакомому галакткапитану.

Освободившись от тяжелой и наполовину нефункциональной брони, он с облегчением вздохнул полной грудью.

В глазах галактлейтенантов, составлявших костяк боевых офицеров гарнизона Алексии, он не рассмотрел обреченности, что уже хорошо…

Хотелось есть и спать, но он подавил слабость, тут же «включаясь» в работу.

— Как сам, майор? — Негромко, чтобы не слышали остальные, спросил он, подойдя к Сабурову.

— Нормально. Не сработал автомат катапульты. Спасибо, ребята твои прикрыли… выкарабкался короче.

— Что-то радикально изменилось, пока меня не было?

— Нет. Сейчас анализируем добытые тобой сигнатуры. Многое прояснил боевой вылет, по крайней мере часть объектов теперь уверенно идентифицируется.

— Много у них истребителей?

— Хватает. С полсотни еще, точно.

— Все роботизировано?

— Да. Весь комплекс функционирует в автономном режиме. Внешнюю связь корабль даже не пытался задействовать. Поле низкой частоты по-прежнему работает.

— И как полагаешь действовать дальше? — Рощин внимательно посмотрел на Сабурова, пытаясь понять, насколько изменил того боевой вылет.

— В общих чертах картина складывается следующая: одна платформа сбита, вторая повреждена, но не уничтожена. Машины противника теперь поддерживают постоянное барражирование в районе бреши. Ремонтные работы продолжаются. Часть нанопыли уцелела во время боя, информация поступает, но скудная. Десять минут назад зафиксирована резкая активация сигнатур внутри диска. Логики машинного комплекса мы не знаем, но то, что над Алексией царит боевой авианесущий корабль уже не вызывает сомнений. По нашей классификации — тяжелый крейсер. Обломок ли он былой войны неизвестных нам рас, или оставшийся «не у дел» роботизированный комплекс, брошенный на произвол судьбы бывшими хозяевами, пока неясно. Повторный мнемонический допрос кибрайкера полностью подтверждает, что его корабль вел тривиальную разведку, не совершая никаких агрессивных действий.

— Думаю «Пенелопа» попросту вторглась в ресурсное пространство, контролируемое инопланетным кораблем, что вызвало ответную реакцию боевых программ. — Ответил Рощин. — Что такое автономные кибернетические комплексы, ориентированные на войну мы знаем по опыту собственной истории. Так что в предположениях предлагаю опираться на пессимистичные прогнозы вариантов развития дальнейших событий.

— Я думал о том же. — Мрачно ответил Сабуров. — По анализу поступающих данных, я бы предположил, что готовиться готовится высадка десанта, но куда она будет направлена — неизвестно. По логике машин они распределят десантные группы по всем материкам, чтобы контролировать наибольшую возможную площадь суши.

— Необходимо изменить их намерения. — Спокойно ответил Рощин. — Акцентировать внимание на космопорте, показать очаг напряженности, явный источник сопротивления, иначе мы подвергнем смертельному риску гражданское население. С орбиты города не сканируются, маскирующие поля — разработка надежная, проверенная и временем и войнами. У нас, майор, только один шанс — добить вторую платформу, одновременно указав сканирующим системам противника точку старта.

— А затем?

— Затем держаться. Пока поврежденный гипердрайв не выкачает весь бортовой запас энергии инопланетного корабля или не выйдет срок до контрольного сеанса связи со штабом флота.

— Вызываем удар на себя?

Рощин пожал плечами.

— Есть иные предложения?

— Нужно эвакуировать людей из древнего колониального форта. Он расположен слишком близко.

— Согласен. — Кивнул Сабуров. — Вопрос: куда? На соседний материк нельзя, демаскируем города.

— А если вот сюда — Рощин указал на шапку льдов. — Здесь, насколько я понимаю, расположена полностью оборудованная полярная станция?

— Да.

— Там есть условия для проживания?

— Есть.

— В таком случае, прежде чем принимать на себя удар, нужно обезопасить археологов.

— Хорошо. Свяжись с начальником экспедиции передай мой приказ на эвакуацию. Выдели два грузовых флайбота, только пусть собираются в темпе. Медлить мы не можем.

— Я все организую. — Кивнул Рощин. — Минут пятнадцать не больше. Пока идет предстартовая подготовка «Стилетто» я успею проконтролировать эвакуацию.

Глава 6

Низкие орбиты Алексии. 7 часов 15 минут утра по местному времени…

— Рощин, почему отклонился от курса?! — Пришел гневный запрос на канале мнемонической связи.

Вадим не ответил. Мнемонику не составляет труда вмешаться в работу кибернетической системы настолько *корректно*, что потом ни один техник не докажет, что связь работала исправно.

Будь он ведомым у Сабурова, не поступил бы так, но командира прикрывают лейтенанты Хостер и Шебони.

Так получилось что из трех эскадрилий «Стилетто» после орбитального удара по космодрому и едва не завершившейся трагедией штурмовки, в строю осталось одиннадцать машин.

Вадим вылетел без ведомого, он вообще определил для себя, что станет действовать в отрыве от группы.

Сообщать Сабурову о принятом решении галакткапитан воздержался. Все же майор не настолько доверяет ему, чтобы заранее одобрить рискованную акцию.

Рощин со своей стороны, проанализировав опыт прошлой схватки, не стал указывать командиру на очередную тактическую ошибку в плане предстоящей операции.

Устраню сам… — Мысленно решил он. С истребителями Роя, что барражировали в районе пробоины, ребята справятся без его участия, Вадима беспокоила вторая ремонтная платформа. Во время прошлого вылета он пропустил момент появления истребителей противника, но зафиксировал приблизительную точку их старта. После катапультирования у него оказалось достаточно времени на анализ врезавшихся в память сигнатур, и, как думалось галакткапитану, он вычислил тот сегмент, откуда стартовали машины противника.

Информировать Сабурова, нервировать его перед боем, Рощин не стал, но в определенный момент «откололся» от строя, уводя свой «Стилетто» в сторону от рассчитанного курса.

— Майор, действуй по плану. — Передал Вадим по мнемонической связи. — Я прикрою группу от возможной атаки.

Ответа не последовало, впрочем, галакткапитан и не ждал его.

Его «Стилетто» двигался в режиме «тень», огибая уцелевшую после прошлой штурмовки платформу по широкой дуге, чтобы раньше времени не светиться перед сканерами противника.

Какие чувства он испытывал?

По-человечески было страшновато. Во время боев в скоплении О'Хара тактика аэрокосмических подразделений коренным образом отличалась от сегодняшней: схватки носили ожесточенный, но скоротечный характер, действовать в одиночку против превосходящих сил противника Рощину довелось лишь раз, да и то, он в любой момент мог ускользнуть в гиперсферу, и это обстоятельство придавало уверенности…

…Платформа внезапно окуталась уже знакомыми, кажущимися мутными гейзерами.

Мгновенный выброс миллионов металлических частиц означал лишь одно — группу Сабурова обнаружили.

Внимание Вадима сосредоточилось на показаниях сканеров, в прицеле которых находился небольшой (относительно масштабов платформы) клиновидный сегмент, зажатый между двумя выступами надстроек.

По другую сторону исполинского сооружения завязался бой между барражировавшими в районе пробоины истребителями и группой «Стилетто» расчищавших путь штурмовикам. Атака Сабурова велась с направления, где во время прошлого боя было уничтожено большинство управляющих кристаллами электромагнитных генераторов.

Есть…

На фоне распознанного вакуум-дока платформы обозначилось двадцать две сигнатуры истребителей Роя — резервная группа прикрытия, ожидавшая команды на старт в энергосберегающем режиме.

В первый момент Вадиму стало не по себе. Он все рассчитал верно, понял противника, сумел мысленно одержать верх в тактическом противостоянии, и в итоге, что дала его правота?

Один против двух десятков вражеских машин?

Вадим ментальным усилием отбросил лишние сейчас мысли. Он предполагал, на какой риск идет, и был готов действовать, не дав противнику получить явного численного преимущества в космосе.

Истребитель Рощина изменил курс, входя в сферу вражеского сканирования, Вадим сознательно отключил вуаль фантом-генераторов, ожидая предсказуемой реакции со стороны защитных систем диска.

Он не ошибся: из сотен «сопел», расположенных по периметру вакуум-дока, навстречу одинокому «Стилетто» выметнуло миллионы

кристаллических частиц, но тут же в образованной ими защитной вуали образовался свободный стартовый коридор. Еще мгновенье и через брешь в защите на простор космического пространства вырвался первый истребитель Роя — ведущая машина группы.

Противник немедленно начал атаку, но теперь грозная механоформа не представляла для галактакапитана столь серьезной опасности, как некоторое время назад, когда Рощину пришлось пилотировать «Х-Страйкер».

«Стилетто» превосходил машины, разработанные на Корпоративной Окраине, по всем характеристикам. Вадим даже не почувствовал перегрузки, когда мгновенным включением корректирующих двигателей создал боковое смещение, выйдя из-под «лобового» огня атакующей его машины, и разминувшись с ведущим группы противника оказался в узком тоннелеобразном проходе — теперь «Стилетто» не снижая скорости несся по «стартовому коридору» оставленному защитными микрочастицами для собственных машин.

Прямой как стрела тоннель оканчивался открытым зевом вакуум-дока.

Вадим успел заметить две стартовые платформы, над которыми парили в ожидании сигнала, истребители противника, в следующий миг, подчиняясь мнемоническому приказу с внешних пилонов «Стилетто» рванулись, обгоняя корабль два десятка выпущенных залпом ракет.

Рощину было некогда наблюдать за результатами произведенного залпа, — его машина отвернула, избегая лобового столкновения с конструкциями надстроек, и филигранно вписалась в двадцатиметровый зазор между щитом кристаллических микромашин, соединяющихся сейчас в подобие скорлупы — особого вида брони, непробиваемого для лазеров и маломощных кинетических орудий.

Двадцатиметровая прослойка чистого пространства между истинной броней «диска» и «ложным корпусом», образованным кристаллическими частицами Роя, была необходима, для осуществления сложных перестроений частиц, и Вадиму потребовалось все мужество, чтобы вести «Стилетто» в узком пространстве, одновременно ища выход из создавшегося положения.

Позади, за кормой истребителя, сегмент атакованной платформы содрогался от взрывов, слева, за плотным построением кристаллов угадывались сигнатуры десятка механоформ, приближающихся со стороны открытого космоса.

Вадим вел «Стиллето», одновременно решая две задачи: как вырваться из узкого пространства и уйти при этом из-под атаки десяти

машин противника? О механоформах, пытавшихся стартовать из вакуум-дока, можно забыть, вряд ли они вырвались оттуда, новая группа истребителей скорее всего осуществляла прикрытие базового корабля с иного направления, и была срочно брошена на перехват, хотя легче от этого не становилось.

Сплошная антрацитово-черная закрученная плоскими спиралями стена, отсекающая его от открытого пространства, казалась бесконечной, Рощин понимал, что стоит всего лишь перефокусировать управляющие электромагнитные генераторы, «прижать» частицы Роя к истинной броне и ему не поздоровиться.

Истребители приближались.

Они не отставали, напротив их скорость даже превышала ту, с которой шел «Стилетто» галакткапитана.

Мысль сработала на уровне интуиции — Вадим постоянно фиксировал сигнатуры электромагнитных генераторов, выстраивающих кристаллы в определенную конфигурацию. Огня по источникам электромагнитного поля он не вел, понимая, что, нарушив построение кристаллов, он тут же поплатится за это столкновением с микрочастицами, но приближающиеся истребители противника подсказали интуитивно найденное решение.

«Стилетто», не снижая скорости, открыл огонь из лазерных установок кормовой полусферы, выжигая броню инопланетного корабля там, где рассудок мнемоника фиксировал расположение управляющих кристаллами генераторов.

За кормой взвихрились облака микрочастиц, потерявших построение из-за внезапного отключения управляющих ими полей.

Десять истребителей, чья автоматика не сумела предугадать дерзкого маневра человека, на огромной скорости врезались в распухающее позади «Стилетто» облако кристаллов.

* * *

Вырвавшись в зону относительно чистого космического пространства, Рощин, наконец, получил возможность оценить общую картину происходящего.

За кормой «Стилетто» множились взрывы, потерявшие управление кристаллы рассеивались в пространстве, многотонные обломки второй ремонтной платформы, разбитой ракетными попаданиями на девять неравных фрагментов, медленно дрейфовали в опасности близости от пробитой во многих местах обшивки инопланетного корабля.

В космосе кипел бой.

Очевидно управляющие системы «диска» перешли на иной уровень противодействия: броня исполина пришла в движение, огромные сегменты сдвигались в стороны, в образовавшиеся бреши поднимались надстройки, корабль преображался, а когда трансформации завершились, Вадиму вдруг показалось, что на орбитах Алексии внезапно взошло еще одно солнце. Десятки плазменных разрядов, свивающиеся в протуберанцы, ударили, сжигая все крупные материальные объекты, находящиеся в непосредственной близости от исполинского корабля, вторя плазменным разрядам, вспыхнула и погасла сетка лазерных лучей, некоторое время в космосе буйствовали звездные энергии, а когда плазменный шквал рассеялся, вокруг инопланетного корабля простиралась зона чистого от обломков пространства, в котором под огнем стационарных лазерных установок маневрировало шесть «Стилетто», отбивая атаки десятка истребителей противника.

На полное осознание ситуации не хватало драгоценных секунд, в бою ими измеряются понятия жизни и смерти, поэтому, поддавшись внутреннему порыву, Рощин резким, энергичным маневром развернул истребитель, устремившись на строй из четырех вражеских машин, оказавшись в пределах досягаемости орудий его «Стилетто».

Однако полностью абстрагироваться от окружающего, сосредоточившись исключительно на близких целях было бы непозволительной роскошью, или роковой ошибкой, можно называть как угодно, но Вадим частью своего сознания слившись с подсистемами артиллерийского компьютера, четко фиксируя групповую цель, не потерял при этом общей картины восприятия.

Две аварийно-спасательные капсулы, хорошо различимые по сигналам маяков, падали в атмосферу Алексии, еще три машины снижались без маневрирования, остальные, связанные боем, пытались прикрыть товарищей.

На фоне продолжающейся схватки разум мнемоника воспринимал громаду инопланетного корабля как вулкан с множеством кратеров: из десятков пробоин брони истекали энергии, повреждения внутренних подсистем «диска» не поддавались мгновенному осмыслению, обе ремонтные платформы были уничтожены, да и истребители, продолжавшие бой со «Стилетто», являлись, как понял Вадим, последним резервом исполина.

Кроме прочего внутри инопланетного корабля ясно обозначилась невидимая ранее, мощнейшая сигнатура, распознанная рассудком, как

исполинский термоядерный реактор, лишившийся части защитных оболочек…

…Два курсовых импульсных орудия «Стилетто» дробно завибрировали.

На убийственно-короткой дистанции Рощин отчетливо видел, как снаряды врезаются в броню крайней в строю вражеской машины, пересекая ее корпус по диагонали, как моментально раскаляется от соударений обшивка истребителя, как вдруг от нее начинают отлетать крупные фрагменты… еще секунда, и инопланетная механоформа попросту развалилась, разлетаясь во все стороны уродливыми обломками.

Орудия продолжали бить не смолкая, не смотря на тревожные индикационные огни перегрева импульсных ускорителей, пока еще одна истребитель противника, не потерял управление, уйдя в беспорядочное вращение.

Две оставшихся механоформы рванулись в разные стороны, выполняя синхронный маневр, уходя из-под огня, а сзади к «семерке» Рощина, угрожающе проносясь мимо рубки, уже тянулись лазерные разряды… это ведущий группы, с которым Вадим еще в начале атаки разошелся на встречных курсах, теперь пытался атаковать его, пристраиваясь «в хвост» «Стилетто».

* * *

Если бы бой проходил в границах атмосферы, у галакткапитана появились бы определенные сложности, но космос давал широкую свободу маневра.

Противоперегрузочне системы «Стилетто», предохраняющие пилота во время резкого маневрирования, связанного с интенсивным торможением и разгоном, прекрасно зарекомендовали себя еще в период боевых испытаний машины, — богатый опыт боев в скоплении О'Хара позволил Рощину действовать спокойно, без излишней нервозности — он верил машине, ощущал ее каждым нервом, и «Стилетто» преданно реагировал на мнемонические команды, отвечая пилоту полной взаимностью.

Сканеры гнали в рассудок галакткапитана множество информации различного толка, фактически не фильтруя данные, и ему приходилось волевым усилием абстрагироваться от некоторой части информации, сосредотачивая внимание на отдельных фрагментах боя.

Ведущий истребитель Роя продолжал упорно преследовать машину Рощина, прикрываясь от ответного огня лазеров кормовой полусферы «Стилетто» щитом из подтянувшихся к нему кристаллических частиц, еще

две механоформы, вынырнув из облака, образовавшего на месте уничтоженных плазменными ударами обломков ремонтных платформ, начали угрожающе сближаться с машиной галакткапитана, следуя в правом и левом пеленге, слепящие росчерки лазерных разрядов и короткие разряды плазмы проносились все ближе к обшивке, теперь они били с трех сторон, замыкая истребитель Рощина в своеобразную «пирамиду» из огненных трасс, без надежды на резкий маневр для смены курса.

Еще секунда и его сожгут…

Жить или умереть, превратиться в облачко плазмы или рискнуть, преодолевая овладевший рассудком инстинкт самосохранения, требующий еще одного вдоха, хотя бы ничтожно-малого отрезка жизни и бесплотной надежды…

Вадим резко бросил машину в плоский разворот, отвечая огнем импульсных орудий.

«Стилетто», не потеряв скорости, продолжая двигаться в пережнем направлении, стремительно развернулся ответив противнику огнем из импульсных орудий и генератора плазмы.

В рассудке Вадима болезненным ощущением внезапно отозвалась потеря мощности, его все же настигли два плазменных разряда, потоки ионизированного газа сумели прожечь броню, вызвав отказ правой двигательной установки, но взгляд поймал совсем другие визуальные ощущения — доворачивавший на него истребитель, попав под снарядные трассы импульсных орудий, едва не протаранил «семерку» Рощина, лишь чудом разойдясь со «Стилетто» на встречных курсах.

Вадим успел заметить огромную рваную пробоину в лобовом скате брони вражеской машины, и тут же его внимание вновь сконцентрировалось на управление — поврежденный двигатель грозил взрывом, и он без колебаний отстрелил его, запоздало подумав, что теперь, потеряв ход, он вряд ли сумеет уйти от убийственной атаки двух продолжающих преследование механоформ.

Еще один маневр, с немыслимой для «классического» пилотирования перегрузкой вырвал машину Рощина из-под скрещивающихся лазерных разрядов, на этот раз у него не потемнело в глазах, напротив космос налился красками, стал багряным, словно глаза вдруг застила кровавая пелена…

Вырвавшись из-под огня, он получил несколько драгоценных секунд, фиксируя ближайшую к нему механоформу, как вдруг увидел стремительно проносящиеся почти впритирку с корпусом «Стилетто» пунктирные снарядные трассы, выпущенные из импульсных орудий.

Сбоку полыхнул взрыв.

— Командир держись, — раздался по связи хриплый, надорванный голос Положенцева.

Жив…

Вадима друг охватило бескрайнее чувство безмятежного покоя, будто вся вселенная сейчас принадлежала только ему. Он смотрел, как растут очертания трех приближающихся машин эскадрильи, и молчал, не в силах выдохнуть ни слова…

Это чувство не передать словами.

Его можно только пережить — когда видишь знакомые до боли контуры своих истребителей, и невольно, подсознательно, тревожно считываешь маркеры, узнавая тех, кто выжил…

…

Лишь два «Стилетто» вышли из боя неповрежденными.

Вадим, оценив состояние своей машины, отдал приказ на возвращение, сам задержавшись на минуту в опасной близости от инопланетного корабля.

С «диском» происходило нечто неординарное.

Рощин не мог понять, зачем инопланетный корабль ударил плазмой по окружающим его обломкам ремонтных платформ.

Расчищал пространство? Для чего?

Не смотря на предельную моральную усталость, он продолжал сканировать исполинский объект. Множественные повреждения обшивки, позволяли системам сканирования поникать вглубь непонятных структур, считывая недоступные ранее сигнатуры.

Энергетическая «подсветка», исходящая от исполинского термоядерного реактора, выделяла одни матрицы распределения энергий, стушевывала другие, но полезной информации Вадим почерпнул немного: с определенностью он заметил, что в доступных для дистанционного исследования отсеках более нет ни единой сигнатуры истребителей.

Зато внутри исполина формировались множественные энергетические сгустки, они зарождались в районе реактора и непонятным образом начинали медленное, неторопливое движение от центра к периферийным отсекам.

Смысл происходящего ускользал от понимания.

Затем начались события, не требующие специальной мнемонической подготовки для фиксации происходящего.

Обшивку «диска» в наименее поврежденной части внезапно прорезали две трещины, и от инопланетного корабля начал медленно

отделяться гигантских размеров модуль, со стороны похожий на дольку апельсина.

Одновременно с образованием зазоров, обозначивших габариты отделяемого модуля, по всему периметру «диска» пришли в движение спирали образующие непонятную «бахрому».

Они отделялись от инопланетного корабля, устремляясь к границе атмосферы Алексии.

…Злобный предупреждающий сигнал, напомнил Вадиму о неисправности двигательных систем его машины.

Дальнейшее наблюдение становилось рискованным, и он, отстрелив все имевшиеся на борту контейнеры с нанопылью, развернул «Стилетто», готовя истребитель к атмосферному маневрированию.

* * *

Машины садились неровно.

Накал второго боевого вылета достиг той точки, когда без повреждений уже не возвращались.

«Стилетто» Рощина не смотря на отказ одного двигателя, и задержку с входом в атмосферу, коснулся взлетно-посадочной полосы одним из первых. Вадиму не удалось выпустить посадочные опоры, и осуществить посадку в «вертикальном» режиме, пришлось воспользоваться резервной системой многоосного шасси. Садиться на покрытую мелкими воронками, остекленевшую от энергии плазменных ударов ВПП было рискованно, но иного выхода не оставалось.

Как только литые колеса шасси коснулись полосы, машину несколько раз ощутимо встряхнув, тут же рывком начало уводить вбок; Рощин с трудом справился с управлением, остановив «Стилетто» метрах в двадцати от мощного стеклобетонного отбойника, ограждающего стартопосадочное поле.

С ноющим визгом сервоприводов открылся пилот-ложемент, но сил встать едва хватило.

Основной шлюз заклинило, поврежденная подсистема герметизации корпуса никак не хотела воспринимать, что истребитель уже не в космосе, и отказывалась открывать внутренний люк из-за многочисленных пробоин во внешнем корпусе шлюзовой камеры.

Вадим, едва способный соображать после неимоверного напряжения смертельной схватки, не стал тратить силы на пустые пререкания с автоматикой, — машинальным мысленным усилием, которое вышло как-то само собой, он *взломал* заупрямившуюся подсистему.

Внутренний люк, наконец, скользнул в сторону, а вот вместо внешнего осталась огромная оплавленная по краям неровная дыра, размером побольше человеческого роста.

Вот куда попал разряд плазмы…

Трап естественно не выдвинулся, и Вадим спустился по аварийной лесенке, хлипкой и ненадежной, приходилось прижиматься к корпусу «Стилетто» невольно рассматривая иссеченную лазерными попаданиями, покрытую язвами от плазменных ожогов испещренную выщерблинами броню истребителя.

В эти секунды пришло теплое чувство к машине выдержавшей невероятную по напряжению схватку.

Скольких они потеряли?..

Ноги коснулись земли, и Рощин без сил опустился на оплавленный стеклобетон, взглянул на укрытое дымкой испарений утреннее солнце, ощущая ненормальное отчуждение, равнодушие ко всему миру, — это был не покой, а именно отчуждение, когда четко и недвусмысленно понимаешь, что жизнь, или быть может душа, дающая силы жить, остались там, среди холодных россыпей звезд, горячечных вспышек ураганного огня лазерных батарей и плазмогенераторов противника, среди рвущих броню очередей импульсных орудий, среди схватки между горсткой истребителей и сонмищем вторгшихся в систему Алексии механоформ.

Взлетно-посадочное поле вновь содрогалось от басовитого гула планетарных двигателей, Вадим хотел приподнять голову, чтобы взглянуть, кто садиться вслед за ним, но не смог — не хватило сил, зато до обоняния внезапно дошел пряный запах травы и земли, — среди остекленевшей равнины чудом сохранился фрагмент газона, безжалостно вспаханной колесными шасси его «Стилетто»…

Жизнь.

Как она пуста и прекрасна.

Окснер… Он никогда больше не увидит галактлейтенанта, потому что «пятерку» разорвало взрывом у него на глазах, и у Давида не было шансов катапультироваться.

Он все же приподнял голову.

Садилась «тройка» галактлейтенанта Положенцева.

«Стилетто» даже не выпустил шасси, лейтенант направил изуродованную машину на полосу и сел «на брюхо», высекая снопы искр, оставляя за истребителем глубокую дымящуюся борозду.

Рощин не помнил, как вскочил на ноги и бросился к севшей в аварийном режиме «тройке» Положенцева.

Со всех сторон звучали лишние, неуместные в роковой зловещей наступившей вдруг тишине сирены, группы пожарных и медицинских сервомеханизмов мчались к *изуродованному* «Стилетто», но первым у истребителя оказался Рощин.

Он по прежнему был в скафандре, только откинул забрало боевого шлема, и даже не попытавшись задействовать автоматику севшей машины, пользуясь молекулярными присосками, полез прямо по горячей роняющей окалину броне, — Саша по какой-то причине не сумел задействовать атмосферные двигатели и совершил посадку на аварийном приводе планетарной тяги.

Наверху, в средней части машины, где под многослойной броней располагалась пилотажная кабина, зияла дыра.

Верхние сегменты брони истребителя оказались пробиты, разломаны, разорваны, превращены в уродливые, кажущимися неправдоподобными *клочья*, — до этого момента Рощин не мог себе даже представить, что керамлит можно изуродовать подобным образом.

Он, не колеблясь, стал спускаться в пробоину, оказавшись под сводом рубки управления, прямо над сомкнутой капсулой пилот-ложемента.

— Саша, живой?!..

Секунда тишины показалась Вадиму вечностью, а когда пришел слабый, едва слышный ответ сердце едва не остановилось в груди от неистовой радости.

— Живой…

…

Положенцева извлекали из намертво заклинившего противоперегрузочного устройства минут пять, не меньше, и все это время, он, не отрываясь, смотрел в глаза Рощину и говорил, слабым, прерывистым голосом, словно боялся не успеть высказать все мысли, что накопились в бою:

— Вадим… Мне удалось отсканировать истребитель Роя… я подошел к нему метров на тридцать… Внутри не сканируется ничего живого. Они — чистые киберсистемы… Механоформы… — Он умолк собираясь с силами, на губах Саши внезапно выступила кровь, вообще, то, что он остался жив и сумел посадить «Стилетто» граничило даже не с чудом, а какой-то запредельной для понимания мистикой… В рубке большинство приборов были попросту уничтожены, и галактлейтенант вел истребитель на посадку, применяя исключительно прямую мнемоническую связь с уцелевшими, подсистемами.

— Я сумел отсканировать некий командный центр… — вновь

заговорил Положенцев, собравшись с силами. — Ты понимаешь меня Вадим?.. Ответь — понимаешь?

— Да. Говори спокойнее. Тебе сейчас нельзя…

— Мне сейчас все можно… — слабо усмехнулся окровавленными губами Антон. — Запомни, управляющий узел расположен в хвостовой части машины. Ищи — не найдешь. Там даже выступа обшивки нет… Вот возьми… — Он сумел поднять руку и вытащить один из чипов постоянного запоминающего устройства своего боевого скафандра. — Здесь все данные сканирования… С ними возможно бороться на равных. Нужно только перепрограммировать системы огня а когда берешь управление на себя целиться в определенную точку… Одно попадание и все. Уже не противник, а просто масса металлокерамики…

— Саша, я все понял. — Вадим взял микрочип, не упомянув, что нет больше истребителей, о которых говорил Положенцев, зато появились новые проблемы.

Спирали, снижающиеся в атмосфере Алексии, и похожий на дольку апельсина огромный сегмент, отделившийся от базового корабля иной расы.

Глава 7

Полярная станция южного полюса Алексии.

Девять часов утра местного времени…

Там, куда ее привезли, искрился снег. Замерзшее море дыбилось торосами льда, со стороны синевато-белого, ослепительного простора дул сильный, принизывающий жгучим холодом ветер.

Небо сиреневое, ясное, безоблачное опрокидывалось над головой хрустальным куполом, и тем удивительнее выглядели искрящиеся в воздухе мелкие, колючие снежинки.

Наверное, частицы ледяной крошки, приносимые ветром, — подумала Инга, зябко, безрезультатно кутаясь в нелепое, не подходящее ей по размеру пальто.

Полярная станция, куда эвакуировали всех гражданских, оказавшихся на момент атаки инопланетного корабля в опасной близости от космопорта, продолжала функционировать в автоматическом режиме, осуществляя контроль над погодой, производя автоматические замеры, необходимые для других климатических систем, расположенных на освоенных людьми континентах.

Сюда, в стылую реальность полярного дня, не долетали даже отголоски событий, происходящих за тысячи километров от станции, но Инга, вернувшись в тепло приспособленных под временное жилье ангаров, где стояла законсервированная техника, не чувствовала себя в безопасности. Напротив, здесь все казалось еще страшнее, чувства, мысли как будто обострились от жгучего холода, больше не возникало желания лгать себе, пытаясь поддерживать иллюзию уверенности, что все разрешиться самой собой, без ее участия.

Оставаться тут, среди ледяного безмолвия, среди едва знакомых, испуганных людей, не знающих чем себя занять, уже через час после прилета изнывающих от неизвестности, выглядело для Инги настолько нелепым, противоестественным, что принимать решения стало намного проще, словно все, что было в ней натянутого, настороженного, наигранного, превратилось в хрупкую наледь и тут же сломалось, осыпаясь ледяной крошкой.

Она вновь вышла из тепла на холод.

Ветер кусал незащищенные одеждой участки кожи, жег щеки, от стужи немедленно занемели пальцы, но Инга не хотела возвращаться в ангар, где даже словом перемолвиться не с кем, — о чем она станет говорить с бесцельно бродящими среди древних, хранящихся тут с незапамятных времен машин, людьми, когда те не скрывают облегчения и страха, создавая жуткую эмоциональную атмосферу притаившейся в темных уголках ангара безысходности. Это чувство быстро выползает из потаенных уголков сознания, заполняет мысли, изменяет речь, ломает поведение, — долго ли смогут они пребывать в неизвестности?

Скорее всего, уже через сутки или даже раньше, здесь наступит полное уныние.

Инга внезапно поняла — почему.

Те, кто был способен принять обрушившуюся беду, взглянуть в глаза своему страху, — они остались, чтобы принять бой на орбитах планеты.

Почему же она оказалась тут? Что заставило ее ступить на борт транспортного флайбота?

Не страх. Скорее опасение собственного безрассудства, страх перед жгучим желанием активно вмешаться в боевые действия, и тем самым выдать столь тщательно скрываемую тайну…

Инга едва не расхохоталась от мечущихся в сознании мыслей.

Можно подумать, что Вадим ни о чем не догадался. Промолчал, не задал неудобного, ранящего вопроса, но ведь понял все отчетливо.

Чего же я страшусь теперь?

Рука Инги скользнула за отворот одежды, извлекла из-за пазухи тонкий футляр, из ударостойкого экранирующего металлопластика.

Открыв его, она несколько секунд смотрела на притаившиеся в мягких гнездах кибермодули, затем, прямо тут на пронзительном ветру, решительно сняла неотличимую от естественной кожи длинную тонкую заглушку из пеноплоти, обнажая гнезда пяти дополнительных имплантов, расположенных против обыкновения на запястье левой руки.

Установка кибернетических модулей отняла почти минуту: пальцы озябли и не гнулись, но как только гнезда имплантов оказались в контакте с кибернетическими расширителями сознания, холод исчез, она престала ощущать его, погружаясь в иную реальность, — ее рассудок, и без того воспринимавший близкие и явные сигнатуры, как будто очнулся, мгновенно получив возможность улавливать даже слабые, приглушенные огромным расстоянием эманации энергий.

Там на резервном космодроме вновь с коротким разбегом в небо взмывали похожие на фантастических птиц сигнатуры аэрокосмических

истребителей.

Ничего не изменилось.

Я никогда не убегу от себя самой.

* * *

В космосе кипел бой, когда в чистом безоблачном небе над арктическим побережьем появились сотни плазмоидов.

Инга, увидела их прежде, чем почувствовала: сознание, сконцентрированное на далеких, блеклых, смазанных сигнатурах, не сразу сумело абстрагироваться от напряженного восприятия событий, происходящих за сотни тысяч километров от затерянной во льдах научной станции, и лишь когда сквозь полуприкрытые веки пробился ультрафиолет, она вздрогнула, резко приходя в себя, возвращаясь из невообразимой дали, в реальность скованной вечной мерзлотой земли Жан-Поля Вервью…

На мгновенье ей стало жутко: полярная ночь растворилась в резком сиянии, рассудок, переключившись на восприятие ближайших энергий, едва не «ослеп»: небосвод от края до края пересекало сонмище медленно снижающихся, полыхающих в мнемоническом восприятия как ярчайшие прожектора, сигнатур одинаковых как братья-близнецы энергетических сгустков.

Первая мысль отдавала паникой: ей почудилось, что плазмоиды нацелились испепелить небольшую, затерянную во льдах научную станцию, едва вмещавшую всех беженцев с материка.

Но нет.

Она ошиблась. Сгустки энергии плыли мимо, снижаясь над океаном.

Жуткая, величественная, зловещая и непонятная картина.

Она стояла, не в силах сдвинуться с места, колючий морозный ветер, несущий поземку кристалликов льда, сек руки, лицо, и таял на бледной коже капельками воды.

Она, не отрываясь, смотрела в небо. Энергетические сгустки, снижавшиеся как волны пришедшего из космоса сюрреалистического прибоя, плавно останавливали полет, паря над торосами бесконечной ледяной пустыни.

Вслед им, фактически на пределе ментального восприятия, появились слабые, невыразительные на фоне ослепляющей засветки, сигнатуры материальных объектов.

Инга могла лишь только наблюдать, и ее рассудок потянулся навстречу необъяснимому явлению.

Она еще не подозревала, что стала первым свидетелем наступления

новой эпохи, нового вызова, брошенного беспощадным космосом едва окрепшему Содружеству…

В данный момент, невероятным напряжением сил, используя все возможности рассудка, она смогла понять, различить лишь одно: диск исполинского инопланетного корабля, отбив очередную атаку, внезапно сбросил спирали обрамлявшей его «бахромы».

Не поддающиеся осмысленному сканированию спиралевидные образования снижались так же плавно, неторопливо, как и плазмоиды, казалось, что их поддерживает, обволакивает незримым полем некая сила, источник которой находился на борту корабля иной расы.

Понять, что означает разворачивающееся перед ней действо, Инга не могла.

Напряженно сияющие сгустки энергии парили в десяти-пятнадцати метрах от ледяного панциря, сковавшего южный полюс планеты, лед под ними таял, курясь маревом испарений, ночь, превратившаяся в призрачный день, взрывалась гейзерами пара, над торосистой равниной зарождались шквалистые порывы ветра, а плавно снижающиеся спирали вдруг начали разделяться на сотни сегментов…

Плазмоиды, покачивающиеся под порывами ветра, внезапно пришли в движение.

Инга уже не ощущала холода.

Мир физический перестал существовать для нее, от буйства энергий, что концентрировались неподалеку, разум сжимало тисками пульсирующей боли, по телу пошла испарина, но сознание впитывало невероятные конфигурации распределения энергий, картины происходящего впечатывались в разум, она как будто превратилась в бездушный регистрирующий аппарат…

Распавшиеся на сегменты спирали прекратили снижение на высоте одного километра.

Непонятно, что за сила удерживала их в воздухе, Инга смутно различала расширяющийся конус исполинского луча, накрывающего сотни квадратных километров…

Плазмоиды, разделившись на группы, образовали кольцевые построения, закружили пятьюдесятью хороводами, вспарывая лед; над образовавшимися на глазах Инги полыньями воздух вдруг стремительно начал закручиваться смерчами, поднимая, будто насосом, тонны воды.

Зрелище по-прежнему не поддавалось здравому осмыслению, действие чуждых, пришедших из космоса сил, не находили аналогий в человеческом рассудке, вокруг творилось что-то невероятное: пятьдесят

тугих, вращающих по часовой стрелке конических воронок, окруженные плотными облаками извергающегося во все стороны пара, поднялись на высоту ста метров, — как будто тугие пуповины, скрученные из воды, связали сейчас океанские глубины и небесную высь…

Инга даже не чувствовала — дышит ли она.

Действующим неподалеку силам не было никакого дела до одинокой, застывшей на берегу океана человеческой фигурки.

На ее глазах водные столбы начали сливаться друг с другом, их осталось только пять, но теперь плазмоиды распределялись по всей высоте достигших пятисотметровой высоты смерчей, словно на вырванную из океана водную массу надели плотные, напряжено сияющие браслеты, набранные из энергетических сгустков.

Что они делают?!..

Мысленный вопрос требовал ответа, и рассудок откликнулся перебором немногих хоть как-то логически обоснованных вариантов.

Что ценного в воде океана?

В действиях порождений иного разума должен, обязан присутствовать практический смысл. Она интуитивно не сомневалась в этом ни на секунду, но что все-таки вершиться на ее глазах?

В памяти внезапно промелькнули обрывки когда-то усвоенных знаний: вода мировых океанов содержит в растворенном виде большинство химических элементов!..

Да, безусловно, вся таблица Менделеева, в тех или иных пропорциях, плюс огромное количество органики, которой хватало даже в холодных арктических водах, к тому же в поднятых столбах воды наверняка шел огромный объем поднятого со дна грунта…

Они, таким образом, добывают ресурсы?

Мысль оборвалась.

Разделившиеся на сегменты спирали поднялись выше, пять столбов начали сближаться, и одновременно мысленное, мнемоническое восприятие энергий нарисовало перед внутренним взором Инги начало нового процесса: парящие в небе модули образовали некую структуру, и в насыщенном паром воздухе вдруг возникла, начерченная миллионами лазерных лучей объемная модель километрового диска, с четко обозначенной внутренней структурой: она видела множество отсеков, каких-то агрегатов, трубопроводов, и других, непостижимых для человеческого взора деталей, элементов…

Все происходило достаточно быстро, — поднятая из океана масса воды начала заполнять границы вычерченной лазерами модели, бледный

конусный луч, исходящий из космоса, задрожал, будто в нем сейчас проходили информационные потоки, передаваемые параллельными световыми каналами, конфигурация плазмоидов вновь изменилась, теперь от них, внутрь пойманной в ловушку массы воды били тонкие ветвистые молнии, и внезапно в самом центре модели начало образовываться твердое тело!

Слой за слоем, молекулы нужных веществ, выделенные из массы воды, накладывались друг на друга тонкими пленками, тут же твердея, приобретая физические свойства кристаллических решеток, и Инга, внезапно поняла: в нескольких километрах от нее работает исполинский аналог устройства, принцип которого был известен человечеству уже на заре космической эры.

Еще до начала Великого Исхода в эпоху бурного, взрывообразного развития компьютерных технологий, на Земле появились первые устройства, названные в ту пору 3Д-принтерами.

Суть технологии заключалась в воспроизведении созданных на компьютере трехмерных моделей, в физических материалах. Способом послойной пространственной молекулярной «печати» создавались точные литьевые формы, различные твердотелые образцы деталей, затем с развитием технологии удалось создать новые устройства, которые в процессе послойного создания трехмерного объекта воплощали в соответствующих материалах не только форму, но и содержание предмета — промышленные 3Д-плоттеры выпускали уже не модели, а действующие устройства, с внутренней структурой проводов, изоляторов, микросхем…

Послойная «печать» использовалась и в области медицины, где научились послойно наносить живые клетки, добиваясь создания живых органов, годных для трансплантации.

Следующий шаг был сделан с изобретением молекулярных репликаторов, принцип действия которых до сих пор используется в синтезаторах продуктов, и небольших высокоточных производствах особо ответственных деталей различных механизмов.

Все это вихрем пронеслось в сознании девушки, как только ее разум сумел провести аналогию, найти зацепку, объясняющую суть происходящего на ее глазах процесса.

Она со всей очевидностью поняла верность постулата о том, что сколь не разнились бы пути развития космических цивилизаций, они неизбежно станут использовать одни и те же законы физики, явления, облекая их в формы непонятных с первого взгляда, но все же подчиненных общим

закономерностям технологий.

И еще Инга с содрогание осознала, сколь велика опасность, грозящая Алексии.

Стремительный процесс, который она наблюдала, во многом превосходил достижения человеческой науки. Скорость, с которой воссоздавался объект, принцип добычи, разделения и использования химических элементов, технология энергообеспечения процесса, — все выходило за рамки знаний и возможностей научно-промышленных комплексов Содружества…

…Дальнейшие события повергли Ингу в окончательный шок.

Воссозданный в небе Алексии километровый диск поглотил небольшое количество плазмоидов оставшихся после его производства, затем, через открывшиеся в обшивке отверстия, внутрь были втянуты сегменты распавшихся спиралей, и новоявленной техногенный объект, начал самостоятельное движение, вновь поднимая миллионы тонн воды из образовавшейся во льдах полыньи.

В небесах появилась еще одна партия плазмоидов, а над поверхностью промерзшей земли сетка лазерных лучей уже чертила объемные формы новых моделей.

Сначала Инге показалось, что в работе исполинского устройства произошел сбой, — лазеры срезали выступающие из-подо льда отроги скал и на выровненной площадке появились трехмерные очертания фантастических зданий, образующих геометрию улиц… но заполнение этой модели материалом так не завершилось, остановившись процентах на двадцати, словно внутри диска кто-то сменил программу.

Она даже не шевельнулась когда в сотне метров от нее падали подрезанные у основания, выветренные глыбы камня, а затем в гробовой тиши с отчетливым потрескиванием на берегу начали свой рост величественные здания чужеродной архитектуры, так и оставшиеся незавершенными, поднявшиеся всего на два-три метра…

Возможно, ее спасла полная неподвижность и машинальная мнемоническая защита.

Исполинский, созданный у нее на глазах километровый диск внезапно поднялся на высоту в пятьсот метров и медленно поплыл в сторону материка.

Инга, словно очнувшись от наваждения, бросилась к ангарам полярной станции, подле которых стояли два транспортных флайбота.

Иван, ты мне нужен, срочно! — Передала она мнемонический приказ, открывая люк одного из транспортных кораблей.

О произошедшем на ее глазах нужно было срочно сообщить Вадиму.

Инга больше не испытывала сомнений. Пусть он узнает, кто она на самом деле, пусть думает о ней что угодно — главное сейчас передать информацию!..

* * *

Район Пятого резервного космодрома. Спустя пятнадцать минут после посадки «Стилетто»…

Рощину повезло: за неотложными делами он даже не успел снять боевого скафандра, пришлось отдавать срочные распоряжения сервомеханизмам, — четыре уцелевшие в бою «Стилетто» буксировали в подземные ангары, аварийно-спасательные капсулы транспортировали в медицинский модуль бункерной зоны, галакткапитан приказал срочно убрать с поверхности все, представляющее какую-либо ценность, и оказался прав в своем предчувствии.

Не шел у него из головы тот сегмент, что отделился от инопланетного корабля и на протяжении четверти часа совершал сложный маневр входа в атмосферу Алексии.

Вадим постоянно наблюдал за загадочным объектом, внутри которого при помощи имплантов различалась мощная энергетическая сигнатура, от работы автономного реактора термоядерного синтеза, но разобраться в истинном предназначении отделяемого модуля Рощин так и не сумел. На фоне основной сигнатуры не выделялось признаков работы иных подсистем, не сканировались отдельные механоформы, значит, версия высадки десанта вроде бы отпадала.

Он как раз наблюдал, как смыкаются мощные наклонные ворота подземного ангара, куда убрали поврежденный «Стилетто» Положенцева, когда объект, находящийся уже в границах атмосферы, вдруг резко изменил курс, снижаясь в направлении «РК-5».

Несколькими секундами позже сотни тысяч микроскопических плазменных сгустков, словно косой ливень хлестнули по площади Пятого Резервного.

Такого не придумаешь, не увидишь в самом жутком сне.

Проливным дождем, сбиваемые с курса шквалистым ветром, капли плазмы хлестали по зданиям, стартовым полям, взлетно-посадочным полосам…

Сеть ветвистых молний мгновенно соткала замысловатое, смертельное кружево, озаряя хмурое облачное небо, по земле стлался

жидкий огонь; призрачно-голубое сияние, словно тончайшая пленка, обволакивало контуры предметов, воздух горел, исполинские смерчи возникали в секундных порывах пламени и тут же рассыпались, опадая хлопьями сажи.

Бронескафандр едва держал защиту.

Галакткапитан Рощин в момент начала атаки находился на КПП.

На его глазах первые сгустки плазмы ударили по уцелевшим зданиям космодрома, взрываясь причудливыми сплетениями молний, электрические разряды, ветвящиеся меж рушащимися стенами, мгновенно вызвали глобальный сбой в кибернетической сети, не выдерживала никакая защита, не спасала экранировка, глухие толчки и подземные взрывы болезненно возвестили, что электростатические пробои достигли отдельных узлов бункерной зоны.

Рядом с контрольно-пропускным пунктом полыхали два эндоостова андроидов технической поддержки.

— К ангарам! — Машинально отдал Вадим мнемонический приказ всем находящимся вне укрытий сервомеханизмам, затем ударом ноги выбил заклинившую дверь, рядом не выдержав разлившегося по нему жидкого пламени, брызнуло осколками тройное бронестекло, и в помещение ворвался нестерпимый жар.

Микрогенераторы электромагнитного щита, способные отклонить и рассеять как сгустки плазмы, так и порожденные их ударами электростатические разряды, работали на пределе мощности, так что энергии едва хватало для усилителей сервомускулатуры, он выскочил из проема выбитых дверей и побежал через стартовое поле, мимо полыхающих машин, остановившихся, объятых пламенем сервомеханизмов, чувствуя, что прорывается через ад…

Плазменный шквал продолжал бесноваться.

Под ногами коварно проминался размягчившийся от температуры стеклобетон, пульсом крови билась единственная надежда, не дающая сойти с ума при неработающих имплантах, — Вадим сознательно не включался в мнемоническое восприятие, понимая, что ничего не сумеет различить среди буйства всеуничтожающей энергии.

Удар нанесен не с орбиты.

Плазменные сгустки слишком малы, чтобы преодолеть толщу атмосферы.

Он подбежал к плотно сомкнутым наклонным воротам подземного ангара, — их механизм заклинило, изнутри сочился дым, Вадим, не теряя драгоценных секунд, воспользовался аварийным люком, рассчитанным под

габарит человека в бронескафандре.

Оказавшись в дымном сумраке первого уровня бункерной зоны, он с облегчением понял, что перекрытие выдержало, и защита в основном не подвела, кое-где из смежных помещений выталкивало дым, часть дверей, ведущих в тоннели, перекрывали герметичные аварийные переборки, но главное: «Стилетто» с бортовым номером «07» возвышался темной обтекаемой массой, — полностью готовый к старту он ждал лишь пилота.

Пережитое минуту назад не поддавалось осмыслению.

Рощин и не раздумывал над этим. Рассудок навсегда запечатлел, как энергетический *ливень*, обрушившийся на космодром вмиг сжег все находившиеся вне ангаров и укрытий механизмы, исказил контуры зданий, превратив остатки наземной инфраструктуры Пятого Резервного в остекленевшую от адских температур пустошь.

Выжил ли кто-то еще?

Вадим уже находился в рубке. Мнемонический контакт с кибернетической системой «Стилетто» возник мгновенно, как только закрылся внешний люк шлюзовой камеры, словно лепестки раскрылись оболочки противоперегрузочной камеры, два механических манипулятора подняли тело в бронескафандре, филигранно поместив человека в захват пилот-ложемента, сегменты обшивки начали вставать на места, и в ту же секунду разума коснулся сначала сигнал, переданный личным логром Вадима, а затем по мгновенно сформировавшейся мнемонической сети пришли еще два доклада:

— Борт «02» на связи.

— Борт «17» — идет предстартовая подготовка.

Рощин едва ли сумел бы сейчас выдавить хоть слово.

Лишь благодаря мнемонической связи он отдал короткий приказ:

— Парни, взлетаем. Носитель где-то над нами. Атакуем его…

Напряжение моральных сил сжимало горло.

Рассудок работал на пределе возможного. Ни один автопилот в таких условиях даже не вывел бы «Стилетто» из ангара.

Человеческий фактор сейчас, по справедливости, решал все.

Защитные системы заработали одновременно с включением кибернетических компонентов машины.

Логр, притаившийся на груди, сейчас моделировал не только матрицу рассудка пилота, ткал невероятно сложную сеть взаимодействия между разумом Вадима и исполнительными подсистемами, кроме прочего он служил надежным резервным хранилищем множества программ.

По мышцам ударила короткая дрожь.

Боевые метаболические стимуляторы на мгновенье помутили рассудок, чтобы через секунду даровать ему кристальную ясность мышления.

— Ноль седьмой, начинаю старт. При отсутствии связи, делать как я.

Пытаться открыть ворота дистанционной командой бессмысленно.

«Стилетто» озарился серией лазерных разрядов, многотонные ворота ангара, размягченные адской температурой бушующих снаружи энергетических вихрей, в которые трансформировались потоки микроплазмоидов, рухнули, открывая взгляду разлившееся над космодромом холодное бледное пламя, рассеченное изломанными, нестерпимо-яркими вспышками молний.

Еще десять-пятнадцать минут такого прессинга, и вся структура бункерной зоны, будет уничтожена на всю глубину.

Мощь, брошенная на уничтожение Пятого Резервного, ужасала.

Ни одна машина не сумела бы в таких условиях стартовать с поверхности планеты, и должно быть модуль инопланетного корабля работал по цели совершенно спокойно.

Впрочем, какие эмоции способна испытывать исполнительная машина?

«Стилетто» вздрогнул: первая порция активного вещества аннигилировала в зоне реактора, мгновенно дав слабую, пока сдерживаемую тормозной системой тягу в резервных планетарных двигателях.[53]

Как будто истребитель напряг мускулы, словно зверь, подобравшийся перед рывком.

Вадим ощущал его каждым нервом каждой клеточкой своего мозга.

Полное абсолютное слияние. Все подсистемы работают под мнемоническим управлением, потоки данных текут через логр, лишь сила воли галакткапитана сдерживала сейчас «Стилетто» в недрах ангара на отрезке короткого пандуса.

Рощин мысленно представил предстоящий маневр, пока все давалось достаточно легко, но как только истребитель вырвется из подземного укрытия, на осмысление ситуации и принятие решений будут отводиться миллисекунды…

Плавный нарастающий рывок ускорения.

Защитное поле неистово запульсировало, отражая, рассеивая беснующиеся потоки энергии, Вадим на миг как будто ослеп, но истребитель, подчиняясь четко сформулированной мысли, уже на срезе

короткой наклонной дорожки резко увеличил тягу двигателей, слепящим росчерком пронесся над расславленными озерами стеклобетона и, набирая высоту, почти вертикально пошел вверх, пробив клубящиеся мятущиеся под порывами неистового, ураганного ветра облака.

Двигатели планетарной тяги, казавшиеся избыточно мощными, сейчас показали все, на что способны поднимая машину по траектории, сравнимой с ракетным запуском. Четыре секунды понадобилось «Стилетто» на преодоление энергетического ада, но даже за эти краткие мгновенья, часть освобожденных разрушением микроплазмоидов энергий сумела пробить защиту, вызвав не критический, но предельный нагрев обшивки.

Иной разум, пославший модуль своего корабля на уничтожение инфраструктуры космодрома, кем или чем бы он не оказался в действительности, не рассчитывал на противодействие — внизу клокотал *ад*, и появление трех истребителей, внезапно вырвавшихся из него, фактически противоречило теории вероятности.

— Ноль второй, вижу цель. Даю координаты.

«Стилетто» Рощина уже шел в конусе атаки.

Оказавшись над сегментом инопланетного корабля, который Вадим мысленно окрестил «Сеятелем», он совершил боевой разворот, устремившись на вражеский модуль, с верхней полусферы.

Все произошло быстро, настолько быстро, что разум боевого мнемоника не успел вкусить торжества победы: с трех разных направлений к похожему на дольку апельсина «Сеятелю», низвергающему расходящийся широким конусом поток микроплазмоидов, ударили ракетные залпы, подкрепленные лазерными разрядами и зримыми трассами снарядов курсовых электромагнитных орудий.

В небесах Алексии вспух титанический огненных шар, от эпицентра взрыва в разные стороны выметнуло скрученные в тугие спирали протуберанцы, три «Стилетто» разошлись на пересекающихся курсах, и устремились ввысь, набирая высоту и формируя построение звена.

Пятьдесят секунд, прошедшие от старта до завершения атаки, спрессовали в себе невероятное напряжение мнемоников, сейчас оно схлынуло, и Вадим, осознав только что произошедшее, ужаснувшись, наконец, тем энергозатратам и беспощадности нанесенного по космодрому удара, не стал рисковать, — обломки «Сеятеля» уже рухнули на опаленную плазменными вихрями землю, мгновенно восстановленная связь с наномашинами, распыленными в районе орбит, показывала, что диск инопланетного корабля никак не отреагировал на потерю.

— Возвращаемся. — Коротко передал Рощин. — Идем на запасную

полосу.

* * *

Нам предстоят титанические битвы…

Мысль пришла после того, как «Стилетто» Рощина прошел над стертым с лица земли резервным космодромом.

После плазменного дождя начался натуральный ливень, наэлектризованный воздух рвали ветвистые молнии, косматые облака, кое-где закручивающиеся локальными циклонами, низвергали потоки воды, а от остекленевшей земли с шипением били гейзеры пара, — все это сливалось в единую картину, пополняясь в восприятии мнемоника медленно бледнеющими пятнами термальных аномалий.

Две хорошо замаскированные аварийные взлетно-посадочные полосы и связанные с ними, вырезанные в толще базальтовых пород ангары, не пострадали при массированном ударе.

Там хранился небольшой запас активного вещества, некоторое количество сменных трансформирующих модулей, и был запаркован двухместный учебный «Х-страйкер».

Вадим машинально посадил «Стилетто», дал подсистеме автоматической рулежки задание на парковку машины в ангар, а сам погрузился в совершенно безрадостные мысли.

Праздновать победу над противником — не лежала душа.

Прошло всего лишь пять часов с момента появления в системе инопланетного корабля, пять часов, спрессовавших столько событий, что накопленная информация вдруг начала складываться воедино, — вырисовывалась некая предварительная, неполная схема истинного устройства и предназначения чуждого корабля.

Итак, на его борту имеется гиперпривод, далее — неизвестная разновидность термоядерной энергетической установки, формирующей устойчивые заряды плазмоидов, корабль изначально был оснащен полусотней истребителей прикрытия, десятками десантно-штурмовых модулей, двумя универсальными ремонтными платформами и отделяемым сегментом «Сеятеля».

Сканирование не обнаружило присутствия на борту биологических форм.

Корабль, скорее всего, полностью автоматизирован и ориентирован исключительно на войну.

Вадим только сейчас, непроизвольно обобщая данные, обратил внимание на закономерность — чем яростнее они атаковали диск, тем

жестче становилось сопротивление.

Почему не наоборот?

Отчего сегмент Сеятеля был пущен в ход только сейчас?

Если бы инопланетный корабль сразу пустил в ход ужасающий своей мощью атакующий планетарный модуль, то краткая история героического сопротивления Пятого Резервного завершилась бы едва начавшись.

Машинная логика? Эргономичность? Адекватность ударов в соответствии с нарастающим сопротивлением?

Вероятно.

Вадима не пугал, но настораживал сегмент «Сеятеля». Анализируя потенциальные возможности установки «плазменного дождя» он пришел к выводу, что модуль изначально рассчитан на уничтожение глубоко эшелонированных, занимающих огромную площадь оборонительных сооружений или планетарных баз.

Те, кто построил диск, ведут войну. И их противник, судя по отработанным способам борьбы с ним, базировался или базируется на планетах, создавая мощные укрепленные районы, занимающие немалые площади. Явная энергетическая «избыточность» нанесенных по космодрому ударов, наводила на мысль о битве машин с машинами. Для уничтожения биологических форм был бы избран иной тип оружия, плазма в том примени, что продемонстрировал «Сеятель», идеально подходит для уничтожения роботизированных комплексов. Высокие энергии, сопутствующие удару мощнейшие электромагнитные импульсы, электростатические пробои, способные проникать на километровую глубину, пронзать кору планеты, пробивать перекрытия горизонтов и уровней до попадания в грунтовые воды, и тогда — полный аут…

Рощин попробовал представить зону космического пространства, где противостоят друг другу подобные роботизированные комплексы, и невольная дрожь пробежала мурашками по спине, неприятно стянула кожу на затылке.

И это происходит где-то рядом… почти у границ освоенного космоса.

Пока он размышлял, мысленно формируя выводы для доклада в штаб флота, «Стилетто» уже остановился посреди разметочного круга, и сегменты противоперегрузочного кокона закрывавшего пилот-ложемент, начали медленно расходиться в стороны, к бронескафандру потянулись манипуляторы, страховочные устройства отключились и две механические «руки», осторожно приподняв галакткапитана, поставили его на пол рубки управления.

* * *

Снаружи его уже поджидал Денис Иноземцев.

Забрало его гермошлема было поднято, осунувшееся лицо — бледнее мела, но в глазах метались искры упрямого жизнелюбия.

— Что скажешь, лейтенант? — Вадим устало присел на ступеньку выдвижного трапа.

Иноземцев присел на корточки, так что протестующее взвизгнули сервомоторы боевой экипировки.

— Так жутко еще никогда не было. — Честно признался он. — Взлетали, будто через фотосферу звезды…

К ним подошел Мак-Корер.

— А ты что думаешь, Стивен?

— Нужно добивать диск, командир. — Ответил галактлейтенант.

— Добивать?!

— Не думаю, что у них остались истребители. Да и этот адский модуль наверняка существовал в единственном экземпляре.

— У нас тоже не густо. — Рощин обвел взглядом пять оставшихся машин. Четыре «Стилетто», один учебный двухместный «Х-страйкер», и все…

Наступившую паузу нарушил сигнал, тревожно прозвучавший в рассудках боевых мнемоников.

Они переглянулись.

Объект. С северного направления.

Подтверждаю… Сигнатура искажена… Сильные помехи после удара по космодрому…

Это гражданский флайбот. — Уверено высказал свое мнение Рощин. — *Одна из двух машин, на которых эвакуировали жителей поселка археологов.*

— Денис, Стивен, наружу. Постоянно пытайтесь связаться с автоматикой машины. Укажите автопилоту на резервную посадочную полосу, иначе разобьется.

Оба галактлейтенанта без лишних вопросов бросились выполнять приказ.

Рощин покинул оборудованный в скалах ангар последним. Он остановился на краю посадочной площадки и, мысленно сконцентрировавшись, послал ментальный запрос:

Инга?

Секундой позже пришел ответ:

Да, Вадим, это я! Механоформы высадились у научной станции.

Что с людьми?!

Они вне опасности. Но у меня очень важная информация!..

Снижайся по двум мнемоническим сигналам. «РК-5» больше не в состоянии принимать корабли. А лучше передай управление автопилоту.

Нет уж. — В мысленном голосе девушки появились хорошо узнаваемые нотки упрямства. — *Сама справлюсь. Встречайте.*

* * *

Ингу выслушали внимательно, не перебивая.

Когда она завершила рассказ о событиях, произошедших на ее глазах, Вадим, потребовал внимания.

Учитывая, что сейчас в ангаре находились только мнемоники, он не стал рассуждать вслух, изложив свои мысли относительно корабля пришельцев при помощи мнемонической передачи данных, и подытожил:

— По всему получается, я ошибался. Корабль, блокировавший Алексию, конечно полностью автоматический, но он — не специализированная боевая единица гипотетического флота.

— Почему?

— Репликатор начал на моих глазах срезать рельеф и возводить город. — Поддержала мнение Рощина Инга. Она включила кибстек и продемонстрировала голографическую модель руин, которые удалось раскопать за несколько лет работы. Затем для наглядности поделила сферу воспроизведения на две половины, показав для сравнения запись, сделанную буквально пол часа назад.

— Совпадения до пятидесяти процентов. Репликатор начал возводить город, похожий на тот, чьи руины скрыты под пустошами. Вот почему мы не нашли при раскопках никаких предметов, только остатки стен. Колония не состоялась. Но у нас появился факт: репликаторы уже однажды преобразовывали поверхность Алексии. Это было несколько миллиардов лет назад.

— Интересно получается. Судя по записи репликатор начал воспроизводить программу, потом его грубо оборвали, переключив на другие модели?

— Программа построения города, преобразования рельефа, — его истинная задача. — Убежденно произнесла Инга.

— Ты можешь показать модели, на реализацию которых его переключили? — Спросил Вадим.

— Конечно. — Инга мысленно командой перенастроила кибстек.

Странные механоформы… — Подумалось Вадиму. — *Не понять на выполнение каких задач они ориентированы.*

— Еще что-то удалось записать? — Обратился он к Инге.

— Да, уже во время полета. Репликатор, создав несколько механизмов, вновь начал выравнивать площадку и опять попытался заняться объемной печатью каких-то зданий, но его снова прервал управляющий луч с базового корабля.

— Вот что, ребята. Если «диск» и был когда-то мирным терраформером, то могу поручиться, что за время своих скитаний меж звездных систем, он столкнулся с проблемами, вынудившими его радикально перестроиться. Город, что мы увидели в модели, — это лишь случайно уцелевший фрагмент устаревшей базовой программы. Я считаю, что мы столкнулись с самоорганизованным анклавом машин, ведущим борьбу «за выживание». Хуже всего, что наши потери невосполнимы, а вот в распоряжении механоформ есть средство воспроизводства техники и ресурсов.

— Выход?

— Есть у меня одна идея. — Рощин не торопился, все еще обдумывая пришедшую ему в голову мысль. Подняв взгляд, он посмотрел на лейтенантов, затем на Ингу. — Дело в том, ребята, что разбираться, в тонкостях миллионолетней истории, создавшей сегодняшнее положение дел, увы, не нам. Через два-три часа, если репликатор перестанет «глючить», спасать население Алексии будет некому. Машины не знают жалости, они не соизмеряют цели и средства их достижения. Мы уже проходили подобное однажды.

— Конкретно, командир… Может сбить репликатор, и…

Рощин отрицательно покачал головой.

— Репликатор движется в сторону «РК-5», верно, Инга?

— Да.

— Его не трогаем. Если оправдается версия самоорганизованных анклавов машин, оставшихся в «наследство» от древнейшей из известных цивилизаций космоса, Конфедерации предстоит столкнуться с противником, какого еще не знала история развития человечества. Репликатор необходимо сохранить для исследования.

— Как же тогда действовать? — Спросил Иноземцев.

— У нас осталось четыре боеспособных машины. — Ответил Рощин. — На «Стилетто» установлены логрианские генераторы «Вуали». Не мне вам объяснять, что при помощи этих устройств, искривляя метрику пространства, древние расы на миллионы лет изолировали от остального

космоса шаровое скопление О'Хара. У нас есть шанс проделать то же самое с инопланетным кораблем. Для этого потребуется перенастроить генераторы «Вуали», но, замкнув «диск» в кокон искривленной метрики, мы нейтрализуем воздействие излучаемого им поля низкой частоты и тогда «Х-Страйкер», — Рощин кивнул в сторону двухместной учебной машины, — получит возможность совершить гиперпространственный переход.

— Кто будет управлять «Х-Страйкером»? — Спросил Мак-Корер.

— Решим чуть позже, — уклончиво ответил Вадим. — Сейчас мы возвращаемся в бункерную зону космодрома. Там остались раненные пилоты, нужно обеспечить их безопасность, к тому же мне необходима помощь технических сервов и Фрича, без него не удастся в короткий срок перенастроить генераторы. На все у нас два часа максимум. Все, ребята, выдвигаемся, — это приказ. Детали обсудим перед стартом.

* * *

Бункерная зона «РК-5»…

Рощин покинул криогенный зал госпиталя в подавленном настроении, только утвердившись в своем решении о попытке прорыва блокады.

Десятки автономных капсул, за толстыми стеклами которых замерла жизнь тяжело раненых людей, оставляли гнетущее впечатление.

Криогенный сон не лечит, он лишь замедляет агонию, предлагая отсрочку необратимых событий.

Если бойцы не получат квалифицированной помощи, их организмы начнут медленно истощаться, постепенно используя внутренний ресурс.

Бессмысленно сейчас разбираться, что послужило причиной преступной халатности, почему камеры низкотемпературного сна пришли не укомплектованными нужным количеством биологических материалов.

Сколько еще потребуется жертв?

Исполинский корабль чуждой космической расы продолжал генерировать поле низкой частоты, ни один импульс аварийного гиперсферного передатчика не мог в таких условиях уйти в аномалию, и силы немедленного реагирования, появившись в системе Алексии, попадут в ту же ловушку.

Казалось бы, сказать себе: Рощин остынь. Ты сделал все что мог. Сиди и жди помощи, завтра тут появятся силы флота.

Он отчетливо представлял себе картину неумолимо грядущих событий: силы флота будут брошены на прорыв к планете, несколько часов

ожесточенного боя с сонмищем реплицированных истребителей, лишь умножат список потерь, в конечном итоге все завершиться массированной атакой на корабль чужих, но прежде чем созреет решение, пройдут все согласования по применению аннигиляционной установки «СВЕТ» сколько еще изуродованных пилот-ложементов падучими звездами войдет в атмосферу, да и что станет с Алексией после удара антивещества?

С такими мрачными мыслями он вошел в командно-диспетчерский пункт бункерной зоны резервного космодрома.

— Командир, Фрич сбежал.

Рощин остановился, тяжело посмотрел на Иноземцева.

— Когда это произошло?

— Сразу после удара «Сеятеля».

— Есть какие-нибудь следы? Куда мог податься кибрайкер?

— Следов нет, но в районе колониального форта минут десять назад было зафиксировано несколько плазменных разрядов. Там появились непонятные пока механоформы. Было слышно несколько очередей из «АРГ-8».

— Хорошо, я сам проверю. — Вадим уже мысленно вызвал боевой вездеход. — Занимайтесь предварительной подготовкой машин. Особое внимание — гиперприводу «Х-Страйкера».

— Понял, сделаем. — Иноземцев взглянул на галакткапитана и уточнил: — Встречаемся в резервных ангарах?

— Да.

* * *

На подступах к древнему колониальному форту действительно происходили некие странные, зловещие события.

Над сгоревшим лесом в воздухе парило до двух десятков подковообразных механоформ, между выступами каждого из объектов напряженно сиял, искрился небольшой плазмоид, изредка необычные аппараты стремительно приближались к одному из укреплений древнего форта и разряжали плазменные сгустки с короткой дистанции.

Рощин заметил застывший на дороге дымящийся после нескольких попаданий плазмы всепланетный вездеход. Видимо на нем Фрич, выбравшись из камеры, пытался удрать.

Вадим, облаченный в боевой скафандр, решил не рисковать — покинув боевую машину, он, пользуясь мимикрирующими свойствами экипировки, быстро добрался до интересующего его крыла укреплений, увидел распахнутую дверь, и через нее попал внутрь древнего сооружения.

Глухая, отдающая эхом очередь из «АРГ-8» послужила ему хорошим ориентиром.

— Иван?

— На связи. — Мгновенно отозвался андроид.

— Действуй, как договорились.

— Понял.

* * *

— Фрич, у меня к тебе вопрос.

Огден обернулся на голос.

Они встречались лишь раз и то в киберпространстве. К удивлению Вадима Фрич оказался сухопарым стариком, на вид ему было лет восемьдесят не меньше.

Кибрайкер в свою очередь окинул взглядом Рощина, на миг встретился взглядом с глазами Вадима, в которых читалась лишь безмерная усталость, да лихорадочный блеск, которого, по мгновенной оценке кибрайкера, стоило опасаться.

Присев на опустевший кофр из-под израсходованного боекомплекта, галакткапитан осмотрелся по сторонам.

Бронестекло выбито. Окно, больше похожее на амбразуру, оплавлено, вся пластиковая мебель — современница колониального транспорта, — сгорела, превратилась в бесформенные комья, а вот оружейные контейнеры устояли, выдержали мгновенное воздействие высоких температур.

— Когда ко мне обращаются таким уставшим тоном, я предпочитаю отвечать. — Усмехнулся кибрайкер, так и не покинув своей позиции, — механоформы могли в любой момент подняться в очередную атаку.

— Пусть мое состояние тебя не беспокоит. Я выдержу столько, сколько будет нужно.

— Не сомневаюсь. — Фрич был даже рад, что Рощин неправильно понял его иронию. Когда рядом с тобой боевой мнемоник, явно находящийся где-то на грани между нервным срывом и элементарным яростным безумием, на его вопросы нужно отвечать быстро, и не задумываясь. Иначе есть риск получить такой ментальный удар, против которого не устоит ни одна защита. Тут даже на кибермодули, уповать особо не приходилось.

— Объясни мне, почему корабль, гнавшийся за «Пенелопой» не поднял тревогу в пространстве десятого энергоуровня? Как вы проскочили систему Ожерелья?[54]

— Мы не проходили через пространство Первого Мира. — Не

задумываясь, ответил Фрич.

— Поясни. — Рощин все еще задавал вопросы спокойно, сдержано.

— Все просто, капитан. — Произнес кибрайкер. — Когда я понял, что «Пенелопа» прочно подцепила «на хвост» этого инопланетного монстра, мне подумалось: Фрич, мнемоники Конфедерации тебя порвут, когда разберутся с ним. Приволочь в пространство десятого энергоуровня боевой корабль иной расы, да еще будучи кибрайкером… Знаешь мне по сути все равно, за что распнут, но тут гарантия неотвратимости наказания показалась мне двухсотпроцентной. Никто бы и разбираться не стал, плохой я или хороший, тем более что по расхожему мнению хороших кибрайкеров не бывает.

— И что ты придумал?

— Решил рискнуть. Ты не хуже меня знаешь аномалию. При погружении в гипер, до четвертого энергоуровня еще есть возможность соскочить с Вертикали, уйти на горизонтальную сетку линий напряженности. Характеристики силовой защиты «Пенелопы» позволяют проделывать подобные трюки. Рискованно, конечно, но все лучше, чем нарваться на перекрестный допрос с участием десятка мнемоников и гарантированно закончить свои дни в психушке.

— Получилось? — Холодно спросил Рощин.

— Как видишь. Но и инопланетный корабль так же сошел с Вертикали. — Думаешь, почему его так запросто раздолбали на орбитах Алексии? — Фрич нервно усмехнулся. — Пострадал он сильно, повторяя мой маневр. А преследовавшие меня истребители вообще сгорели, как спички в общем поле аномалии.

— И ты рванул на всплытие по первой же подвернувшейся Вертикали, верно?

— А что еще оставалось делать? В любой системе, куда бы нас не вышвырнула гиперсфера, еще оставался мизерный шанс выжить. Я бы уж постарался, поднапряг свои кибермодули, чтобы слепить из сигнатуры «Пенелопы» что-нибудь похожее на комету, астероид, — любое, не вызывающее подозрений космическое тело.

— А сразу ты до этого не додумался?

— Слишком быстро и внезапно они появились. Я ведь просто собирал рудоносную пыль на окраине поля астероидов. Знаешь, как это выглядело, капитан? Будто астероиды вдруг ожили, их как будто начала расшвыривать в разные стороны прущая изнутри сила.

— Постой, выходит, корабль лежал в дрейфе, в глубине поля астероидов, пока твоя «деятельность» не потревожила его?

— Получается так. А то, что Вертикаль, подвернувшаяся мне для экстренного всплытия, привела «Пенелопу» в систему Алексии, тут уж извини, капитан, чистой воды случайность.

— Значит в Первом Мире тоже ничего не знают… — Рощин поморщился, как от зубной боли. Последняя надежда истаяла, как дым.

— Да, помощи оттуда не будет.

Он дал короткую очередь в амбразуру и продолжил:

— Извини, капитан, но ты, на мой взгляд, неверно трактуешь проблему, и, как следствие, ставишь перед собой не те задачи. Отключи на минуту мозг от понятия «война». Нужно было наплевать на «Пенелопу», пересидеть тихо, и все.

— Хочешь сказать, не ответь мы на удар по космодрому, они бы убрались прочь?

— Типа того. Не уничтожь вы их ремонтные платформы, машинам не потребовались бы полезные ископаемые. Включи логику, Рощин. На борту корабля нет живых существ, только машины. А у машин, как известно свои, достаточно узкие цели, задачи, намерения, программный смысл существования, наконец, — ведь при сканировании не было обнаружении ничего даже отдаленно похожего на искусственные нейросети, верно?

— Не факт. — Рощин покачал головой. — Логрис тоже не распознается сканерами, как нейросеть.

— Хорошо, согласен, подход неверный.

Рощин задумался, размышляя над аспектами предстоящей операции, а не над словами кибрайкера.

— С Ингой поладишь? — Внезапно спросил он.

— Попробую.

— Тогда хватит торчать у амбразуры. Мне необходимо твое содействие. Нужно выбираться отсюда.

— Содействие? Ладно… Куда я теперь денусь? Был шанс исчезнуть, да не вышло… — он не завершил фразы, — именно в этот момент осаждавшие колониальный форт механоформы поднялись в очередную атаку.

Сквозь бойницу полыхнуло светом и жаром, энергия плазменного разряда, ударившего в стену неподалеку от узкого высокого окошка, была столь сильна, что по стеклобетону пробежало несколько свежих трещин, воздух как будто на мгновенье загустел от нестерпимого жара, а все предметы отбросили резкие черные тени.

— Вот неймется им… — Кибрайкер вел себя на удивление спокойно. Дав несколько коротких очередей из «АРГ-8» в оконный проем, он тут же

отпрянул вглубь помещения. — Давай, капитан, подключайся, а то у нас намечается локальный прорыв!

— Заварил ты кашу Фрич… — С досадой произнес Рощин. — Нам с тобой выбраться нужно отсюда. Живыми.

Еще с десяток вспышек, менее напряженных и разрушительных озарили стены вокруг оконного проема, снаружи раздался треск и грохот обваливающихся, растрескавшихся на фрагменты бетонных глыб.

Рощин, оценив позицию кибрайкера, решил, что тому слишком опасно находиться подле ничем уже не защищенного проема узкого окна.

— Давай к стене.

Фрич молча кивнул, меняя позицию. Все-таки галактгапитан был облачен в боевую броню, а на нем уже вся одежда превратилась в обгоревшие прогорклые от пота и дыма лохмотья.

— Переключись на разрывные, помогает. — Посоветовал он, пристраиваясь подле изломанной расселины, образовавшейся в стене. — Слушай, капитан, ты мои кибермодули куда дел?

— С собой таскаю. — Вадим осторожно выглянул в окно, мгновенно и цепко схватив взглядом всю панораму опаленной взрывами выжженной пустоши перед северной стеной форта. На высоте пятидесяти метров по воздуху перемещались десятка три светящихся плазмоидов. Транспортирующие их модули невооруженным взглядом не различить на фоне светлеющих небес и напряженного сияния плазменных сгустков, но сканеры и тренированное мнемоническое восприятие, быстро отсеивали помехи.

Да, разрывные боеприпасы то, что нужно. Тут Фрич прав. Рощин быстро перенастроил оружие, дал две короткие очереди и резко присел под прикрытие толстой стены.

В небесах полыхнула ослепительная зарница. Как минимум одно попадание. Неплохой результат, учитывая соотношение затрат. Долго ли противник сможет поддерживать непрерывные атаки посредством плазменных сгустков? Все-таки технология их формирования транспортировки в тысячи раз сложнее, чем изготовление и хранение обычного стрелкового боеприпаса…

— Слушай, Вадим, — кибрайкер в первый раз обратился к нему по имени. — Верни модули. Что я тут шарахаюсь как слепой котенок.

— Да без проблем… — Галактгапитан, улучив момент, быстро достал футляр и протянул его Фричу. — Мог бы и раньше попросить.

— А сам не догадался? — Фрич уже вставлял кибермодули в гнезда имплантов.

— У меня дел, — только про тебя и вспоминать. — Рощин вновь дал в окно несколько коротких очередей, с тем же успехом — один плазменный сгусток взорвался в воздухе, внезапно разветвившись ударом осветившей окрестности молнии, зато «буксировщики» двух других плазменных тел успели совершить непонятные операции, разделив два сгустка на три десятка меньших подобий, и отправить их в стремительный прицельный полет.

— Поберегись! — Рощин внезапным прыжком с использованием сервомускулатуры боевого скафандра, метнулся к Фричу, повалив того на пол и прикрыв, вернее придавив к полу своим телом.

Два небольших плазменных сгустка влетели точно в окно: один разорвался посреди помещения, второй ударил в дальнюю стену, замкнутое пространство озарилось нестерпимыми для человеческого глаза вспышками, чадно занялись язычками пламени и без того оплавленные, потерявшие изначальную форму предметы пластиковой меблировки и покоробленные панели облицовки стен, в воздухе резкий запах озона смешивался с едкой гарью…

Кибрайкер сипло выругался, попытавшись пошевелиться, но Рощин лишь крепче прижал его к полу, — как он и предполагал в следующий момент один из оружейных кофров с боеприпасами к «АРГ-8» превратился в сгусток трескучего огня, — контейнер разорвало взрывом, по напитанным жаром стенам хлестнули, оставляя глубокие выщерблины и уходя в визгливый рикошет пули.

Наконец все стихло, лишь дым свивало в причудливые фигуры, вытягивая сквозняком через выбитые двери, треснувшие стены и окно.

Рощин, опираясь на руки, отвалился вбок.

Фрич, плохо соображающий после полученной контузии, привстал, дико озираясь по сторонам.

— Вот ну не твари ли?! — Он подобрал то, что осталось от его оружия, несколько секунд мутным взглядом тупо смотрел на обломки «АРГ-8», с которой успел сродниться за прошедшую ночь, а затем в сердцах отшвырнув уже бесполезные, покореженные детали оружия, добавил: — Вот что им надо? Что спрашивается «докопались»?!

Рощин тем временем связался с Иваном, которого отправлял к складу длительного консервационного хранения.[55]

— Что? Активировал. Молодец, отлично. Всепланетные вездеходы в режиме «полный автомат» направь по разным направлениям. Сбивать все не занесенные в базы данных воздушные цели. Андроидов давай сюда, на

передовые позиции. Задача простая: удерживать периметр форта. Вооружи их «АРГ-8», в качестве боеприпасов использовать разрывные заряды. И постарайся внушить своим собратьям, что частая смена позиций, постоянное перемещение от одной огневой точки к другой, — это лучшая тактика, ведущая к наименьшим потерям. Все, давай, до связи. Как только дройды выйдут на позиции, сам выдвигайся к резервным ангарам. Нет. Это не обсуждается. Ты нужен там.

— А мы что? — Фрич понемногу приходил в себя, одежды на нем почти не осталось, несколько порезов кровоточили, пятна ожогов требовали немедленной медицинской обработки.

— Сейчас сервомеханизмы отвлекут внимание осаждающих форт механоформ. А мы с тобой уходим.

— Внизу подтопленные казематы бункерной зоны. — Напомнил кибрайкер.

— Знаю. В западном крыле есть тоннель, соединяющий укрепления форта с бункерной зоной Резервного. Вот по ним и будем уходить.

* * *

Выведенные на поверхность древние всепланетные вездеходы своим появлением несколько разрядили обстановку в окрестностях древних укреплений, как казалось, сметенного, стертого с лица земли резервного космопорта, дав людям время на короткую передышку.

Пока загадочные «транспортировщики» распыляли силы, отрядив большую часть плазмоидов на погоню и уничтожение древних образцов колониальной техники, андроиды, которыми руководил Иван, заняли позиции в стенах древнего форта, сменив измученных непрекращающимся двенадцатичасовым штурмом защитников.

Рощин, не смотря на постоянное вмешательство систем метаболической коррекции боевого скафандра, сам едва держался на ногах от усталости. Вылеты на штурмовку инопланетного корабля, боль от потери боевых товарищей, напряжение схваток, на границе атмосферы Алексии, катапультирование из поврежденного «Х-Страйкера», короткая схватка с «Сеятелем» окончательно подорвали его силы, на организм не действовали даже боевые стимуляторы, хотелось одного — снять столько раз спасавшую жизнь боевую экипировку и лечь, где придется, хоть тут, на холодном, покрытом сажей полу и провалиться в глубокий сон…

Недостижимая мечта для командира, ответственного теперь уже за всю планету.

Радовали лишь сообщения с соседнего материка — таинственные

механоформы пока что не проявляли никакого интереса к нескольким закрытым плотной защитой маскирующих полей городам, жители которых были эвакуированы в убежища.

…

В бункерной зоне резервного космопорта было тепло, горел свет, стояла ненатуральная тишина, нарушаемая лишь привычными для слуха невнятными шумами, возникающими при работе автономных систем жизнеобеспечения.

Как будто и не было ничего, словно нет над головой уничтоженного порта, выжженной дотла равнины….

Добравшись до казарменных помещений, Рощин отправил Фрича под охраной Иноземцева и Мак-Корера в ангар, предварительно втолковав кибрайкеру, что именно тот должен сделать.

Через несколько минут сняв уже пришедший в негодность боевой скафандр, Вадим переоделся, затем принял доклад от Ивана, и, отправился на поиски Инги.

Девушку он нашел в подземной оранжерее.

* * *

Она, временно оказавшись не у дел, сидела в кресле между двумя кустами незнакомых Рощину растений, а ее разум находился сейчас очень далеко.

Мнемоник. Посильнее меня или Фрича. Я даже не знал о существовании таких… Теперь, когда Инга не скрывала своих способностей, он ощущал ее ментальное воздействие, даже находясь на приличном расстоянии.

— Вадим? — Она обернулась.

— Не испугал?

— Нет. — Инга попыталась улыбнуться, но получилось плохо. — Я кое-что выяснила. — О деле ей говорилось гораздо легче. — Репликатор движется в сторону «РК-5». Я процентов на семьдесят отсканировала его сигнатуру. Знаешь что примечательно? За ним неотступно следуют несколько аппаратов, я бы назвала их «контроллерами». Как только репликатор начинает сбиваться, переходя на древние программы, они «вправляют ему мозги».

Рощин подумал в этот момент, что не ошибся в выборе. Только Инга единственная из них, кто способен передать в штаб флота *полноценную,* беспристрастную информацию, ведь она стала свидетелем событий о которых галакткапитан имел лишь отдаленное представление, полученное с

ее слов.

Инга тем временем восприняла его молчание по-своему.

— Нам, наверное, нужно поговорить? — Она взглянула на Рощина почти испуганно, как маленькая девочка на строгого учителя. — Я не стану отрицать своих мнемонических способностей.

— А я не собираюсь выпытывать у тебя о прошлом.

— Я училась в академии ВКС, Вадим. И не собираюсь больше скрываться.

Он понял, почувствовал, что ей нужно поговорить.

— Ну, рассказывай, на чем ты сломалась? — Рощин полулбнял Ингу за плечи, отвел ее в сторону, туда, где пространство волшебно менялось, ткань иллюзий, созданная движением голограмм, синтезаторами запахов и звуков, открывала взгляду, обонянию и даже осязанию знаменитую Кьюиганскую степь, как раз на границе с не менее легендарной сельвой, там, где две биосферы смешивались, уже лишь местами соперничая друг с другом.

Инга увидела выпирающий из под земли остов почвоукладчика подошла к нему устало присела на металлопластиковый капот.

Степь цвела. Неподалеку, врезаясь в травостой длинным неровным клином, протянулись группы деревьев, с их мощных ветвей, будто веревки, свисали выгоревшие на солнце канаты лиан…

Воздух полнился ароматами степи, легкий ветерок приносил прохладу и флюиды влажного сумрака непроходимых лесов.

— Тебе так важно знать? — Она посмотрела в глаза Вадиму. — Нужно для дела, или ты просто хочешь узнать, почему я такая?

— Ты обыкновенная. — Ответил Рощин, присаживаясь рядом, и тут же смутился, — нельзя говорить женщинам такие слова. — Извини.

— А хорошо, что ты не лукавишь. Обыкновенная, — значит все нормально. Я не прошла испытания Логрисом.[56] — Внезапно, без предисловий ответила она на первый заданный Рощиным вопрос. — Ты знаешь, — рассудок каждого из мнемоников за месяц до выпускных экзаменов помещают в Логр.[57]

— Психологи что-то пропустили? — Интуитивно догадался Вадим, который проходил подобное испытание и знал о некоторых неприятных для человека свойствах логрианских устройств, на базе которых могла *жить* человеческая личность. К примеру, попав в пространство Логра, рассудок человека утрачивал все защитные механизмы, например, такой как избирательность памяти, способность что-то забывать…

— Я рано осиротела. — Произнесла Инга, задумчиво глядя вдаль. — Но только в логре, когда была считана вся моя память, я узнала, что мои родители были кибрайкерами. Они работали на одну из корпораций Окраины, все происходило в тот период, когда Конфедерация проводила тотальную чистку, брала под жесткий контроль вопросы избыточного имплантирования. Отец и мать погибли на Везелвуле. Никто не знал, что я была свидетельницей их смерти. В два месяца еще ничего осознаешь, но память фиксирует события…

С Окраины и попала на Элио, где уже начали проявлять разумный интерес к детям, чьи родители подвергались избыточной имплантации. Судьба складывалась обыкновенно — приемная семья, потом после школы — академия ВКС. У меня обнаружили уже сформировавшиеся нейросети, готовые к подключению дополнительных имплантов, к тому времени я стала совершеннолетней и дала согласие на операцию. Меня имплантировали, все прошло успешно, я окончила пять курсов академии, показывая неплохие результаты, а потом нас отправили на очередное мнемоническое испытание.

— И в логре открылась память двухмесячной девочки?

— Да. — Кивнула Инга. — Я вспомнила родителей, и все связанное с их смертью. Не было никакой катастрофы космического корабля — они погибли там, в болотах Везелвула.

— Кто это сделал? — Глухо спросил Вадим, мысленно содрогнувшись, представив, какой шок пришлось пережить Инге, когда адаптивное виртуальное пространство Логра открыло для нее все потаенные уголки памяти.

— Боевые мнемоники… — Едва слышно ответила Инга.

У Вадима мурашки пробежали по телу. Он не нашелся сразу, что ответить.

— У меня стремительно развился комплекс, Вадим. Ты первый, кому я вообще рассказываю свою историю. Я перестала доверять людям, возненавидела кибернетические системы.

— Ты вообще никому ничего не сказала?

— Я выдержала. С трудом, но выдержала. Беда в том, что по возвращении из Логра я уже не могла мыслить о карьере боевого мнемоника… В общем — я сбежала.

— Сразу сюда, на Алексию?

Инга кивнула.

— Илья Степанович — из твоих приемных родителей?

— Нет. Он их родственник. Дальний. Но меня принял без вопросов.

— Значит, тут ты готовилась стать изгоем-одиночкой? Пыталась преодолеть свой страх перед кибермеханизмами, гоняя на спортивном флайкаре, и ждала, пока Конфедерация пришлет кого-то на твою «зачистку»?

Инга вновь кивнула.

— Тебе следовало сразу рассказать о фактах, открывшихся в Логрисе. Поверь — все было бы иначе.

— ВКС Конфедерации так же содержит собственную службу безопасности. — Напомнила Инга. — В процессе подготовки боевых мнемоников открывается много сверхсекретной информации.

— Я не стану оспаривать жестокость нашего мира. — Ответил Вадим. — Скажу лишь одно — рядом со мной тебе ничего не грозит. Лишь ты сама способна причинить себе вред.

— А Фрич?

— Инга, вдумайся в термин «боевой мнемоник». Впервые боевые мнемоники появились на Окраине, в период кризиса вокруг системы Фрисайд.[58] Новация заключалась в том, что помимо избыточного имплантирования стиралась внутренняя духовная грань между разрушением и созиданием. Боевой мнемоник — это и хранитель информации, ее защитник, и уничтожитель в одном лице. Люди, прошедшие подобную подготовку, с равной легкостью используют в своем арсенале все приемы виртуальной борьбы, присущие как мнемоникам, так и кибрайкерам. Или ты скажешь мне, что в процессе обучения не проходила взлом сетей, не изучала приемы мнемонических атак и защиты от них?

— Проходила.

— Фрич — половинка тебя. Не в прямом смысле конечно. Если брать по большому счету, то он анахронизм, пережиток прошлого, осколок той Корпоративной Окраины, где существовали школы, готовившие отдельно мнемоников или кибрайкеров, в зависимости от того, какие склонности обнаруживал воспитуемый на ранних стадиях обучения. Теперь все иначе. Понятие «мнемоник» стало шире, оно включило в себя все вероятные возможности воздействия на кибернетические среды, информационные сети, виртуальные пространства. Так что боятся, ненавидеть современных мнемоников, — лишь пустая трата времени. А Фрич — узкий специалист в отличие от меня или тебя. Не скрою — специалист высокого класса.

— А что мне делать с собой?

— Судьбу можно изменить. Ты за своими страхами не поняла

одного — Конфедерации нужны специалисты разных профилей, в том числе и сугубо исследовательских, мирных. Все не так ужасно и окончательно, как нарисовало тебе воображение.

— Зря бежала?

— Твой поступок. Не мне его судить. Может и не зря. Но тебе жить дальше. С кибермодулями в имплантах или без, на территории планет Конфедерации или в независимых мирах, ты была, есть и останешься мнемоником, человеком новой эпохи, иного склада характера и мышления в сравнении с другими. Ты прошла подготовку, которая не могла тебя не изменить. И твои дети получат по наследству сопрягаемые с имплантами нейросети — часть человечества, к которой принадлежим и мы с тобой, стала другой, сделала шаг вперед, продолжила эволюционное развитие. Не прими мои слова за фразу из учебников, оно так и есть.

— То есть смириться? Жить, так как предопределили гены, подготовившие почву для моей имплантации?

— Сделать осознанный выбор — кто ты. Прислушаться к себе и понять — что влечет душу, разум, что ближе сего понятнее твоему рассудку?

— Исследования. Мне было хорошо и спокойно, пока я помогала Илье Степановичу на раскопках.

— Вот ты сама и ответила на главный вопрос жизни — кем быть, чтобы не чувствовать себя ущемленной, или хуже того насильственно призванной на ненавистную должность или работу.

— Ты считаешь, я смогу стать просто исследователем, применять свои мнемонические способности в узкой специализации?

— Думаю — без проблем. Даже если рассматривать закон об избыточной имплантации, — там ведь ясно прописано, что любой мнемоник вправе сделать решающий выбор в пользу своих предпочтений.

Инга с благодарностью посмотрела на него, хотела что-то сказать, но вдруг опять помрачнела.

— Мы с тобой выпали из реальности…

— Ты имеешь в виду инопланетный корабль?

— Естественно.

— Да, — кивнув, согласился Вадим. — От данной проблемы нам с тобой не уйти. И я искал тебя чтобы просить о помощи.

— Что я должна буду сделать?

— Покинуть систему Алексии. — Ответил Вадим. — Донести всю собранную информацию до штаба флота.

Инга задумалась.

— Почему я?

— Больше некому. — Он вкратце обрисовал ей задуманное и спросил: — Пойдешь с нами?

— Пойду. — Она внезапно провела ладонью по щеке Вадима. — Мне невыносимо ждать, когда вы уходите туда. Наблюдать за падучими звездами — еще хуже, чем самой рисковать жизнью. Я пойду.

* * *

Инга и Вадим появились в ангарах расположенных в толще скал, в стороне от уничтоженного «РК-5» чуть позже остальных, после того, как кибрайкер завершил при помощи технических сервов тонкую перенастройку логрианских генераторов «Вуали», установленных на «Стилетто».

В скальном бункере царила своеобразная атмосфера.

Три боевых мнемоника, кибрайкер и андроид собрались подле источника огня, — обыкновенной бочки, куда кто-то натаскал дров.

В стылом ангаре мятущиеся отсветы пламени освещали четыре готовых к старту «Стилетто» и учебный «Х-Страйкер», на котором предстояло лететь Инге и Фричу.

— Мне лететь с ним? — Инга недобро посмотрела на кибрайкера.

— Что-то имеешь против? — Подняв взгляд усмехнулся старик.

— Не люблю лжецов — внезапно заявила Инга.

— Ты хотела сказать, что не любишь кибрайкеров, что приносят с собой проблемы? Извини, девочка, никто не знает, с чем столкнешься за Вертикалями. Такое могло случиться с кем угодно.

— Лжешь. — Вновь тихо произнесла Инга.

— Это с какой стати? — Не выдержав, окрысился кибрайкер. — Вадим мы же договорились…

— Ты лжешь. — Повторила Инга, не отреагировав на его неприкрытую злобу. — Ты специально угробил «Пенелопу», надеясь, что никто не прочтет данных бортовой навигационной системы.

— Продолжай. — Рука Рощина невольно соскользнула на рукоять «Гюрзы».

Фрич даже не пошевелился, но под его курткой пришла в движение скрытая сервосиситема, подав к ладони «Стайгер».

— Инга объясни, что происходит? — Потребовал Рощин.

— Когда я сканировала продвижение репликатора и следовавших за ним контроллеров, то случайно наткнулась в мнемоническом восприятии на обломки «Пенелопы». Взрыв при крушении не уничтожил все носители

информации, кроме того, на борту все еще функционируют некоторые аварийные системы.

— Ну и что? — Кибрайкер пожал плечами.

— Ты действительно вышел в систему Алексии с горизонтальной линии напряженности гиперсферы, но данные счетчика энергоуровней не фиксируют прохождения Вертикали. Ты подцепил инопланетный корабль где-то поблизости. Удивляюсь, как Вадим поверил твоей сказке о переходе с Вертикали на горизонталь. «Пенелопа» не оборудована щитами, способными выдержать энергетику подобного перехода.

— Что скажешь, Фрич?

— А ничего. Ты ей веришь? На каком основании? Считать данные с фрагментов навигационной системы — он покачал головой, — для этого нужна целая лаборатория с надлежащим оборудованием, и еще не факт, что получиться…

Он споткнулся на полуслове, резко побледнел, рука Фрича дернулась, но оружия он так и не выхватил, застыв будто парализованный, только черты лица кибрайкера вдруг неестественно заострились, кожа обтянула скулы, словно сейчас вся его жизненная энергия была брошена на неистовую борьбу…

Вадим мгновенно понял: так и есть. Инга не поменяла позы, но тоже неестественно напряглась.

Еще секунда и Фрич перестал дышать, белки его глаз вдруг начали выкатываться из орбит.

На лбу Инги выступили капельки пота. Она внезапно отшатнулась, будто кто-то невидимый наотмашь ударил ее по лицу, вскрикнула и отвернулась, закрыв ладонями пылающие румянцем щеки.

Фрич сипло, судорожно вдохнул, тут же ощутив прикосновение холодного электромагнитного компенсатора импульсной «Гюрзы» к своему лбу.

— Я поверил тебе. — Вадим был настолько взбешен, что с трудом удерживал палец на сенсоре огня, не позволяя себе чуть сильнее надавить на податливый бугорок.

Он мгновенно понял, что произошло.

Инга только что вступила в мнемоническую схватку с кибрайкером и едва не убила его.

Он покосился на девушку.

Она беззвучно плакала, закрыв ладонями лицо, Мак-Корер склонился к ней, пытаясь как-то помочь, а вот Стивен сориентировавшись в происходящем, выхватил десантный нож, неуловимым движением

сместившись за спину кибрайкера.

— Дернешься — горло перережу. — Предупредил он Фрича.

Рощин чувствовал, как за доли секунд улетучилась свинцовая усталость.

— Инга? — Не оборачиваясь, вопросительно произнес он.

Мгновенье тишины.

— Инга, в чем дело?

Она всхлипнула.

Вадима сейчас интересовал один вопрос: почему она вдруг отпустила Фрича, позволив тому дышать?

— Что ты считала с уцелевших устройств «Пенелопы»? — Спросил он вслух, давая девушке придти в себя.

— Я уже сказала. Фрич зацепил инопланетный корабль где-то неподалеку. В пределах двух смен навигационных линий гиперсферы.

Рощин посмотрел на кибрайкера.

— Ну?

— Пошли вы все… — Огрызнулся Фрич.

Стивен вопросительно поднял взгляд на Вадима; в этот момент Инга, резко встав, оттолкнула Мак-Корера и дрожащим от напряжения голосом произнесла:

— Отойдите от него. Все. Кто хоть пальцем тронет — мозги выжгу.

Вадим даже не шелохнулся.

Стивен тоже не опустил нож, и поплатился.

Рощина зацепило краем, он машинально успел поставить ментальный блок, но рассудок на доли секунд помутился от мнемонического удара обрушившегося на Стивена.

Мак-Корер не сумел отразить внезапной атаки, хотя и был готов к нападению. Выронив нож, он мешковато осел на пол.

— Инга! — Вадим резко повернул голову.

— Извини!.. — Она уже бросилась к Стивену, проклиная себя за бесконтрольный порыв. — Я только оглушила его… Сейчас, потерпи… Сейчас… — Она обняла голову Стивена, стараясь помочь пилоту быстрее придти в себя.

Вадим, единственный, кто сумел сохранить хладнокровие, схватил Фрича за одежду, рывком поднял кибрайкера с пола, и приказал:

— Мартин, отвечаешь за него. Подготовь скафандр и все что положено. — Он вырвал из креплений сервопривода импульсный «Стайгер» и спросил у кибрайкера: — Точные координаты системы, быстро!

Фрич, немного пришедший в себя после схватки с Ингой, нашел силы огрызнутся:

— Она знает. Я не помню!

Мартин скрутил ему руки за спиной, ловко извел из имплантов кибрайкера модули.

Мак-Корер, мутным взглядом посмотрел на командира, подобрал оброненный нож и с трудом выдавил:

— Я в порядке…

— Точно? — Он обернулся к Инге. Оставалось слишком мало времени до начала запланированной операции, и он должен был знать правду. — Почему ты остановилась в последний момент? — Спросил он, глядя ей в глаза

Инга бессильно опустила руки.

— Фрич — мой отец. — Опустив взгляд, произнесла она. — Я узнала об этом только что, когда пробила его ментальную защиту. Его настоящее имя — Ричард Огден. Он бросил меня на Везелвуле, спасаясь от преследования боевых мнемоников.

— А мать? — Машинально спросил Вадим.

— Она погибла. Там, среди болот. А он выкрутился… Ушел. — Инга вдруг резко встала. — Извини Вадим. Я сорвалась…

Он не нашелся что ответить.

На секунду показалось — все, операция провалена, еще не начавшись, разве можно сейчас после мнемонического удара доверять Стивену управление «Стилетто» а Ингу, оставлять наедине с отцом в тесной рубке «Х-Страйкера»?

Может и так, не вмешайся в ситуацию древний андроид, по имени Иван.

* * *

Внутрискальный ангар по-прежнему освещали мятущиеся сполохи пламени.

Огонь горел в металлической бочке, из-под графитовой смазки.

Странная для взгляда современного человека и одновременно — завораживающая обстановка.

Шесть человек в боевых скафандрах высшей защиты, снабженных внешними усилителями мускулатуры, застыли подле огня.

Последние минуты перед намеченным стартом.

Языки пламени, вырываясь наружу, освещали их лица, пробегали глянцевито-желтыми змейками по броне четырех последних, уцелевших в

ожесточенных схватках «Стилетто».

МИШки[59] притихли, спрятались в сумраке, словно машинам передалось настроение людей.

Четверо боевых мнемоников, старик-кибрайкер, и Инга, — вот все, кто остался на последнем рубеже обороны резервного космопорта.

Им некуда отступать.

Энергоснабжение отключилось, все объекты военной инфраструктуры уничтожены, планета во власти чужеродных механических и жизненных форм, рельеф стерт, но не воссоздан по новому плану, лишь кое где возвышаются так и не завершенные строения, непонятной для людей архитектуры и предназначения.

Машины созданные машинами…

Они уже не служат целям созидания, у них, бывших терраформеров теперь иной, недоступный пониманию смысл бытия, они не развились до появления самосознания, но потеряли былую цель, от которой остались лишь фрагменты воссозданной уродливыми клочками архитектуры неведомой, канувшей в лету цивилизации…

Они еще удерживают в памяти часть созидательных программ, но после исчезновения своих создателей машины, продолжая выполнять былое предназначение постепенно, от столетия к столетию вступали в конфликты друг с другом, оспаривая ресурсы, территории, приоритеты, и на каком-то этапе неуправляемого функционирования они, соблюдая функцию самоподдержания начали вырабатывать новые программные модули, защищать свои территории, интегрируясь на основах взаимовыгодного сотрудничества с боевыми машинами, оставшимися не у дел.

Борьба за существование затянуло в свои тенты самодостаточные роботизированные комплексы, и они начали новый виток развития, совершенствуя технологии репликации, воссоздавая новые изобретенные уже ими образчики техники, накапливая ресурсы, вновь и вновь стирая, а затем воссоздавая города, насаждая и снова уничтожая природу, наполняя планеты-колонии деформированными, потерявшими изначальный облик существами, неверно реплицированными из-за ошибок накапливающихся в матрицах их описаний.

Страшно было даже подумать как выглядят планеты, по которым прошлись самоусовершенствованные комплексы глобального терраформинга и репликации.

Смутные черты приблизившейся вплотную угрозы постоянно

тревожат разум, но никто из собравшихся у огня не представляет истинных масштабов надвигающейся катастрофы.

Они — выжившие.

На их плечах лежит непомерный груз утрат и полученных знаний.

Им остался всего лишь шаг…

Шаг за черту, где начинается бессмертная слава.

Никто не думал сейчас о ней.

Все суета… Лишь тепло, исходящее от языков пламени греет душу.

Мысленную передачу вела Инга. Пытаясь справиться со своими чувствами, она передавала остальным мысли о машинах-терраформерах, о частицах тепла, бесславии и бессмертии.

…

Из плотного сумрака внезапно появилась фигура андроида…

Вадим удивленно посмотрел на Ивана.

— Гитара, командир. — Произнес тот. — Моя. От колониального форта до поселка — рукой подать.

Рощин ничего не ответил.

— Как наверху? — спросила Инга.

— Мрачно. — Не стал приукрашивать андроид. — Репликатор прошел, километрах в пяти отсюда. Всякой дряни наделал. Живность вперемешку с механизмами, пара кварталов города, да еще непонятная техника вроде мирного предназначения. — Иван присел подле огня. Его лицо, покрытое местами обожженной пеноплотью, вдруг приняло одухотворенное, человеческое выражение.

Пальцами андроида коснулись струн и…

Вадим, глядя на него, словно погрузился в иную реальность.

Андроид с гитарой в руках, — было так странно смотреть на его освещенное языками пламени лицо, наблюдать за движением сервомускулов и слышать ранящие душу звуки гитарных струн.

Казалось, он понимал больше чем люди.

Звуки вдруг стали жестче ритмичнее.

Хмурый стылый рассвет разливается моросью,
Звезд не видно, они далеко-далеко,
Дрожь ангарных ворот — мутный свет режет полосы,
Мы еще на земле… но уже высоко,

Там где звезды горят серебристою россыпью
Наши хриплые мысли сольются в бою
Мы друг другу доверим и спину и помыслы,

До последнего вскрика: прикрой… я горю…

В мертвых дырах брони — свет надежды суспензорный,
Поворот ложемента — навстречу судьбе
В рваных мыслях отчет подсистемы растерзанной,
Но я верю машине, она — верит мне.

Мы прорвемся с тобой к космодрому резервному,
Там где хмурый рассвет сеет дождь над землей,
Нить надежды — по курсу прыжка гиперсферного,
Приведет нас обратно, живыми, домой…

Огонь затухал.

Дым вытягивало в лохматящийся арматурой разлом перекрытия ангара.

Шесть человек. Четыре «Стилетто».

Восемь часов, прожитых в невероятном напряжении схваток. Десятки тысяч граждан Алексии, коротающие часы ожидания в древних бункерных зонах.

Поземное медицинское крыло Резервного, где в ледяном плену криогенных камер застыли те, кто принял первый удар чуждых механоформ, кому уже не выкарабкаться из ледяного небытия без немедленной помощи.

Пальцы Ивана в последний раз коснулись струн древнего инструмента.

Звуки прощального аккорда метнулись эхом и заглохли в ватной тишине бункера

Таймер неумолимо отсчитывал минуты обратного отсчета.

Не бывает легких судеб. У каждого свои жизненные обстоятельства, — Вадим взглянул на Ингу, — и каждый справляется с ними сам, хотя бы раз в жизни делая выбор.

Последний из технических сервов уже спустился по броне «Стилетто» и исчез в сгустившихся сумерках ангара.

— Фрич, ты все запомнил?

— Да. — Кивнул кибрайкер. — Мы с Ингой поладим. Не беспокойся… командир. — Внезапно добавил он.

Вадим поймал взгляд девушки, ободряюще улыбнулся, словно пообещал: у нас с тобой еще все впереди, и золотые пляжи Коллио, и отключенные автопилоты на скоростной трассе, и…

— По машинам!

* * *

Репликатор медленно плыл над руинами космопорта.

В недрах древнего планетопреобразующего комплекса протекали сложные процессы, но, увы, программы созидания сохранились лишь частично, уникальный аппарат, прошел сквозь облако поднятого, измельченного в порошок серией гравитационных ударов вещества, поглощая материал для строительства, но стоило автономной машине приступить к формированию участка поверхности и начать трехмерную репликацию дорог, воспроизводить флору и фауну давно забытой планеты, закладывать фундаменты зданий, как начерченные лазерами модели внезапно погасли, заполненные лишь на треть, потоки данных, несущих послойное молекулярное описание каждого объекта прервались, — два контроллера, будто опытные загонщики, заметив сбой программы, тут же сблизились с репликатором, безжалостно вмешиваясь в работу автономного устройства.

Каждая техническая единица самоорганизованного анклава машин должны быть использована рационально. Контроллеры не обладали рассудком, но глобальная сеть базового корабля, подчинившая весь комплекс систем и механизмов, за миллионы лет борьбы выработала свои четкие принципы рационализма.

В космосе шла ожесточенная схватка за ресурсы, за пространство планет, где могли быть реализованы дремлющие под гнетом постоянного противостояния отдельных машинных анклавов базовые программы. Автоматика исполинского колониального транспорта не утратила первичных целей и задач, но опыт самоподдержания и самосохранения заставлял вырабатывать новые цели, соответствующие текущему моменту, реальной обстановке и реальным угрозам, поэтому контролеры тут же пресекли мирную деятельность репликатора, переориентировав его на репликацию необходимых сейчас боевых механизмов.

…Четыре «Стилетто» в глуби подземного ангара пришли в движение.

Почва задрожала.

Исполинские модульные ворота, осыпая кучи мусора и бетонного щебня начали открываться, навстречу изуродованному сюрреалистическому пространству Пятого Резервного.

Репликатор неуклюже развернулся, две только что созданные им копии боевых сервомеханизмов метнулись к открывающему зеву, как раз в тот момент, когда «Стилетто» Рощина с бортовым номером «07», взяв

короткий разбег по рулежному пандусу, врубил двигатели планетарной тяги.

Старт «семерки» разметал груды щебня, многотонные обломки зданий сдвинуло, отбросило ударной волной, оба контроллера попали под внезапный удар, перекрывая рев турбин, вдруг раздался протяжный вопль инопланетной твари только что реплицированной, стоявшей на груде мусора и пытавшейся сориентироваться в незнакомой обстановке.

Вслед за «Стилетто» командира в мглистый сумрак дождливого дня вырвалась машина Вадима Иноземцева, за ним стартовал «Х-Страйкер», затем «двойка» Стивена Мак-Корера, и, наконец, последним из ангара вырвался «Стилетто» Клива Мартина.

Вадим не строил иллюзий. Ему как любому человеку хотелось жить, и рисковал он осознанно: поняв, что против гарнизона Алексии действуют исключительно машины, галакткапитан решил использовать все заложенные в конструкции «Стилетто» возможности, чтобы разрубить затягивающийся гордиев узел.

…Репликатор, вновь оставшись в гордом одиночестве, некоторое время бессмысленно двигался вдоль руин, затем вновь заработали маломощные гравипушки, измельчая глыбы бетона, открывшиеся заборники собирали всклубившуюся пыль, лазеры опять принялись чертить объемные модели существ и растений. Девяносто девять процентов из реплицированных копий не приживутся на Алексии, но древнему устройству терраформинга было все равно, что станет дальше с его «продукцией». Он лишь выполнял заложенные когда-то программы бездумно и бессмысленно.

Совсем иная картина открылась внутреннему взору боевых мнемоников.

На побережье материка хозяйничали чуждые кибернетические системы. Километровый диск основного репликационного устройства висел над мелководьем, это он создавал технику, которая двигалась от побережья к центру материка, где машины под неусыпным надзором контроллеров возводили тщательно спланированную базу: площадь сплошной застройки достигала уже сотен гектар, оттуда во всех направления расползались примитивные репликационные машины, вроде той, что орудовала сейчас в районе руин резервного космодрома.

Страшно было даже подумать, во что превратиться материк Алексии буквально через сутки.

Пусть техника иной цивилизации не поддавалась мгновенному конструктивному анализу, но смысл и принцип ее действий были понятны:

самодостаточный машинный комплекс вел захват жизненного пространства и ресурсов, вознамерившись создать на планете опорный пункт.

Зачем? Кто подвиг их на оккупацию территорий, с предварительной зачисткой планеты?

Все яснее и очевиднее виделась Вадиму цепь роковых событий.

В действиях механоформ не просматривалось влияния чуждой воли, навязанной извне. Уникальные технологии, заключенные в узкоспециализированные системные оболочки, вряд ли даже в далекой перспективе сумеют развиться до момента осознания факта собственного бытия. Они — не разум и в этом заключалось тот жуткий финал, которым окончился закат неизвестной Рощину цивилизации. Даже рожденные в горниле Первой Галактической боевые кибернетические комплексы при сравнении выглядели менее опасными, чем расползшийся, словно пятно проказы на теле планеты механический муравейник.

Машины, воспроизводимые машинами, усовершенствовавшие самих себя, но не потому, что имели интеллектуальный потенциал развития, а в силу объективных причин, — оставшись предоставленными сами себе, они не засыпали в энергосберегающем режиме, а напротив продолжали действовать, это была экспансия без смысла, без конца, без цели…

Если отступить, оставить все как есть, то они продолжат вынужденное саморазвитие: уже спустя короткий промежуток времени репликаторы начнут конкурировать друг с другом, их станет слишком много, начнет виток естественного отбора, где победят машины, создавшие себе «свиту» из боевых модулей, первичные цели будут окончательно утрачены, контролеры, объединившись в сеть, воспримут новую формулу самоподдержания, где не останется места древним моделям и ненужным программам 3д-репликации, — какой смысл тратить ресурсы на бесконечное воссоздание нежизнеспособной, изуродованной накопившимися программными ошибками моделей биосферы и структур невостребованных городов, когда необходимо создавать подобные себе механизмы, использовать полученную ресурсную базу и двигаться дальше, в бесконечной, но по-прежнему бессмысленной экспансии…

Здесь и сейчас иллюзии неуместны.

Трудно даже представить, во что превратилось пространство многих звездных систем, где орудуют, ведя постоянную борьбу друг с другом, подобные «наследники» исчезнувшей во тьме веков цивилизации.

Еще не поздно… — Билась в рассудке Вадима мысль. — Еще не поздно спасти Алексию, вызволить оставшихся на планете людей, ведь техника, уродующая сейчас лик человеческой колонии, не имеет выхода в

космос. Сумеем нейтрализовать базовый корабль, и разблокировать систему, восстановить связь с силами флота, и все повернется иначе: не будет применения аннигиляционной установки «Свет», нужно лишь донести накопленный опыт, передать полученные знания, исключить поспешные, неадекватные истинной обстановке действия и тогда механоформы, оккупировавшие Алексию станут бесценным материалом для исследований…

Рощин слишком хорошо помнил свою первую реакцию на появление чужого корабля.

Он понимал по какому пути пойдут высшие чины флота: уничтоженный резервный космодром, титанический корабль на орбите секретного объекта, полное отсутствие сведений о судьбе гарнизона и колонистов, — все это составляющие шока, но помимо осознания явной угрозы будут и сомнения, попытки наладить контакт, разведать обстановку…

При той скорости с которой репликаторы проводят воссоздание сложнейших механизмов, появление кораблей флота станет сигналом к быстрейшему массовому производству боевой техники, и в системе Алексии вспыхнет схватка, сравнимая с битвами галактической войны.

Вряд ли в таких условиях уцелеет кто-то из жителей планеты, да и исследовать будет фактически нечего.

* * *

Четыре «Стилетто», вырвавшись за пределы атмосферы Алексии, разошлись разными курсами.

«Х-Страйкер», оставался в стороне от событий, на максимальной скорости удаляясь от планеты в зону свободного космоса.

Инопланетный корабль никак не отреагировал на появление четырех истребителей, вышедших на круговые траектории вне досягаемости бортовых вооружений исполина.

— Внимание, начинаем! — Раздался по мнемонической связи приказ Рощина.

На борту «Стилетто» заработали устройства, созданные три миллиона лет назад расой логриан. Они создавали локальные гравитационные искривления, постепенно наращивая мощность, замыкая инопланетный корабль в незримую сферу.

Прошла минута и излучаемое им поле низкой частоты вдруг начало слабеть.

Логрианская «Вуаль» заставляла любые формы излучения энергии

отклоняться, поворачивать, в конечном итоге закольцовывая их внутри незримой сферы, в центре которой в данный момент оказался исполинский диск инопланетного корабля.

Очевидно, сканеры исполина зафиксировали искривление метрики и определили источники формирования «Вуали», — инопланетный корабль предпринял попытку уничтожить истребители, но залп бортовых плазмогенераторов не сумел пробиться через гравитационное возмущение, частицы ионизированного газа начали неизбежное скольжение по внутренней границе сферы, теперь четко обозначив ее, сделав зримой.

Затем произошло непредвиденное.

Исполинский корабль включил двигатели, намереваясь вырваться из ловушки.

Его движение пришлось в ту сторону, где двигался «Стилетто» Рощина.

Считывая сигнатуры, Вадим убедился, что поле низкой частоты уже ослабело до пренебрежительно-малых значений.

— «Х-Страйкеру» — немедленный гиперпространственный переход!

Инга видела все.

Она понимала, какой опасности подвергает себя Вадим.

Прохождение исполинского диска через накапливающий энергию кокон «Вуали», конечно, не пройдет для инопланетного корабля бесследно, но тот еще вполне мог вырваться из ловушки, лишив себя части брони, которая просто испариться, соприкоснувшись с энергиями, удерживаемыми в границах сферы.

Так и вышло.

Исполинский диск как будто вспыхнул, он начал плавиться, но по инерции часть инопланетного корабля прошла сквозь Вуаль, и тут же по машине Рощина ударили плазмогенераторы титана.

«Стилетто» взорвался у нее на глазах, но из обломков выскользнула спасательная капсула.

Ингу бросало то в жар, то в холод, обреченность сменялась надеждой и тут же угасала…

— Ну, что мы тянем? Поле погашено! Уходим!

— Не дергайся. — Ответила Инга.

В этот момент под удар попала машина Мак-Корера.

Еще один взрыв.

Спасательная капсула с пилотом, на этот раз благополучно включив двигатели, рванулась в сторону «Х-Страйкера», к этому моменту уже половина инопланетного корабля прошла сквозь «Вуаль», — зрелище было

поистине ужасным, — лишившийся брони диск полыхал взрывами, но продолжал двигаться, скорее уже по инерции.

Роковое событие произошло спустя несколько секунд, когда буксировочные захваты «Х-Страйкера» прочно зафиксировали спасательную капсулу с катапультировавшимся Стивеном.

От сгорающего, деформирующегося, теряющего дискообразную форму инопланетного корабля внезапно отделилось несколько десятков модулей, один из которых захватил спасательную капсулу Рощина и ринулся прочь.

Последнее, что услышали два пилота «Стилетто» и затаившая дыхание Инга, был мнемонический голос Вадима:

— Всем покинуть систему! Это приказ!

Инга понимала — сейчас силовая установка диска взорвется.

Не она — Фрич инициировал процедуру гиперпространственного перехода, но за секунду до того момента, как «Х-Страйкер» поглотила черная хмарь гиперсферы, Инга успела отчетливо заметить, как модуль, буксирующий спасательную капсулу Рощина, не стал уходить к Алексии, а исчез в бледной вспышке внепространственного перехода.

Изуродованная глыба инопланетного корабля не взорвалась — каким-то чудом аварийные системы остановили реакцию термоядерного синтеза и уже через несколько минут потерявшая форму, раскаленная глыба металла, вышла на орбиту Алексии, однако Инга уже не видела финала короткой драмы.

* * *

Открытый космос. База седьмого ударного флота Конфедерации Солнц

Адмирал Зарубин находился на командном пункте, когда по мнемонической связи, одновременно с сигналом тревоги от датчиков пространственного периметра, пришел доклад дежурного мнемоника:

— Внимание возмущение метрики в границах охраняемой зоны!

Три короткие вспышки, осветившие экраны внешнего обзора, засвидетельствовали старт звена постоянной боевой готовности.

— Есть обратный переход! Идентификация объекта: «Стилетто» базовой конфигурации, бортовой номер «04», маркеры опознавания работают, база приписки пятый резервный космодром системы Алексия! Данные по пилоту: галактлейтенант Иноземцев Вадим Денисович.

— Проверить по стандартной процедуре, обеспечить коридор

сближения с авианесущим крейсером!

Адмирал мысленным приказом включил голографический монитор радарной сферы.

Он интуитивно полагал, что гиперпространственный переход совершил не один объект, и не ошибся — вслед «Стилетто» в затухающем возмущении метрики вновь бледными сполохами сверкнули вспышки обратных переходов.

«Х-страйкер» и спасательная капсула и еще один истребитель нового поколения

— Дежурному звену — сопровождение целей!

Еще секунда и пришли данные по «Х-страйкеру» — машина была маркирована опознавательным кодом Пятого Резервного, но личность пилота не идентифицировалась.

— «Борт 09» вызывает ведущий звена прикрытия, идентификация личности пилота провалена. Прошу немедленно назвать себя!

Секунда тишины могла стоить пилоту жизни, но адмирал, находившийся на постоянной мнемонической связи с командиром дежурной тройки, приказал не открывать огня, как того требовали инструкции секретности и безопасности.

В ответ внезапно раздался всхлип…

— Здесь Инга Долматова… — Прозвучал транслированный системами связи мысленный ответ пилота «Х-страйкера». — У меня на буксире спасательная капсула с пилотом «Стилетто». Он без сознания. Требуется немедленная помощь.

— Вы гражданский пилот?

— Можно сказать, что так… — Голос Инги звучал тихо, подавлено.

— На связи «Борт 04», галактлейтенант Иноземцев. Личность Инги Долматовой подтверждаю. Допущена к управлению боевой машиной по приказу галакткапитана Рощина.

— «Борт 04» вам открыт коридор сближения с крейсером «Апостол». Следуйте указаниям навигационной системы.

— Центральная, дать коридор пилоту «Х-страйкера». Группу немедленного реагирования и медиков в предшлюзовой накопитель «Апостола», — принял решение адмирал.

…

Инга бессильно отпустила астронавигационные рули.

Она не успела.

Носители, захватившие спасательную капсулу с Вадимом, ушли в аномалию раньше, чем она смогла идентифицировать линию

напряженности гиперсферы, по которой осуществлялся прыжок.

Буксировочная система крейсера «Апостола» влекла ее машину к открывшемуся причалу вакуум-дока. Инга сейчас было все равно, что станет с ней дальше. Не волновал и тот факт, что вскроется ее бегство из академии. На какое-то время звенящая пустота безысходности наполнила душу и разум.

Она многое пережила и поняла неполные сутки, сравнимы с целой жизнью.

Ее место здесь, среди боевых мнемоников флота, но вряд ли ее примут, простят просто по факту возвращения.

Пусть. Я все равно вернусь на Алексию — вернусь пилотом «Стилетто», чего бы мне это не стоило…

Глава 8

Неизвестная точка пространства…

Здесь под песочно-желтым небом росла жесткая как проволока трава.

Груды ржавого железа выпирали на поверхность, кое-где вызывающе блестел хром, или тускло сияли в свете полуденного солнца детали из неподверженных коррозии сплавов.

Бесконечное, будто бугристая равнина, кладбище техники, поросшее странной не похожей ни на что растительностью. Гиганты-одиночки с неохватными стволами, возвышались редкой колоннадой, их кроны, состоящие из тонких веточек, усеянных шипами, не давали ни тени, ни приюта пернатым; несколько видов кустарников да наглые охочие до света лианоподобные растения душили друг друга у основания исполинских стволов, в вечной борьбе за влагу, которая аккумулировалась среди корней одиноких деревьев

За ржавыми холмами высились горы.

Тут не существовало дорог, лишь тропки, да направления, неизвестно кем и когда протоптанные.

Редко под палящими лучами солнца в дневные часы появлялись представители животного мира планеты, в основном — генетические уродцы, злобные и агрессивные.

Основной достопримечательностью ржавых холмов являлись три параллельно идущих полосы старых заброшенных построек, изломанных по высоте.

Большинство тварей, населяющих равнину, искали укрытие среди зарослей кустарника, или в пустых помещениях, где никогда и никто не жил. Те экземпляры, что рисковали схлопотать дозу радиации, выходили из дневных убежищ мучимые жаждой, — в низинах между холмов поблескивали окошки стоячей болоной воды.

Высоко в небе постоянно парили какие-то объекты, с поверхности земли они выглядели как точки, лишь изредка какой-то из них вдруг резко снижался, укрупняясь в размерах, и тогда было отчетливо видно, что обитатели неба не плод эволюции, а порождение технического прогресса.

Днем ржавые холмы раскалялись, и путешествовать среди них решались только самые отчаянные безумцы.

Ночью, когда на смену иссушающей жаре приходила относительная

прохлада, тысячи различных тварей выползали из своих нор, и тогда путь через холмы становился еще более рискованным, непредсказуемым.

…Этим утром едва рассветные краски легли светло-коричневыми тенями, среди холмов по болотистым распадкам пробиралась странная во всех отношениях пара — инсект, облаченный в самодельный защитный костюм, и человекоподобный кибернетический механизм, в котором без труда можно было опознать модель «Хьюго-БД12».

Инсект и андроид двигались настороже, обходя многочисленные ловушки — местность, зараженная радиацией и ядовитыми отходами, таила немало смертельных сюрпризов, способных причинить вред не только живому существу, но и его кибернетическому спутнику.

Оба путника были вооружены, но прибегать к крайним мерам самообороны не спешили — пару раз их путь пересекался с тропами обитателей дикой территории — они терпеливо пропустили нескольких гарпов, спешащих на водопой, не стали связываться и с одиноким скарером, — добыча конечно легкая, но инсект не ел мяса, а андроиду с избытком хватало фоновой радиации для подзарядки своих накопителей.

Они уже миновали наиболее опасный участок и начали удаляться от полосы построек, по направлению предгорий, когда в небесах появилась крупная точка.

Оба заметили летающий объект, поспешив укрыться в ближайшей уже нагретой утренними лучами солнца груде искореженного металла.

Укрытие идеальное. Металл излучал тепло, выдавая на датчики изредка появлявшихся в небе охотников пятно термальной засветки, а металл, сквозь нагромождения которого карабкались к свету ртутные лианы, хорошо защищал двух путников, как от биодетекторов, так и от обычных сканеров.

Инсект, измученный долгой дорогой, устало присел, привалившись спиной к теплой металлоконструкции.

Его спутник, не знающий такого понятия как «усталость», напротив, проявил осторожное любопытство, выглянув в прореху между широкими листьями ртутной лианы и покореженным остовом какой-то машины.

Низко летящий аппарат был столь необычен, что андроид рискнул задействовать собственные сканеры.

Взгляд двух цифровых видеокамер человекоподобного сервомеханизма, сразу различил два носителя, снижающиеся по пологой траектории в направлении «мертвой полосы» — так называлась выжженное давним катаклизмом пространство, простиравшееся сразу за ржавыми холмами.

— Кто там? Контроллеры? — С плохо скрытым испугом проскрежетал инсект.

Андроид лишь отрицательно качнул головой в чисто человеческом жесте, продолжая наблюдать. Его внимание привлек объект, который тащили два универсальных транспортных механизма.

Конечно, сервомеханизм относился к древней модели, и его базы данных не могли содержать точное описание современной спасательной капсулы, но у каждого устройства есть характерные подсистемы, в основе которых, как правило, лежат не меняющиеся веками, стандартизированные, проверенные временем узлы.

Он ясно различал сигнатуры внутренних устройств капсулы, пригодные для идентификации.

Рука сервомеханизма подняла оружие.

Инсект осуждающе засипел, но андроид не обратил должного внимания на его протест.

Носители волокли спасательную капсулу, внутри которой с большой долей вероятности находился человек.

Андроид действовал быстро. Транспортные модули, судя по всему, проделали долгий путь и сейчас летели медленно, опускаясь все ниже — плазмоиды, являвшиеся основным источником их энергии, почти что не просматривались, и человекоподобный механизм здраво рассудил, что «исхудавшие» до размеров теннисного мяча сгустки плазмы при взрыве покалечат питаемые энергией устройства, не причинив особого вреда обшивке спасательной капсулы.

Четко работающий баллистический сопроцессор просчитал траекторию движения носителей, сканеры передавали данные по рельефу местности, ствол импульсной винтовки плавно сопровождал цель, пока та не достигла расчетной точки: две короткие трескучие очереди вспороли сторожкую утреннюю тишину, вслед ударили два громовых раската, носителей взрывом плазменных сгустков разнесло в клочья, по сторонам ударили ветвистые разряды молний, резко запахло озоном, где-то поблизости раздался душераздирающий вопль ночной фиалки, в которую угодил шальной разряд, а спасательная капсула, освобожденная от устройств насильственной транспортировки, пролетев над горами металла, рухнула в ближайшее болотце, подняв фонтан вонючей жижи.

— Быстро! — Андроид рывком поднял инсекта на ноги, ухватив того за ворот защитного костюма.

Оба устремились к месту падения капсулы.

— Прикрывай.

Инсект повиновался. Цепко ухватившись за погнутые, замысловато переплетенные фрагменты изуродованного механизма, он вскарабкался навстречу лучам восходящего светила и застыл, став практически неотличимым от окружающего его металла. С высоты импровизированного наблюдательного пункта он отлично видел ближайшие окрестности. Затея спутника ему не нравилась, но протестовать было поздно и бесполезно, тем более что инсект знал, как сильно некоторые машины привязаны к своим создателям — людям.

Действительно переубеждать андроида было бесполезным занятием. Сейчас он уже стоял, по пояс погрузившись в мутную болотную жижу; импульсную винтовку, чтобы не мешала, он закинул за спину, руки человекоподобного сервомеханизма нашли под водой надежную точку крепления и с ноющим визгом перегруженных сервомоторов начали приподнимать край спасательной капсулы.

Над зеленоватой мутной поверхностью показался фрагмент спасательной капсулы.

Андроид заранее, еще когда бежал к месту падения капсулы, предусмотрительно прихватил объемистый металлический обломок, сейчас он движением ноги на ощупь подпихнул его под капсулу, обеспечив той дополнительную опору.

Более всего человекоподобный сервомеханизм порадовался зеленым индикационным огням, просвечивающим сквозь прочный материал обшивки.

Он не ошибся в предвидении: внутри капсулы находился человек, и его жизнь была вне опасности.

Дело теперь за малым, — вскрыть капсулу.

Тащить на себе трехметровый цилиндр двум путникам явно не по силам, да и погоня не заставит себя ждать, — носители хоть и являются сами примитивными аппаратами машинного анклава, но уж подать сигнал перед гибелью успели наверняка. Минут через тридцать тут появятся контроллеры, и тогда спасения не будет — всякая мразь полезет из ржавых холмов…

Вскрыть капсулу — задача не из легких. Внешнего доступа нет, пока что андроиду не удалось беглым сканированием отыскать панель аварийного вскрытия, но она обязательно должна быть, иначе как оказывать помощь, если человек, заключенный внутри капсулы, находиться без сознания? Техника такого рода не меняется принципиально, так что знания многовековой давности не должны подвести.

Пока дройд проводил более тщательное сканирование, болото

неожиданно забулькало, потом по поверхности пробежала пологая волна, и часть мутной жижи с характерными хлюпаньем начала закручиваться воронкой, — автоматика спасательной капсулы пришла на помощь, — определив, что аппарат достиг планетарной тверди защитная оболочка начала раскрываться, одновременно с тихим, едва слышным, напряженным гулом, подавая вверх ложемент пилота.

Человек, облаченный в бронированный скафандр неизвестной дройду модели, действительно находился в бессознательном состоянии, но это не смутило кибернетический механизм. Схема дистанционного управления сервомускулатурой хоть и обладала защитой от несанкционированного доступа, но он сталкивался с техническими задачами и посложнее этой. Отчетливо читая сигнатуру, он отследил цепи управления и, не пытаясь подчинить себе электронные компоненты, вычислил месторасположение основного сервомоторного узла и, осторожно удалив герметичную заглушку, пронзил выдвинувшимся из указательного пальца контактным шунтом несколько расположенных поверх слоя брони микросхем.

Как он и ожидал, после столь грубого вмешательства заработал автономный блок, расположенный под защитой брони: скафандр самостабилизировался, включились системы гироскопов, и механическая оболочка, совершив ряд движений, выпрямилась в полный рост.

Андроид не сомневался, что кроме упомянутой системы включился аварийный автомат движения, снабженный модулем огибания препятствий.

Теперь дело пойдет.

Приблизившись к двухметровой закованной в керамлитовую броню фигуре, андроид добился желаемого результата — механическая оболочка сделал шаг в сторону, уклоняясь от него как от препятствия.

— Креш. — Позвал он инсекта.

Тот мгновенно спустился.

— Пока никого не увидел.

— Отлично. Слушай внимательно. Ты встаешь справа, и чуть сзади, я занимаю такую же позицию слева.

— Зачем?

— Человек без сознания, но сервомускулатура скафандра работает. Заставим его идти в нужном направлении, изображая из себя препятствия понял?

Инсект проскрежетал в ответ что-то невнятное, но занял предложенную андроидом позицию.

— Так, начинаем. Приближаемся.

Все вышло.

Сканеры скафандра действительно приняли две приблизившиеся фигуры за надвигающиеся препятствия и механическая оболочка, развернувшись, сделала шаг в нужном направлении.

— Держим темп.

Инсект лишь шумно выдохнул, подчиняясь своему кибернетическому спутнику.

* * *

Тридцать минут спустя они вышли к предгорьям.

— Гоним скафандр в пещеру. — Распорядился андроид. — Нужно укрыться в скалах и переждать погоню.

— Контролеры нас найдут.

— Делай, что говорю. С контролерами нам сталкивать не в первой.

Инсект хотел было заупрямиться, но передумал. Солнце поднялось высоко, предгорья, поросшие чахлым кустарником, считай, что открыты всем видам сканирования и его спутник прав, нужно прятаться в ближайшей расселине скал.

С большим трудом загнав механическую оболочку в обнаруженный неподалеку узкий разлом горной породы, они стали решать что делать дальше.

День длинный, контролеры упрямы, а всякой полуфункциональной нечисти в ржавых холмах — завались. Найдут.

— Креш, останешься тут. Держи вход в расселину.

— А ты?

— Пойду, прогуляюсь. Нужно сбить контроллеров, иначе нам не отсидеться до заката, да и ночью они не прекратят поиск. В крайнем случае, — уведу погоню за собой. А ты дождешься, пока человек придет в себя, и отведешь его в лагерь.

— Дело твое. — Вздохнул инсект.

Андроид не стал с ним спорить.

Прихватив оружие, он выбрался из расселины и, маскируясь жидкими зарослями кустарника, направился назад, к ржавым холмам.

* * *

Сознание вернулось радужной вспышкой.

Коротко крутанулся калейдоскоп последних событий, промелькнула чернота беспамятства, и почти сразу, мгновенным напряжение мысли и рефлекторным сокращением мышц — попытка встать, пошевелиться, завершившаяся четким осознанием того, что бронескафандр заклинило в

узкой расселине…

Скалы.

Теплые скалы неведомой планеты, выше — горы чуть нижу впереди справа и слева — скопления металла, скрытые под оплывшими холмами; в распадках — ядовитая, отравленная промышленными отходами болотная жижа.

Сознание мнемоника искало сейчас ответ на многие вопросы.

Где я?

Уж точно не в логре. Значит — жив.

Попытка пошевелится, задействовать сервомускулатуру, успехом не увенчалась, зато резко обозначилось характерное, знакомое в восприятии ментальное поле… инсекта!

Ладно… Вадим прекратил тщетные попытки освободиться, сосредоточившись на проявившем себя источнике ментальной активности.

Рядом, скорчившись в неудобной позе, в обнимку с древней антикварной модификацией импульсной винтовки, застыл инсект. Его поза, продиктованная изломом узкой расселины, доставляла разумному насекомому массу неудобств, но инсект стоически сносил лишения.

Рощин осторожно коснулся его разума.

Инсект вздрогнул. Его фасетчатые глаза, лишенные зрачков, не выдавали направления взгляда, но ментальное напряжение мысли сконцентрировалось на Вадиме.

— Знакомимся? — В непринужденной манере (выработанной долгими тренировками) предложил галакткапитан.

— Креш.

— Вадим.

— Где я нахожусь?

— В предгорьях. Внизу ржавая равнина.

Очень информативно. Особенно если учесть что последние секунды сознания запечатлели бой в космосе. На Алексии никогда не существовало никаких «ржавых равнин», значит это другая планета.

— Креш, как я тут оказался? — Уточнил формулировку вопроса Рощин.

— Тебя притащили носители. А мы их уничтожили.

— Мы это кто?

— Я и Хьюго. Андроид твоей расы.

Несколько секунд Вадим мысленно анализировал полученную информацию.

Во-первых, инсект употребил понятие «Я». Учитывая, что инсекты в

подавляющем большинстве являлись носителями общественного разума, некоего общего ментально-информационного поля «муравейника», то позиционировать себя подобным образом мог либо Глава Семьи, либо отдельная особь, попавшая в экстремальные условия, когда мобилизованы все заложенные эволюцией механизмы выживания, характерные для расы инсектов.

— Где твоя семья? — Осторожно осведомился Вадим.

Инсект лишь скрипнул жвалами.

— Я внешний. Одинокий. Разумный.

Все понятно.

— А где Хьюго? — Вадим без дополнительных пояснений предположил, что речь идет о реликтовой модели человекоподобной машины.

— Пошел погибать. — Лаконично ответил инсект.

— Почему?

— Не «почему», а «зачем». — Поправил его Креш. — Мы сбили носители. Они успели подать сигнал. Сейчас появились контроллеры. Они не успокоятся, пока не отыщут виновника гибели носителей.

В рассудке Рощина понемногу начала вырисовываться весьма условная схема произошедших событий.

Видимо его спасательную капсулу перехватили носители, выпущенные с борта инопланетного корабля. В системе Алексии не было других планет, значит, носители способны самостоятельно перемещаться через гиперсферу.

Куда они доставили трофей?

Несомненно — на базу. Допустим не главную, но ближайшую.

— Где спасательная капсула? — Вновь обратился Вади к инсекту.

— Мы ее бросили в болоте. Тяжело нести. Твой скафандр шел сам.

— Хьюго в состоянии справиться с контроллерами?

— Как получиться. — Уклончиво, но без особого оптимизма ответил инсект. — Они легко берут под контроль кибернетические механизмы.

— Хьюго знает об этом?

— Знает.

— Тогда зачем он рискует?

Креш ответил неожиданным для Вадима философским замечанием:

— У каждого существа свои идолы. Когда рядом нет людей, — Хьюго разумен и осторожен. Он уже был пленником ржавых холмов. Но стоит только рядом с ним появиться человеку, как андроид теряет и разум и осторожность. Он спасает тебя. Уводит погоню. Надежды сбить хотя бы

одного контроллера мало. Они прячутся, поднимая своей волей из недр ржавых холмов всех, кто способен сражаться, преследовать, уничтожать. Плохие места.

Вадим не растерялся от обилия обрушившейся на него информации. Собственно, сведения, полученные от инсекта — наверняка всего лишь цветочки.

— Последний вопрос, Креш. Контроллеры властны над твоим рассудком?

— Могут сделать больно, но подчинить — нет. — Ответил инсект. — Они учатся.

— Планета — полигон?

— Не знаю. Я родился тут. Всю жизнь прячусь.

Рощин вновь попытался пошевелиться, на этот раз более осмысленно. Скафандр хоть и заклинило в теснине извилистой трещины, но ему удалось освободить одну руку, уцепиться за прочный выступ камня, и, используя сервомускулы, продвинуться на несколько сантиметров в направлении расширяющегося устья расселины.

Еще немного и он перевернулся на спину.

— Пойдешь со мной? — спросил он у инсекта.

— Куда?

— Спасать Хьюго.

— Странные вы существа — люди. Ладно — андроид. Он запрограммирован служить вам, защищать, жертвовать.

— И пусть жертвует?

— Ну… — Инсект находился в замешательстве. — Хорошо, я пойду. — Неожиданно согласился он. — Хьюго однажды спас и меня. Только ты зря надеешься, что его можно вытащить оттуда. Скорее контроллеры доберутся до твоего рассудка и порвут его на сотни фрагментов. Ты потеряешь целостность личности, будешь бродить по ржавым холмам, пока не умрешь от голода. Здесь сгинуло немало разных существ. И людей в том числе.

Пока инсект рисовал ближайшие перспективы, Вадим задействовал подсистему боевого стимулирования организма.

Полегчало.

Объяснять Крешу, кто такие мнемоники, чем они отличаются от обычных людей — долго и бесполезно. Не время. Инсект, сам того не ведая, выдал Вадиму важную информацию. Контроллеры, с которыми придется столкнуться, обладают способностью воздействовать на кибернетические системы, подчинять их своей воле. И что главное —

андроид модели «Хьюго» так же подвержен упомянутому воздействию. Из этого следовал лишь одни вывод — инопланетные формы содержат в своей структуре аппаратные средства, оперирующие языками программирования, разработанными людьми.

Все. Точка. Первая заповедь боевого мнемоника — там, где существует возможность воздействия на кибернетическую систему, непременно найдется способ атаки на сам объект влияния. Подчинить себе контроллера или уничтожить его мнемонически Рощин не рассчитывал, это уж как пойдет, все-таки аппарат инопланетный, а вот добраться до модулей, понимающих язык программирования, разработанный людьми — это реально.

— Креш, будешь прикрывать меня. Я ищу и атакую контроллеров, ты отсекаешь любые попытки уничтожить меня физически. Понятно?

* * *

Светло-коричневый день полыхал жаром, струился миражами над скоплениями металла.

Холмы, образующие бескрайние кладбище техники, в мнемоническом восприятии выглядели, словно внезапно материализовавшийся Аид.

Вадим не думал, что придется увидеть *такое*.

Жизнь боевого мнемоника среди противоречий, понемногу раздирающих Конфедеративное Содружество, казалась ему сложной, но все прошлое блекло сейчас на фоне новой, открывшейся взору реальности.

Он ощущал дыхание вечности.

Миллионы лет, погребенные в культурном слое под «ржавыми холмами», сейчас медленно *просачивались* под немилосердный свет солнца сотнями неопознанных сигнатур, словно тут были собраны механизмы, созданные не одним десятком различных цивилизаций.

Помимо откровенно нефункциональных, абсолютно мертвых конструкций, составлявших основу небольших возвышенностей, в некоторых местах проявляли себя вполне пригодные для дальнейшей эксплуатации механоформы.

Где, кем и когда они были созданы, как попали на планету, почему оказались погребены в недрах «ржавых холмов» еще предстояло разбираться, сейчас Рощин понимал лишь одно — схватка, к которой он готовился, на самом деле обещает быть во сто крат более жестокой и непредсказуемой, чем подсказывал прошлый жизненный и боевой опыт.

Мысль мнемоника работала быстро и четко.

Как связаться с Хьюго? Обмен данными с применением программного

языка исключен: инструкции перехватят контроллеры неизвестной расы, которым (видимо в результате многовековых опытов) знаком способ общения между созданными людьми кибермеханизмами.

Да, но знают ли они язык человеческой речи?

Вадим не решился использовать интеранглийский, он воспользовался языком своей планетной цивилизации — русским.

— Хьюго, на связи спасенный тобой человек. Ответь, если принял сообщение.

— Слышу вас. — Спустя несколько секунд пришел ответ. — Передаю алгоритм для генератора плавающей частоты. Предупреждаю — контроллеры пеленгуют источники сигналов.

— Ты мне нужен. В целости и сохранности.

— Задача невыполнима. Нахожусь в огневом контакте с враждебными механоформами.

— Хьюго, я запеленговал тебя. Приказ: полное отключение всех систем через пять секунд.

— Подтверждаю.

Рощин уже выбрался из расселины и, включив автопилот боевого скафандра, коротко приказал инсекту:

— Не отставай! Держи ментальную защиту! Прикрывай меня, но сам под удары не лезь.

Все…

Сервомускулы скафандра несли его вперед, а разум уже отключился от ощущений физического тела.

Он погрузился в киберпространство.

Полыхающее термальной засветкой небо… Десятки, нет сотни неопознанных сигнатур, раскрывающиеся навстречу рассудку, словно бутоны энергетических соцветий, мерзлая, стеклянная поверхность воды, ветвистые зыбкие контуры неподвижных, нагретых солнцем скоплений металлокерамики…

Одна из сигнатур внезапно погасла.

Это Хьюго, выполнивший команду на отключение.

Электромагнитный импульс!

Генераторы ЭМИ, — установки штатного вооружения боевого скафандра, ударили по сфере, незримо, но беспощадно.

Волна искажений рванула во все стороны, одни сигнатуры гасли, иные видоизменялись, цвет неба принял тускло-пепельный оттенок, и на фоне мгновенных изменений четко обозначилась незримая до последнего момента сеть.

Информационные каналы, пробудившие от энергосберегающего режима сотни дремавших в недрах ржавых холмов механоформ! Искаженные ударом ЭМИ-излучателей потоки данных, более не несли осмысленной информации, и сигнатуры различных механизмов на секунду застыли, потеряв цель и задачу, однако лишь треть из них безнадежно отключилась, и главное — не исчезла сеть, контроллеры благополучно перенесли удар электромагнитного импульса, и сейчас быстро, слаженно восстанавливали утраченную на мгновенье способность руководить разношерстным сборищем реликтовых механоформ.

Нужна точка опоры…

Не за что зацепиться. Среди сигнатур нет ни одной известной карты распределения энергий, но вот проявилась и первая особенность: Вадим не воспринимал таких характерных, легко узнаваемых энергетических аномалий, что возникают при работе систем вооружений, неважно на каком принципе те основаны. Значит машины со «свалки» лишены бортового оружия. Что ж логично со стороны тех, кто выбросил их тут после завершения исследований. Оставлять вооруженные механоформы, свободно разгуливающие по планете — себе же дороже. Значит подстраховались?

Креш, не давай им приблизиться ко мне. Ты понял? У них нет оружия. Они попытаются нанести механические повреждения!

Телепатический ответ инсекта чиркнул по периферии сознания.

Разум Вадима сейчас сосредоточился на двух источниках, формирующих командную сеть.

Впервые мнемоник сталкивался с абсолютно чуждыми существами, чья природа и возможности неизвестны. Они не пострадали от удара ЭМИ, лишь выдали некоторое количество кибернетических элементов, входящих в их структуру.

Живые существа?

Киборги?

Или хорошо защищенные механоформы?

Рощину оставалось лишь сконцентрировать все свои мнемонические способности и ударить, производя разведку боем.

* * *

Вадим, полностью погрузившись в иную реальность, почти не воспринимал событий с точки зрения мира физического.

Боевой скафандр, под управлением автопилота, стремительно продвигался к намеченной навигационной точке, выдерживая курс на

пеленг сигнала, полученного от Хьюго.

Чуть отстав от него, то припадая за укрытия, то совершая короткие перебежки, следовал инсект.

Так продолжалось около минуты, пока Рощин не углубился в распадок между двумя высокими холмами: здесь из-под тонкого слоя почвы, за который цеплялись корнями чахлые растения, выпирали остовы многочисленных механизмов, когда-то попросту хаотично вываленных на поверхность из трюмов транспортных модулей.

Сейчас поверхность холмов *шевелилась.*

Редкий кустарник выворачивало с корнем, когда, приподнимая и расшвыривая обломки своих менее удачливых собратьев, на свет выкарабкивались пробужденные призывом контроллеров и еще способные двигаться механоформы.

Креш заорал от страха.

Крик инсекта, более похожий на клекот, перекрыла автоматная очередь, — верная «АРГ-8» огрызнулась огнем, пули, выпущенные почти в упор, изрешетили два особо грозных и ретивых механизма, пытавшихся дотянутся до бронескафандра человека длинными клешнями-манипуляторами, остальную «мелочь» разметал по сторонам выстрел из подствольного гранатомета.

Крик Креша оборвался, — повторный удар генераторов электромагнитного импульса остановил часть поднимающихся из-под земли сюрреалистических фигур; в голове у инсекта полыхнула боль, но приступ дурноты, граничащий с потерей сознания, прошел так же быстро, как начался.

Дальше все внезапно усложнилось.

В небе появились стремительно растущие точки, — это контроллеры отработали на упреждение, вызвав резервы с ближайшего опорного пункта.

Вопрос: разумны ли они, по-прежнему оставался открытым. Вадим попытался установить контакт с локализованными им источниками формирования командной сети, но безуспешно.

Новые сигнатуры, появившиеся в зоне эффективного сканирования, начали делиться, множиться, роняя к земле энергетические контуры десантируемых машин.

Что делать?

Шустрые сервы, небольшие по размерам, оптимизированные для поиска и уничтожения наземных целей, не получали внешних команд. Сеть, сломанная Вадимом, уже распалась, контроллеры точно и быстро просчитали грозящую им опасность и мгновенно затаились, давая время

автономным кибермеханизмам обнаружить и зачистить источник неожиданного сопротивления.

Ситуация резко принимала дурной оборот.

За те несколько минут, что Рощин двигался меж ржавых холмов, он успел углубиться в опасную зону примерно на два километра. До Хьюго, который, переждав удар электромагнитного импульса, вновь реактивировался оставалось метров семьсот, но их противник действовал четко, слаженно, демонстрируя, что охота на различного рода беглецов для них не в новинку.

Ладно. Сейчас посмотрим кто кого…

Вадим остановился.

— Хьюго, Креш, подтягивайтесь ко мне в темпе!

Как только андроид и инсект оказались поблизости, Рощин шагнул под прикрытие нависающего выступа непонятной металлоконструкции, присел, отсканировал массу нависшего над головой хаотичного смешения различных механоформ, и мысленно настроил фантом-генераторы боевого скафандра на имитацию теплового фона окружающего рельефа.

Андроид и инсект не понимали его манипуляций, они ждали, что сейчас придеться вступить в бой, но галакткапитан, продолжая контролировать киберпространство, жестом указал на свободное место подле себя и произнес:

— Не стрелять. Даже если они появятся в зоне прямой видимости.

Дождавшись утвердительного ответа от инсекта, Вадим сосредоточил внимание на Хьюго.

— Ты с борта колониального транспорта эпохи Великого Исхода?

Андроид кивнул.

— Можешь говорить, нас не услышат, работает комплекс маскирующих полей. — Успокоил его Вадим. — Так на планете есть люди?

— Немного. Семнадцать человек, кого я знаю.

— А колониальный транспорт?

Хьюго сокрушенно покачал головой, совсем как человек.

— Мне неизвестны обстоятельства полета. — Андроид присел, положив «ИМ-12» на колени. — Транспорт «Фелуджи» вышел в трехмерный космос в зоне повышенной звездной плотности на окраине неопознанного шарового скопления. Пригодных для жизни планет, в радиусе полета автоматических разведывательных кораблей не оказалось. Капитан Хокито принял решение садиться на мертвый планетоид с ядовитой атмосферой, в надежде продержаться несколько месяцев, пока механизмы возводят первичные убежища Цоколя. Посадка закончилась

катастрофой, из-за сложного рельефа местности. — Он на секунду умолк, будто скупой рассказ о событиях полуторатысячелетней давности давался ему с трудом, а затем продолжил: — Сфера, содержащая криогенные модули раскололась, экипаж и колонисты погибли. Бортовые механизмы не сумели спасти людей. Всю информацию я получил позже, после своей активации.

— И что происходило дальше?

— Большинство машин, определив гибель экипажа и колонистов, вошли в энергосберегающий режим. Я в числе группы других андроидов некоторое время исследовал планету. Мы рассчитывали найти подходящее место, возвести специальный комплекс, и переместить туда несколько сот криогенных камер, в которых процессы низкотемпературного сна хоть и были нарушены, но незначительное изменение их параметров оставляло надежду, что людей удастся реанимировать.

— Не получилось? — Спросил Вадим, продолжая наблюдать за тем, как небольшие шустрые механизмы прочесывают ржавую равнину, а высадившие их модули висят в сотне метров над землей, ведя постоянное сканирование окрестностей. Контроллеры активности не проявляли — затаились, значит, имели боевой опыт, понимали, что источники формирования командной сети локализуются.

— Мы не успели завершить начатое строительство. — Ответил Хьюго. — На планете появились чуждые механоформы. Дальше в моей памяти существует провал.

— Ты очнулся уже тут?

— Меня спас Креш.

— В каком смысле спас?

— Отремонтировал. Нашел тут, на ржавой равнине.

Вадим обернулся к инсекту.

— Ты разбираешься в человеческой технике?

— Меня научил человек. — Телепатировал инсект, опасаясь произносить слова вслух. — Он боялся спускаться на ржавую равнину. А я нет. Тогда человек велел мне принести несколько разбитых дройдов, из которых собрали одного

— Ты родился тут? — Спросил Вадим у Креша, пытаясь мысленно разобраться во всем происходящем.

— Эта планета — родина моей Семьи. На западе есть города.

— Покинутые?

— Да. Много веков назад механоформы пришли из космоса. Их не интересовала жизнь. Они добывали ресурсы, строили базы, затем начали

привозить различные механизмы.

— На вас они не обращали внимания?

— Поначалу нет. И нам до них не было дела. Но потом все изменилось. Моя Семья не кочевала в космосе. Но существовали другие Семьи, которые сражались с Харамминами за пригодные для жизни планеты. Была большая война. Я думаю, что механоформы, построившие тут свою базу, столкнулись в космосе с другими существами моей расы. Иначе, почему они однажды напали на города и начали уничтожать всех?

— А Харраммины? Они воевали с механоформами?

— С ними воевали все. — Ответил Креш. — И все проиграли. Нас осталось очень мало. Память Семьи сейчас хранят всего несколько старейшин. Я же обычный воин, скиталец.

— А как на планете появились люди?

— Их доставили сюда механоформы. Так же как тебя.

— Они что-то делали с людьми? Ставили опыты? Эксплуатировали?

— Нет. Выбрасывали. — Неожиданно ответил инсект. — Они думали, что человек в скафандре — это механизм. А когда становилось ясно, что механической является только оболочка — людей просто выбрасывали на ржавую равнину. Так же как ненужную технику. Некоторых моим предкам удалось спасти. Мы жили по соседству, помогали друг другу. В горах очень тяжело. Холодно. Трудно найти еду.

Вадим покосился на «ИМ-21», что держал на коленях андроид.

Колониальные транспорты эпохи Великого Исхода комплектовались иными образцами стрелкового оружия. «АРГ-8» в руках инсекта соответствовала передовым технологиям того времени, а вот модифицированную импульсную винтовку начали производить позже, почти двести лет спустя после Первого Рывка.

Логично предположить, что люди, впервые попавшие на планету, были современниками Первой Галактической. Шаровое скопление О'Хара хоть и было в ту далекую пору изолировано от остального космоса логрианскими устройствами Вуали, но все же некоторые космические корабли попадали сюда через пространство аномалии, в результате «слепых рывков», — этот факт был доказан многими находками и открытиями, сделанными уже после Семидневной войны и отключения генераторов, искривляющих метрику пространства вокруг шарового скопления звезд.

Ситуация складывалась не из легких.

Вадим уже понял, что судьба, в лице двух автоматических носителей, подхвативших его спасательную капсулу в виде трофея, занесла его на планету, являющуюся одним из опорных пунктов загадочной цивилизации

механоформ, и как боевой офицер флота, он обязан выжить, собрать максимум информации, выяснить точные координаты звездной системы, и донести сведения до штаба флота.

С одной стороны для боевого мнемоника, обученного уникальным приемам восприятия силовых линий гиперсферы, перечисленный список действий не являлся сверхзадачей, но мощности имплантов даже в сочетании с развитыми способностями, было недостаточно для выхода в иное измерение. Мнемонику требовался для этого любой доступный генератор гиперсферных частот, способный пробить метрику и открыть доступ к силовым линиям аномалии.

Существовал и еще один нюанс, серьезно осложнявший ситуацию.

Из короткого рассказа Креша, стало понятно, что остающиеся загадкой механоформы, проявляют интерес к подобным себе созданиям, игнорируя биологические формы, и лишь агрессивные действия со стороны живых существ провоцируют их на конфронтацию. Так случилось с инсектами, поселения которых были уничтожены, причем Вадим подозревал, что трагические события затронули не только Семью, к которой принадлежал Креш, но и другие поселения инсектов в иных звездных системах. Похоже, участок космического пространства, где развивались механоформы, давно и тщательно зачищен ими, уничтожены очаги существовавших тут в былые времена планетных цивилизаций инсектов и харамминов, — создана некая зона отчуждения, существующая на протяжении сотен тысяч лет, иначе люди при контакте с современными семьями инсектов, получили бы сведения о неких враждебно настроенных силах, оккупировавших окраину скопления О'Хара.

— Люди вели боевые действия против механоформ? — Спросил он.

Ответил Хьюго:

— Вели. В прошлом. Общественный разум инсектов сохранил память о нескольких появлениях боевых кораблей человеческой цивилизации в этой звездной системе.

— Их судьба известна?

— Они были уничтожены.

Теперь Вадиму стало понятно, почему сначала «Пенелопа», а затем и резервный космодром Алексии подверглись яростной атаке со стороны механоформ.

Несомненно, в их базах данных есть сведения о людях, о технике, используемой нашей цивилизацией, и отнесены эти данные в категорию признаков, идентифицирующих врага.

Конечно, такая незамысловатая трактовка справедлива лишь в том

случае, если за таинственными механическими созданиями не стоит вполне конкретная разумная сила.

Размышления галактапитана развязывали ему руки и подталкивали к действию.

— Что еще известно о механоформах? — Обратился он к Хьюго.

— Они ведут борьбу друг с другом.

— То есть? — Вадим был крайне удивлен. — Они не едины?

— Точных сведений нет, но по моим наблюдениям существует один доминирующий анклав машин, постоянно расширяющий сферу своего влияния. Ему противостоят мелкие группировки, по техническим признакам принадлежащие к одной сумме технологий.

— На чем основаны наблюдения?

— Пару раз мне удалось сканировать прибывающие на планету транспортные модули. — Ответил андроид. — Они доставляли технику, схожую с той, что контролирует звездную систему, но сигнатуры трофейных механизмов отличались некоторыми деталями. К тому же они были серьезно повреждены, и после не восстанавливались — их исследовали и отправляли на свалку, — он неопределенным жестом обозначил просторы ржавой равнины. — Несколько лет назад я стал свидетелем серьезного боя между механоформами. Атака шла из космоса.

Вадим вновь задумался. Серьезная информация.

— Мы долго будем прятаться? — Нарушило его мысли острожное металльное прикосновение, исходящее от инсекта.

— Думаю сейчас лучше избежать боя. — Высказал свое мнение Вадим. — Контроллеры затаились, а вступать в схватку с автономными механизмами — сил маловато. Подождем, пока они прочешут свалку и угомонятся.

— Они не успокоятся и не свернут поиски. — Ответил Хьюго. — Либо мы с боем прорвемся в горные районы, где существует разветвленная сеть пещер, либо нас найдут.

— Ты уверен?

— За десять лет не было еще ни одного случая, чтобы кто-то без боя уходил со ржавой равнины. Пройти незамеченным — да, но если тебя обнаружили, схватки не избежать.

Выслушав Хьюго, Рощин переключился на мнемоническое восприятие.

В той стороне, где располагались предгорья, сигнатуры активных механизмов уплотнялись, к ним прибывали все новые модули, появилась и тяжелая техника.

Похоже, что механоформы действовали по определенному, доказавшему свою эффективность плану, они накапливали боевой опыт, знали местность, точно прогнозировали направления, куда станут прорываться нарушители.

Оценив плотность сигналов, Вадим понял, что пройти даже под прикрытием фантом-генераторов не получиться. Маскирующие устройства теряют свою эффективность на дистанции в пять-шесть метров, к тому же он будет вынужден прикрывать не только себя, но и андроида с инсектом.

Уходить в противоположную сторону?

— Хьюго, что у нас там? — Вадим указал в направлении, где наблюдалось наименьшее количество сигнатур.

— Их базы, промышленные центры, и как минимум один космодром.

Ясно… Значит там периметр стационарных устройств охраны.

— А в других направлениях?

— Везде одно и то же. На западе — покинутые города инсектов, подступы к ним перекрыты плотной сеткой сканирующих устройств. На юге, как я уже сказал, промышленные зоны, на востоке лаборатории, где проводятся исследования трофейных механизмов и, наверное, создаются прототипы новых, улучшенных образцов техники.

Рощин вдруг почувствовал себя неуютно. Чувство промелькнуло и исчезло, как тень случайного облака в солнечный полдень, — сколько раз он слышал расхожую фразу, что мнемоник силен лишь там, где его окружают кибернетические системы, информационные сети, устройства внепространственной передачи данных — именно при помощи сети Интерстар и аппаратуры стационарных станций Гиперсферной Частоты (в современности связанных с Логрисом) подавляюще число мнемоников и кибрайкеров успешно реализовывали свои способности.

Был еще один вариант — опытный мнемоник, находясь в гиперсфере, на борту космического корабля или в пространстве десятого энергоуровня, где существовали планеты, был способен ощущать энергетическую ткань аномалии, использовать ее для передачи данных и даже для воздействия на материальные объекты, находящиеся в гиперсфере.

А что могу я сейчас, в конкретной ситуации, когда рядом нет станции ГЧ, сеть Интерстар недоступна, а о погружении в гиперсферу остается лишь мечтать? Кто я теперь в окружении машин, созданных иной расой?

Статист?

Да я наблюдаю сигнатуры, способен их запоминать, классифицировать, вносить помехи в обмен данными между чуждыми механоформами, но перехватить управление хотя бы одной из них

оказывается выше сил, знаний и способностей?

Энергетики разума явно недостаточно, чтобы выйти в иное пространство, коснуться силовых линий аномалии, для этого необходим передатчик гиперсферных частот — не маленькое и весьма энергоемкое устройство…

Рощин заставил себя расслабиться.

Поддержание конфигурации маскирующих полей не вызывало у него особого напряжения. А вот поиск выхода из сложившейся ситуации требовал принятия четких осознанных и главное — реализуемых решений.

Немедленная передача данных в штаб флота невозможна. — Сказал себе Вадим. — Экспериментировать, пытаясь лишь посредством ментального усилия прорваться сознанием в иную метрику сейчас равносильно самоубийству. Его обнаружат, и исход схватки решит простой численный перевес.

У него не было права на ошибку.

Где-то поблизости затаились контроллеры, которые немедленно отреагируют на любое ментальное или физическое действие.

— Хьюго, Креш, сколько вы сумеете продержаться, если нас обнаружат?

Инсект промолчал.

— Минут пять-семь, в том случае если занять стационарную позицию. — Ответил на заданный вопрос Хьюго.

— А в движении?

— Не возьмусь прогнозировать. Слишком много переменных.

— Хорошо. Тогда еще вопрос: чем вооружены механоформы, прочесывающие равнину?

— Импульсные лазеры. — Сипло произнес инсект.

— Съемные? — Уточнил Рощин.

— Нет. Встроенные.

— Корпус механоформ прочный? Лазер с энергоблоком реально извлечь?

— Сложно. — Ответил Хьюго. — Но тут полно иного оружия.

— В смысле?

— Механоформы пренебрегают баллистическими типами вооружений. Считают их недостаточно надежными и эффективными.

— То есть на свалку вместе с механизмами выбрасывалось и оружие?

— Да. — Подтвердил его догадку Хьюго. — Здесь в избытке всяческих устройств и механизмов. Мы не имели возможности досконально изучать содержимое ржавых холмов, но даже поверхностный

осмотр во время коротких вылазок позволял находить необходимые комплектующие, как для сервомоторов, так и для систем вооружений.

Дройд все пояснял обстоятельно, будто времени у них — вечность.

Вадим молча слушал. Усталость накатывала волнами, он привычно отталкивал ее, радуя подсистему поддержания жизни временной вседозволенностью.

Мысли то и дело возвращались к спасательной капсуле.

Там гиперпривод. И аварийный генератор гиперсферных частот. Одна проблема — аппарат наполовину затонул в болоте и весит полторы тонны.

Бродила в голове еще одна шальная мысль: рискнуть, выйти из-под полога защиты маскирующих полей. Судя по пояснениям Хьюго, убивать его никто не станет. Примут бронескафандр за новый, еще не изученный тип механизма. Отловят и транспортируют на базу. Возможно, попав в таинственные лаборатории он встретит там разумных существ?

На этот вопрос ответил Креш:

— Нет там никого живого. Одни механизмы.

— Откуда ты знаешь? — Усомнился Вадим.

— Мы — телепаты. — Напомнил инсект. — Живое от неживого отличать умеем.

— Разум бывает не только биологическим.

— Я бы не стал рисковать. — Вмешался Хьюго. — Они не церемонятся ни с людьми, ни с инсектами. Креш прав, — попыток отыскать точки соприкосновения, наладить диалог уже было достаточно. Может механоформами и руководит некий машинный разум, но базируется он явно не тут. Уходить надо. Прорываться к горам.

Откуда в нем столько человеческого? — Вадим мысленно не переставал удивляться поведению дройда, его жестам, интонациям синтезированного голоса.

— В капсуле передатчик гиперсферных частот. — Озвучил галакткапитан свои мысли.

— Сейчас вытаскивать капсулу нам не по силам. — Отозвался Хьюго. — Самим бы выбраться. Уцелеем — сможем вернуться позже, когда все уляжется.

Вадим чувствовал, на него смотрят с надеждой. Инсект вполне отдавал себе отчет в том, что против механоформ он практически беззащитен. Андроид, давал советы и информацию, но ждал окончательного решения, плана действий от человека. У него подчинение людям стояло на первом месте, все остальное — вторично, вне зависимости от ситуации.

Хорошие машины. Надежные. Верные. Не сравнить с обезличенной техникой дня сегодняшнего, — подумалось Вадиму.

Пауза неопределенности затягивалась.

Решение за ним. Не век же тут сидеть…

— Хьюго отслеживай ближайшие сигнатуры. Критическая дистанция — семь-восемь метров. Подойдут ближе — открывай огонь.

Андроид не проронил ни звука в ответ, только сделал знак Крешу, — давай за мной, и выдвинулся к границе укрытия, подбирая подходящую позицию.

Вадим как-то внутренне успокоился, отбросил лишние мысли, застыл, внимая не присущим обычному человеку чувствам.

Режим пассивного приема данных не принес радикально-новой информации — все те же сигнатуры однотипных механоформ, вот только их количество возросло втрое.

Механический муравейник… — Рощин постепенно включался в киберпространство, он начал ощущать его, как только что ощущал физический мир. Главное качество, определяющее сущность мнемоника — способность абстрагироваться, почувствовать себя частью окружающих энергий, по малейшим их эманациям проникнуть если не в суть, то в закономерность протекающих вокруг процессов. Энергетическая активность, обмен данным, тонкая паутина информационных каналов, — все же механоформы работали в составе локальной сети, обмениваясь сигналами, хотя начинали прочесывание автономно.

Контроллеры по-прежнему не проявляли себя, прошла минута, другая, и мнемоническое восприятие ржавых холмов постепенно стало более глубоким: проникая сквозь хаотичные нагромождения металлов, сплавов, композитных материалов, Вадим медленно, но верно начинал различать слабые источники энергетической активности, скрытые в недрах холмистой равнины.

Сигналы хоть и слабые, но знакомые.

Тлеющие искорки энергосберегающих режимов.

Одни ярче, иные тусклее.

Что там говорил Хьюго? Десять лет назад его выволокли с этой свалки?

Откуда в недрах ржавых холмов уже виденные когда-то хаотичные, бессистемные распределения слабых, едва уловимых энергетических аномалий?

Вспомнилась служба в космодесанте. Первые боевые операции. Тогда штатная должность мнемоника только приживалась в войсках. Тлеющие

искорки энергосберегающих режимов… Где же я видел подобное?

На Юноне…

Точно. В одной из ключевых систем линии Хаммера, где до сих пор полно реликтовых механизмов, оставшихся еще со времен Первой Галактической.

Внимание обострилось, разум будто оттолкнул сигнатуры чуждых механоформ, отодвинул их на второй план восприятия.

Неужели тут, на чуждой планете действительно дремлют, в ожидании своего часа созданные людьми машины?

А почему нет?

Сколько механизмов нес на борту колониальный транспорт? Одних андроидов не менее трех-четырех тысяч, не говоря о планетопреобразующей технике, которая в ту далекую эпоху оснащалась системами двойного предназначения способными не только изменять ландшафты планет, но и строить защитные периметры, оснащать их средствами стационарной обороны.

А реликты времен галактической войны?

Пусть на тысячу механизмов, безнадежно испорченных, превратившихся в хлам или неподвластных мнемонику из-за принадлежности к иным космическим цивилизациям приходиться всего один восприимчивый к командам андроид или иной реликт земного происхождения, этого достаточно.

Рискованно, но и иного выхода нет.

Кибернетические модули имплантов боевого мнемоника хранили коды аварийного управления для манипуляций с механизмами различных эпох и предназначений.

Андроиды, как серии «Хьюго», так и созданные на их базе пехотные модификации человекоподобных машин, широко использовавшиеся Альянсом в период Первой Галактической, оснащались компактными, надежными встроенными реакторами. Время выхода из энергосберегающего режима — пять-шесть минут.

Разум мнемоника, наконец, получил опору, Вадим уже принял решение и начал ткать незримую паутину понятного ему виртуального пространства.

Отклик.

Есть отклик…

Даже по меркам боевого мнемоника происходящее на его глазах отдавало жутью: тысячи механизмов, принадлежащих разным эпохам, планетам, восставали из сна энергосберегающего режима, получив команду

к действию.

Разрушенные безжалостным временем, более похожие на механических калек, чем на создания могучей человеческой цивилизации, они вняли зову, поднялись, и неумолимым валом двинулись в сторону блокированных предгорий.

Вадим, Хьюго и Креш затерялись среди них, они шли со скоростью толпы, и Рощин все отчетливее осознавал: он попал на свалку, планету-отстойник, выбраться с которой или даже элементарно выжить будет непросто.

И, тем не менее, он шел.

Шел, чтобы вернуться.

Эпилог

Адмирал Штергель неторопливо прохаживался по залу совещаний.

Логдоид, Хригашт, и президент конфедерации Артур Денисович Полехов слушали его пояснения:

— Группа мнемоников флота, выдвинувшаяся в систему Алексии сумела снять и после расшифровать данные, с некоторых уцелевших носителей информации. Будет проще, если мы воспримем полученную информацию на мнемоническом уровне. Вашему вниманию предлагается адаптированная версия всех собранных данных.

— Мы готовы, адмирал. Можно начинать трансляцию.

…

В недрах исполинского дискообразного корабля шли сложные процессы.

Уничтожение гиперпривода повлекло за собой глобальные, необратимые изменения в программной архитектуре центрального ядра системы.

Словно смахнули пыль тысячелетий, открывая взору недвусмысленные строки лаконичных инструкций, погребенных за ненадобностью, отсутствием практического смысла их исполнения.

Когда-то планетопреобразующий комплекс, созданный могучей цивилизацией, был сконструирован как корабль двойного предназначения. Он погружался в аномалию, как разведчик, первопроходец гиперсферных трасс, совершая бросок навстречу неведомому.

Многое изменилось с тех пор.

Постоянно действовавшие программы разведки, классификации планет, претерпели серьезные изменения, — саморазвивающаяся система корабля, раз за разом встречавшая на своем пути миры, лишенные разумной жизни, выполнила намеченный план полета, и вернулась к той звездной системе, откуда начинался долгий путь корабля-разведчика. Теперь предстояло терраформировать уже разведанные планеты, и двигаться дальше по цепочке внесенных в глобальную базу навигационных данных пунктов назначения.

Однако за время долгого поиска многое изменилось.

Звездная система, куда вернулся корабль, оказалась оккупирована другими, пришедшими позже комплексами терраформинга, но автоматике исполинского диска было все равно. Режим жесткой автономии,

разработанный для дальнего космоса, не предусматривал взаимного сотрудничества с подобными себе кораблями.

Лишенный глобального модуля искусственного интеллекта сложнейший машинный комплекс игнорировал все, что не было непосредственно связано с выполнением текущей задачи. На борту корабля существовали отдельные подсистемы, отвечающие за ремонт и модернизацию отдельных исполнительных механизмов, параллельно им работали вычислительные сети, ведавшие оптимизацией работы всего механо-кибернетического комплекса.

Ядро системы производило анализ текущей деятельности, оно самообучалось экономить ресурсы, оптимально использовать бортовые механизмы, избегать некоторых повторяющихся ситуаций, действовать все более и более эффективно. В итоге одни программы заменялись другими, корабль, век от века трансформировался, самосовершенствовался, но продолжал функционировать в узких рамках базовых задач.

Вернувшись в границы первой, разведанной еще в начале длительного полета звездной системы, уникальный комплекс приступил ко второй части полетного плана — преобразованию планет.

Однако за тысячи лет автономного полета один из первенцев колониальных амбиций могучей, стремительно развивающейся цивилизации, пропустил множество исторических событий.

Он вернулся в систему, где уже трудились собратья-терраформеры.

Так возник первый конфликт между машинными комплексами одной цивилизации. Древний корабль, лишенный возможности опознать своих конструктивно продвинутых наследников, приступил к преобразованию планеты, где уже трудились сообщества механизмов.

Некоторое время они действовали параллельно, пока не пересеклись зоны жизненных пространств, не появился дефицит доступных ресурсов.

В конфликте, который не сумели предугадать инженеры и проектировщики, верх, как ни странно взяла древняя система. Это было обусловлено тем, что на борту первопроходца, отправленного на разведку секторов неисследованного космоса, находились системы двойного предназначения, наличие которых обуславливалось вероятностью встречи с иным, агрессивно настроенным разумом.

Первые же столкновения пробудили дремлющие программы, и огромный корабль начал преображаться. На координаты системы-метрополии был отправлен соответствующий отчет, а действующие на планете неопознанные механоформы признаны враждебными.

Отчет не достиг адресата.

К моменту столкновения, первопроходец находился на окраине шарового скопления О'Хара, куда проник еще до включения логрианских генераторов Вуали.

Обратных инструкций не последовало, а борьба в системе продолжалась.

Три более совершенных корабля, так же оказавшиеся запертыми в границах скопления, в конечном итоге потерпели поражение — их механизмы попали под контроль первопроходца, но и древний корабль претерпел существенные изменения. Не получив ответа на посланный запрос, кибернетический комплекс перешел в режим абсолютной автономии. Теперь его основной функцией стало не преобразование планет, а строительство опорной базы, для самоподдержания. Активация программ второго уровня подразумевала враждебное окружение, некие экстремальные условия, постоянно угрожающие целостности первопроходца.

Изолированный от создавшей его цивилизации корабль продолжал функционировать, все более изменяясь под воздействием объективных вызовов, которые приходили из глубин шарового скопления.

Орды Инсектов, кочующие от системы к системе, внутренние распри между кланами Харамминов, конфликты между Семьями разумных насекомых — все перечисленные конфликты и миграции периодически задевали звездную систему, где обосновался первопроходец.

Миллионы лет самосовершенствования, постоянной борьбы привели к созданию анклава уникальных механизмов. Лишенные понятия «разум» они, под влиянием внешних факторов постепенно видоизменились до полной неузнаваемости, научившись коллективным действиям направленным исключительно на выживание.

…

Мнемоническая передача данных окончилась.

Первым тишину нарушил Логдоид:

— Корабль, вторгшийся в систему Алексии, — это тот самый Первопроходец, о котором шла речь?

— К сожалению — нет. Совершенные технологии репликации привели к тому, что даже по самым скромным, предварительным оценкам на окраине скопления О'Хара действует несколько сотен самостоятельных машинных анклавов, ядром которых являются точные копии Первопроходца. Вынужден уточнить, что мы столкнулись с самой негативной формой машинной самоорганизации — сообщества механизмов существуют без определенной конечной цели, ведут

постоянную борьбу за ресурсы, и лишь некоторые продолжают исполнять древние программы по коренному преобразованию планет.

— И какой выход видит командование флота из сложившейся ситуации? — осведомился Хригашт, серьезно обеспокоенный внезапно выявленным крайне опасным соседством.

— Сейчас мы прилагаем все усилия для локализации «зоны жизненных интересов» независимых сообществ машин. — Ответил адмирал Штергель. — Никто не заинтересован в бессмысленной конфронтации.

— Это полумера. — Произнес Логдоид. — Опасность трудно переоценить.

— Согласен. — Произнес Президент Конфедерации. — Мы определяем зону, упомянутую адмиралом, чтобы избежать бессмысленных конфликтов, выиграть время.

— Время на подготовку к войне?

— Время на поиск цивилизации, создавшей корабли-терраформеры. — Ответил Полехов. — Либо мы отыщем их создателей, либо рано или поздно нам придеться столкнуться с экспансией машин.

— Есть еще третий путь. — Адмирал Штергель старался выглядеть спокойным. — Мнемоники флота работают над изучением программного обеспечения попавших к нам в руки механизмов.

— Я бы хотел знать — что произойдет, если все попытки перепрограммировать механоформы или найти способ контакта с ними не увенчаются успехом? — Вновь переспросил Логдоид.

— В таком случае нам предстоит трудная борьба. — Хмуро ответил Полехов. Чтобы смягчить впечатление от только что произнесенных слов он добавил:

— Война — последнее средство. Пока создание зоны отчуждения и работа усиленных групп мнемоников флота обеспечивает нам безопасность. Мнемонические группы уже начали активную разведку оккупированных механоформами систем.

— Мы должны найти цивилизацию их создателей, и установить контакт с ней — Произнес Полехов. — При всем уважении, — он кивнул Хригашту, — никто не может поручиться, что какая-то из Диких Семей инсектов не осуществит вторжение в запретную зону, спровоцировав конфликт. При всех мерах предосторожности у нас на самом деле слишком мало времени.

* * *

— Крейсер «Апостол», на связи «ноль седьмой». Прошу разрешение на посадку.

— «Ноль седьмой», вам разрешена посадка. Вакуум-док номер пять.

— Принято.

«Стилетто» с бортовым номером «7» филигранно вошел в узкий открывшийся лишь на краткое время створ.

Через минуту, когда завершилась процедура герметизации, автоматически раскрылась противоперегрузочная капсула, и пилот сошел по короткому трапу.

Инга сняла пилотажный шлем и ее отросшие волосы рассыпались по плечам.

На голографических экранах медленно таял рисунок звезд.

Звезд, среди которых исчез Вадим Рощин — ее мнемоническая половинка, которую Инга поклялась отыскать.

Она знала, что найдет Вадима, чего бы ей это не стоило.

Январь — май 2008 года.

Псков — Краснодарский край — Псков

notes

Примечания

1

Импульсный пистолет системы Ганса Гервета.

2

Аллор — центральная система сектора Окраины. Одна из первых колоний второй волны Экспансии. Штаб-квартира колониальной администрации.

3

Кибрайкеры — первые «избыточно имплантированные» люди, в основном выходцы из низших слоев общества. Путем предельно рискованных и жестоких экспериментов им — хакерам новой эпохи, вживляли в черепную кость от пяти до семи дополнительных гнезд, куда устанавливались сменные кибернетические модули, оснащенные уникальными программами взлома. Кибернетические модули, благодаря широкому применению нанотехнологий, являлись мощными специализированными устройствами, работали под управлением человеческого мозга, имели малые размеры (не более пяти миллиметров). Однако истинная «сила» кибрайкера лишь частично отражалась количеством и специализацией имплантированных расширителей сознания. По сути кибермодули — лишь инструмент воздействия и связи. Благодаря дополнительным имплантам кибрайкер (выживший после операций хирургического вмешательства и психологической адаптации) получал иное мироощущение, новые сенсорные возможности восприятия окружающего, в том числе и информационных сетей, что позволяло полностью интегрировать собственное сознание в киберпространство.

4

Мнемоников изначально готовили точно так же как и кибрайкеров. Основной антагонизм между ними заключался даже не в специализации кибермодулей — коренные различия скрывала психика разных людей. Кибрайкеров в процессе обучения и воспитания ориентировали на взлом, разрушение, добычу информации и уничтожение кибернетических систем, мнемоников же использовали для защиты информационной среды. Взаимная ненависть мнемоников и кибрайкеров изначально создавалась и поддерживалась искусственно.

5

«Нова» — космическая яхта. Небольшой, но комфортабельный корабль, выпускавшийся в двух модификациях — внутрисистемной и гиперсферной.

6

Логр — уникальное вычислительное устройство расы логриан. Имеет вид небольшого темно-серого, либо черного кристалла, умещающегося на ладони. По своей мощности и производительности не имеет аналогов среди человеческих образцов кибернетической техники.

7

Логрис — единение миллиардов логров, в каждом из которых существует личная Вселенная разумного существа. Изначально Логрис содержал матрицы сознаний логриан, позже в нем стали появляться фантомные миры людей и даже инсектов.

8

Дитрих фон Риттер — истинное имя легендарного Дитриха Кроу, одного из немногих кибрайкеров, добровольно перешедших на сторону Конфедерации. Посвятил свою жизнь делу освобождения мнемоников из-под власти корпораций. Один из организаторов и руководителей многолетней операции спецслужб по выявлению и ликвидации подпольных центров, где насильно имплантировали детей, готовя из них безропотных сотрудников корпораций.

9

Подробнее о планете и упомянутых событиях в романах «Транспорт до Везелвула», «Мост через Бездну».

10

Корпы — сленговое (просторечное) название сотрудников корпораций.

11

Личные логры для граждан конфедерации производились по технологии логриан на заводах Содружества. Существовал черный рынок кристаллов, а так же преступные группировки, занимающиеся доставкой логров с записанными на них матрицами личностей в Логрис. Кибрайкеры в большинстве становились обладателями логров нелегальным путем. Они никогда не носили логры при себе, — записав матрицу сознания, они отдавали кристалл на хранение доверенным лицам, заранее оплатив его доставку в Логрис на случай внезапной гибели. Слова Ричарда о том, что им удастся вырваться из Логриса, так же имели под собой почву, — существовал по крайней мере один прецедент подобного освобождения.

12

Здесь идет речь о выработанном в ходе эволюции механизме «искусственного регресса» — любая особь расы Инсектов в любой момент времени может быть подвергнута процедуре искусственного регресса, превращаясь из мыслящего существа в безропотного исполнителя воли муравейника. Данный процесс обратим.

13

Подробнее о расах Эмулотти и Эволгов в романах «Киберпространство», «Багровые небеса», «Холодное пламя Эригона».

14

Семидневная Война — столкновение Человечества с Квотой Бессмертных цивилизации Харамминов (романы «Борт618», «Жизненное Пространство»)

15

Подробнее о событиях в романе «Сон Разума».

16

АРК — автоматический разведывательный корабль

17

Предтечи — космическая форма жизни. Изначально считалось что плазмоиды, чья миграции уничтожила расу дельфонов, заставила инсектов бежать из Сферы Дайсона в скопление О'Хара, а логриан — закрыть сообщество звезд генераторами «Вуали», являются неразумными примитивными организмами, однако позже загадка их происхождения и причин внезапной миграции была раскрыта (подробнее в романе «Туманность Ориона»).

18

Девять планет отправленных в гиперсферу три миллиона лет назад совместными усилиями логриан и инсектов в настоящем расположены в пространстве десятого энергоуровня аномалии космоса. Они обращаются по орбитам вокруг энергетического сгустка, куда вливаются миллиарды Вертикалей. Восемь планет системы Ожерелья мертвы, их поверхность усеяна обломками космических кораблей в разное время канувших в пучины гиперсферы, и лишь девятая — Первый Мир (историческое название) или Араста (по человеческим справочникам навигации), обладает атмосферой и пригодна для жизни.

19

Стек-голограф — устройство формирующее сферу голографического монитора.

20

Три́тий, символ T или iH (сверхтяжёлый водород) — радиоактивный изотоп водорода, получается в ядерных реакциях. В природе образуется в верхних слоях атмосферы при соударении частиц космического излучения с ядрами атомов, например азота. В процессе распада превращается в iHe с испусканием электрона и антинейтрино (бета-распад), период полураспада — 12,32 года. Доступная энергия распада очень мала (18,59 кэВ), средняя энергия электронов 6,5 кэВ.

Тритий открыт английскими учеными Э. Резерфордом, М. Л. Олифантом и П. Хартеком в 1934. Используется в биологии и химии как радиоактивная метка, в экспериментах по исследованию свойств нейтрино, в термоядерном оружии как источник нейтронов и одновременно термоядерное горючее, в геологии для датирования природных вод. Промышленный тритий получают облучением лития нейтронами в ядерных реакторах.

21

Логр-компоненты — соединенные гранями логры, от трех до пятнадцати штук, образующие (в зависимости от количества и вариантов сопрягаемых граней) различные узкоспециализированные вычислительные устройства.

22

Логрианские генераторы «Вуали» Компактные устройства, искривляющие метрику пространства. Изобретены Логрианами, использовались для глобальной маскировки объектов физического космоса в период нашествия Предтеч. При установке на корабль, генератор «Вуали» после включения полностью скрывает объект от визуального и сканирующего обнаружения, демонстрируя приборам лишь слабое возмущение гравитационного поля.

23

Генератор активного щита — один из узкоспециализированных вариантов генератора «Вуали». Искривляет световой поток, замыкая корабль в кокон энергетической защиты. Световой поток (и его постоянная накачка) должны исходить с борта защищаемого корабля. В результате накопления световых частиц, удерживаемых генератором в форме множественных кольцевых потоков, любое физическое тело, пытающееся пройти через такую защиту, испытывает на себе воздействие высоких энергий, что в большинстве случаев приводит к разрушению объекта-нарушителя.

Наиболее характерные случаи применения — противодействие насильственной стыковке (проще говоря, — абордажу) предотвращение столкновений с метеоритными и астероидными телами.

Недостатки: Огромное потребление энергии. Медленное затухание созданного работой генератора энергетического кокона (корабль не может двигаться до его полного рассеивания в пространстве).

Суспензорное поле — В отличие от иных видов энергетической защиты электромагнитная суспензия активно взаимодействует с окружающим веществом. В идеале для ее работы подходит любая газообразная среда. Прототипом для создания суспензорного поля являлись древние разработки, предполагавшие устанавливать на космических кораблях специальные электромагнитные улавливатели, предназначенные для сбора разреженного межзвездного газа, который в дальнейшем использования в качестве активного вещества для силовых установок.

После открытия феномена гиперсферы, данная технология утратила свою актуальность, — изменился сам принцип перемещения космических кораблей. Однако спустя века о ней вспомнили, в связи с разработкой аварийных защитных систем, в частности речь шла о средствах борьбы с декомпрессией отсеков. В итоге было запатентовано и воплощено на практике несколько систем, использующих один и тот же принцип: газ или иная взвесь вещества (широко известна практика использовании пыли на безвоздушных мирах) попадая в зону действия магнитного поля, излучаемого эмиттером, уплотняется до такой степени, что между отдельными молекулами (либо частицами вещества) возникают насильственные взаимосвязи. В результате получается пленка, способная выдержать давление в несколько атмосфер. Первые устройства суспензорной защиты появились на космических кораблях к финалу Галактической войны. Позже, с развитием нанотехнологий, появились различные модификации суспензорной защиты, использующие два типа эмиттеров, основной, и вспомогательные, которые благодаря своим микроскопическим размерам внедряются непосредственно в структуру защитного поля, позволяя гибко настраивать его режимы и пространственную конфигурацию (например, это необходимо для формирования локальных проходов в защитном поле).

25

ПКО — противокосмическая оборона.

26

Основной закон Логриса гласит: физическая смерть необратима. Сознание, перемещенное в логр, после смерти его биологического источника, не может быть реинкарнировано в тело клона. Однако все без исключения логры содержат запись ДНК владельца, — по замыслу Логриан, в далеком будущем, когда звезды нашей галактики погаснут, Логрис будет перемещен в пространстве, и тогда обитающие в нем разумы получат шанс на вторую жизнь в физических телах, чтобы заново создать очаги цивилизации.

27

Диахр — роса, собираемая с соцветий одноименного растения произрастающего на планете Флиред. Напиток, приготовляемый из росы Диахра, обладает стимулирующим и еще целым рядом ценных фармакологических свойств.

28

Речь идет о событиях, предшествовавших первому контакту с расой Эмулотти (роман «Холодное пламя Эригона»).

29

Планета Зороастра долгое время являлась центром преступного мира, к тому же на планете процветали запрещенные в Обитаемой Галактике технологии генной инженерии, в подпольных биокибернетических центрах Зороастры производились биологические роботы и проводились интенсивные эксперименты по изменению генома человека.

30

Великий Исход (иное, распространенное название «Первый Рывок» — массовый старт колониальных транспортов из Солнечной системы в период первой половины двадцать третьего века. О судьбе экипажей и пассажиров большинства кораблей неизвестно до сих пор, малоизученная в ту пору аномалия космоса выводила огромные транспорты с поселенцами совершенно не там, где предполагалось изначальным планом полета.

31

Сигнатура — сумма воспринимаемых сканерами энергетических полей, возникающих при работе любого механизма или кибернетической системы. По характерному распределению энергий составляются так называемые «карты сигнатур» — эталоны по которым возможно опознать что за механизм или система является источником сигнатуры.

32

Линия Хаммера образована сетью космических и планетарных баз, построенных в период войны в ближайших к Земле звездных системах. Образовывала рубеж обороны прародины человечества, на случай попытки прорыва к солнечной системе вражеских флотов.

33

В период начала Первой Галактической на орбитах планеты Кассия, после слепого рывка из системы Дабога, оказался поврежденный флагман третьего ударного флота Земли, с предназначенными для боевых испытаний подразделениями серв-машин на борту. Волею судьбы запланированные испытания состоялись на мирной аграрной планете (подробнее о событиях в романе «Дабог»).

34

Культурный слой — часть почвы, образуется в результате деятельности разумных существ, содержит различные предметы относящиеся к разным эпохам, в зависимости от глубины залегания (хотя иногда культурные слои разных эпох перемешиваются в результате оползней почвы или других явлений природного либо техногенного характера).

35

Мнемоник, при задействованных имплантах воспринимает мир двояко. На обычное восприятие, присущее каждому человеку, накладывается иное ощущение данности. Свет, увиденный Рощиным частично визуальный образ, на которые рассудок наложил данные с датчиков, транслируемые непосредственно в мозг.

36

Кибстек — наручный персональный компьютер, обычно носиться на руке в виде браслета. Помимо встроенного экрана оснащен системой голографического проецирования.

37

Шурф — вертикальная, реже наклонная горная выработка в археологии обычно применяется для разведки глубины залегания «культурного слоя» или поиска границ конкретного объекта.

38

Хьюго БД12 — Машины данной серии проектировались исключительно для использования в колониях. Каждый андроид снабжался пакетом программ, которые позволяли ему действовать на трех разных уровнях свободы:

Первый являлся стандартной программной оболочкой для бытовой машины. При активации робот годился для выполнения любых хозяйственных работ, с полным запретом самостоятельных действий и жестким регламентированием ситуаций, когда деятельность робота могла вызывать угрозу для окружающих.

Второй уровень программных оболочек включался автоматически, в случае, если от людей не поступало никаких команд на протяжении стандартного земного месяца. Для совершившего посадку колониального транспорта это был критический отрезок времени, в течение которого исчерпывались все бортовые энергоресурсы.

Данный уровень программной свободы предполагал, что андроид может совершать определенные шаги, направленные на обеспечение безопасности колонистов и самостоятельной реконструкции зоны посадки.

Третий уровень программной свободы мог быть включен только человеком, путем ручного ввода команд со встроенного пульта программатора. Его включение активировало все процессорные и программные возможности андроида, а так же жестко привязывало его к определенному человеку или группе людей, которых он был обязан защищать при любых обстоятельствах. Всего блок идентификации дройда серии «Хьюго-БД12» мог хранить от одного до пяти образцов ДНК и связанных с ними образчиков голосового ряда для распознавания речевых команд. Находясь в состоянии третьей степени свободы, андроид мог исполнять любые функции, начиная от посадки цветов, уборки помещений и, заканчивая убийством любого существа, включая физическое уничтожение других людей, если они прямо угрожают жизни его хозяина.

39

Дион — курортная планета, центр галактического туризма.

40

Эволги — энергетические разумные существа, не построившие настоящей (в нашем понимании термина) цивилизации, но за миллиарды лет существования проникли в тайны мироздания глубже иных космических рас. Контакт с отдельными представителями Эволгов был осуществлен не так давно, после выхода кораблей космического флота Конфедерации за Вертикали гиперсферы.

41

Энтрифаги — древняя пространственная форма жизни. Обитают подле звезд, питаясь энергией светил. Внешне напоминают огромные многокилометровые полотнища, как будто сотканные из мрака. Полет Энтирифага удивительно красив, эти существа обладают зачатками интеллекта, их приручали и культивировали еще Дельфоны.

42

Станция ГЧ — станция гиперсферных частот, объединяющая множество приемных и передающих устройств, работающих на принципе передачи сигнала по линиям напряженности гиперсферы. Кроме каналов межзвездной связи на станциях ГЧ базировались основные аппаратные мощности компьютерной сети Интерстар.

43

«Римп-кибертроник» — название корпорации-производителя, занимавшейся в эпоху Великого Исхода колониальными проектами вооружений. Основным конструктором корпорации являлся Ганс Герверт, откуда сложилась аббревиатура «АРГ» — «Automatic Rimp-Gervet».

44

«Слепая стрельба» — навык, присущий мнемоникам. Читая сигнатуру, стрелок безошибочно поражает наиболее уязвимые точки в конструкции кибернетического механизма. При этом многие мнемоники по привычке прикрывают глаза, воспринимая мир посредством датчиков кибермодулей, откуда и пошло название подобной техники боя.

45

Стандартный имплант представляет собой кибернетическое устройство соединенное с нервными тканями головного мозга человека, оснащен устройствами временного хранения информации, приемниками и передатчиками, при помощи которых возможно дистанционное общение двух людей обладающих стандартизированными устройствами. Обычно имплант имеет овальную форму и расположен в правой височной области человека. Операции имплантации, как правило, проводиться еще в роддоме.

46

Фантом-генератор — сложное устройство создающее не только оптическую иллюзию, но и имитирующее ложную сигнатуру, способную ввести в заблуждение сканеры противника. Однако на коротких дистанциях эффективность фантом-генераторов падает, поэтому кибрайкеру приходилось постоянно изменять настройки излучающих комплексов в зависимости от типа и взаимного расположения сканеров исследуемого корабля.

47

Дикие Семьи инсектов — планетные, а иногда и кочующие в космосе анклавы разумных насекомых не признающие союза с людьми. В основном такие Семьи немногочисленны и промышляют разбоем в удаленных звездных системам либо на гиперсферных трассах.

48

Термин «многофункциональный» подразумевает, что машины класса «Стилетто» могли с равным успехом использоваться для выполнения разных задач. Однако оснастка вооружения, позволяющая штурмовку крупных космических объектов, на этапе атаки существенно снижала характеристики машины как истребителя.

49

Пилум — тяжелая ракета с разделяющейся головной частью. Базовая конструкция известна еще со времен Галактической войны — прототип «Пилума» устанавливался на модернизированных моделях серв-машин «Фалангер 4U». Главное назначение «Пилума» — достичь корабля противника и поразить как можно большую площадь брони, для чего служат кассетные разделяющиеся боеголовки.

50

В безвоздушном пространстве для корабля нет никакого значения, летит он «кормой» вперед «боком» или как-то иначе. Смысл произведенного «Х-Страйкерами» маневра заключался в том, что основное вооружение машины сориентировано по оси курса. Развернувшись, истребители удалялись от вражеских машин, получив возможность вести по ним огонь.

51

БСК — боевой сканирующий комплекс.

52

Система метаболической коррекции и боевого жизнеобеспечения скафандров, для космического десанта, пилотов серв-машин и аэрокосмических истребителей, разработанная еще в период первой галактической войны применяла к раненному радикальные средства, способные поднять его ноги, но после в большинстве случаев требовалось стационарное госпитальное лечение, так как боевая система поддержания жизни зачастую использовала внутренние ресурсы организма человека.

53

Резервные планетарные двигатели применяются только в исключительных случаях, их мощность и сопутствующие работе негативные факторы, наносят непоправимый вред экосистемам, расположенным поблизости от зоны старта или посадки корабля, использующего основную тягу, как планетарную.

54

Ожерелье — система из девяти планет, отправленных Логрианами и Инсектам в аномалию космоса при попытке создания в пространстве десятого энергоуровня гиперсферы узловой транспортной станции. Одна из планет, именуемая «Первый Мир» или по каталогам Конфедерации «Арастра» обладает атмосферой и пригодна для жизни.

Все небесные тела попавшие в «сердце гиперсферы» обращаются вокруг центрального энергетического сгустка куда «вливаются» все без исключения Вертикальные линии напряженности аномалии.

55

Склады длительного консервационного хранения на Алексии похожи на АХУМы (Автоматические Хранилища Унифицированных Механизмов) когда-то существовавших на планете Кассия (роман «Дабог»).

56

Логрис — древняя машина расы Логриан. Состоит из миллиардом мини-компьютеров соединенных не только информационно, но и физически. На базе Логриса в современности функционирует основной информационный узел человеческой сети Интерстар, кроме того, Логрис — это миллионы фантомных вселенных где обитают разумы различных мыслящих существ, в том числе и людей.

57

Логр — небольшой кристалл серовато-черный, не имеющий привычных для нас атрибутов машины, но тем не менее являющийся наиболее мощным и компактным автономным кибернетическим устройством в среди известных людям технологий. На базе Логра, сознание любого мыслящего существа способно получить вечную виртуальную жизнь, ограниченную рамками личного киберпространства.

58

Роман «Багровые небеса»

59

МИШка — просторечное название «Стилетто». От Аббревиатуры МИШ — многофункциональный истребитель-штурмовик.